

Тетралогия
в одном
томе

ОЛЬГА ГРОМЫКО

Профессия: ведьма

Москва, 2020

ОЛЬГА ГРОМЫКО

Тетралогия
в одном
томе

- Профессия: ведьма •
- Ведьма-хранительница •
- Верховная Ведьма •
- Ведьмины байки •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Художник
В. Успенская

Громыко О.
Г87   Профессия: ведьма: Профессия: ведьма; Ведьма-хранительница; Верховная Ведьма; Ведьмины байки/Послесл. И. Черного.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008.—1087 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0008-9

Ох и тяжела же ты, ведьминская доля! То в вампирью долину судьба занесет, то в драконью пещеру, то упыри на кладбище шалят, то от оборотней честному люду никакого спасу нет. К тому же конкуренты так и норовят увести из-под носа выгодную работенку, священники предают анафеме, селяне боязливо косятся, а король дерет налоги...

Но если вы молоды, талантливы и ваш магический резерв скорее наполовину полон, чем наполовину пуст,— все это ерунда! Главное—приключения и истинная любовь!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0008-9

© Ольга Громыко, 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005

• Профессия:
ведьма •

СТАРМИНСКАЯ ШКОЛА ЧАРОДЕЕВ,
ПИФИЙ И ТРАВНИЦ
ФАКУЛЬТЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ
КАФЕДРА МАГОВ-ПРАКТИКОВ

Часть первая
СОЦИАЛЬНЫЙ УКЛАД, БЫТ
И ПРАВЫ ВАМПИРЬЕЙ ОБЩИНЫ

Курсовая работа

адепки 8-го курса Вольхи Редной

Научный руководитель:

Магистр 1-й степени архимаг Ксан Перлов

*999 год по Белорскому летосчислению,
город Стармин*

Вик. А что? Вы что-то имеете против вампиров?
Р. Асприн. Корпорация М. И. Ф.

ВВЕДЕНИЕ

Хороший сегодня выдался денек. Теплый. Безветренный.

Вторая декада сенокоса месяца неспешно сочилась сквозь клеписдру солнечного лета, и голоса зябликов, доносившиеся из придорожных кустов, звенели в ушах. Я ехала сквозь их гнездовые уголья, как вдоль пограничной полосы. Полосой была дорога, заброшенный, проклевывающийся пыльной травой Кривой Большак. Зяблики попеременно возмущались вторжением человека на белой лошади в их частные владения, залихватские трели сменялись хриплым чириканьем, птахи суетливо перепархивали по веточкам, тревожа листву. Разноцветная кайма вокруг черных подсыхающих луж взрывалась сотнями истомленных жарой мотыльков, раскручивалась ввысь вихрем трепещущих крыльев. Поводья, завернутые петлей, свисали с передней луки. Я покачивалась в седле, как мешок с

крупой, придерживая левой рукой лежавшее на коленях письмо и пытаюсь разобрать прыгающие перед глазами руны. Ромашка пользовалась моим расслабленным состоянием, все замедляя и замедляя шаг, надеясь, что я, увлеченная чтением, не замечу ее коварного маневра и дам ей остановиться и спокойно пощипать травку.

— Ты чего это, голубушка? А ну, шевели копытами!

Плутоватая кобылка разочарованно всхрипнула.

— Давай, давай, халтурщица.

Я устроилась поудобней, если вообще можно устроиться поудобней на том пыточном предмете, коим являлось для меня жесткое казенное седло на третий день пути. Ромашкина грива тоненькими колечками спускалась до передней луки, забиваясь между страницами пухлого письма, которое я должна была вручить Повелителю Догевы и которое уже минут пять как самовольно вскрыла при помощи магии, не тронув увесистой печати на веревочке. На алом воске отчетливо проступал оттиск перстня — тринадцать рун и переплетающийся с драконом единорог в центре.

Угрызения совести никоим образом не сопутствовали сему времяпрепровождению. Во-первых, письмо писал мой Учитель, то есть ничего более обидного или нового, чем я о себе знала, сообщить он Повелителю Догевы не мог. С другой стороны, вдруг Учитель строчил это письмо в состоянии несвойственного ему благодушия и умиротворения? Должна же я соответствовать своей характеристике. И в-третьих, Варвара — не единственная любопытная женщина на земле. О каре, постигшей вышеупомянутую, я старалась не думать.

Итак, я приступила к чтению.

«Многоуважаемый Повелитель Догевы, благородный Арр'актур тор Ордвист Ш'эонэлл из клана...»

Мура, геральдика, ни к чему не обязывающая вежливость. Пропускаю. Страницу пропускаю. Вторую. Руны маленькие, заковыристые, не сразу и разберешь. Почерк у моего Учителя — для секретных документов лучше не придумаешь. Ему бы шпаргалки к экзаменам писать. Да когда же закончится это введение?! Тоже мне, Повелитель — на карте этой Догевы с медную менку, а почестей — на золотой кладень! Интересно, будет ли его читать сам Арр'актур? Вряд ли, разве что у него прогрессирующая мания величия. В таком случае не следует ли мне, законопослушной жительнице державного города Стармина, столицы Белории, официальной резиденции многоуважаемого кем-то его величества короля Наума, заблаговременно поупражняться в благоговейном трепете? Как-никак личность я незначительная, ничем не примечательная, кроме золотисто-русых волос с рыжиной да вредного характера.

Первое качество — наследственное, второе — благоприобретенное. Моя подробнейшая автобиография — три строчки с финтифлюшкой на переносе: круглая сирота, восемнадцать лет назад имела несчастье появиться на свет в семье потомственных тружеников полей, то бишь селян, в промежутках между весенними и осенними страдами с грехом пополам выучила грамоту, а восемь лет назад сбежала в Стармин и поступила в Высшую Школу...

Тут мои занятия литературой, дипломатией и генеалогией грубо прервали. Очень грубо. Я едва успела подхватить листки, поползшие в разные стороны. Ромашка, неисправимая саботажница, задумчиво жевала узду, бряцая железом, в то время как незнакомый и весьма подозрительный тип обросшей наружности демонстративно потрясал перед лошадиной мордой самодельным арбалетом с грязной стрелой многоцветного использования, так что непонятно было, кого он собирается грабить — меня или Ромашку. Я приподнялась на стременах, с интересом рассматривая заржавленный наконечник.

— Я не думаю, что это самое удачное место для торговли антиквариатом, — доверительно сообщила я незнакомцу. — Вот в Стармине у вас бы его с руками оторвали. Вернее, отрубили. Знаете ли, там очень не любят разбойников...

Ромашка обнюхала арбалет, презрительно фыркнула и, напроць игнорируя грабителя, потянулась к аппетитной зелени малинника, из высокой гущи которого только что возникло это чудо в лаптях.

Преступный элемент заметно смутился. Наконечник затрепетал, как щенячий хвостик. Увы, до раскаяния и покаяния было еще далеко — заблудшая овца упорствовала во грехе сребролюбия:

— А ну-тка, живо слезай с коня, девка языкатая! Кошелек или жизнь, да пошустрей, слышишь?

Я изобразила усиленную работу мысли:

— Ладно, убедил. Кошелек.

Пахнуло озоном.

Лицо грабителя передернулось, зрачки расширились, глаза остекленели, и он, медленно опустив арбалет, отвязал и беспрекословно подал мне тощий мешок, болтавшийся у пояса.

От мешка разило кошками и куревом. Ослабив веревку, стягивавшую горловину, я пропустила сквозь пальцы несколько мелких монет.

— Маловато, дорогой мой, маловато. С ленцой работаешь, без огонька. Впрочем, так уж и быть, возьму в качестве аванса, — осчастливила я грабителя, швыряя ему под ноги пустой мешок, и пре-

дупредила: — Я через пару дней этой же дорогой назад поеду, так уж будь добр, постарайся меня не разочаровать.

Мужик, не отрывая от меня загнипнотизированного взгляда, медленно нагнулся, поднял мешок и застыл столб столбом, не в силах шевельнуться без моего ведома.

Как только горе-грабитель скрылся из виду, я деактивировала заклинание и позволила Ромашке перейти с галопа на любимую ею трусцу. Письмо, зажатое во время подсчета денег у меня между коленями, немного помялось и утратило товарный вид. Впрочем, рассудила я, главное не оформление, а содержание. Оно же компенсировало недостатки репейного листа, использованного в укромном месте.

Ага, вот наконец и обо мне пара строк. За дифирамбами загадочному Арр'актуру пропустишь и не заметишь.

«...за время обучения в Высшей Школе Чародеев, Пифий и Травниц адептка Вольха проявила себя...»

Знаю. Очень плохо.

«...неусидчива, нетерпелива, своевольна...»

Знакомая песня.

«...любит злые шутки и неоднократно переносит их с воспитанников на воспитателей...»

Это он про ведро, что ли? Да, было одно ведерко, довольно объемистое. Стояло себе на балке, над дверью моей комнаты. Эдакий самодельный капкан на соседей по Школьному общежитию, дабы неповадно было без спросу одалживать у меня конспекты и кастрюли с наваренным на неделю борщом. Может, Учитель так бы не разозлился, если бы ведро все-таки опрокинулось, а не упало ему на голову стоймя, вместе с водой?

«...отличается редкими способностями к практической и теоретической магии, сильно развитой интуицией, быстро адаптируется к нестандартной ситуации...»

Ха, может, я еще не безнадежна?

«...рекомендую применить ее дарование для решения упомянутой Вами проблемы. Да, еще. Последующие страницы начертаны симпатическим составом, дабы уберечь их содержание от неумеренного любопытства вышеупомянутой адептки, которая в настоящий момент наверняка уже ознакомилась с содержанием страниц предыдущих. Компоненты, входящие в состав, Вам известны, и для Вас не составит труда...»

Нет, безнадежно. Меня исправит только могила.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Глава 1

Неприличная какая-то граница у Догевы. У эльфов — высокие травы. У гномов — скалы. У вадлаков — груды выброшенной на поверхность земли. У дриад — дубы, подметающие облака. У друидов — каменные круги. У людей — облупленные стены, каналы с затхлой водой, разделенные парой-тройкой подъемных мостов, да лысые стражники при них, бдительно дремлющие, упираясь на ржавые алебарды.

А здесь — осины. Издевательство какое-то, особенно если учесть, что жители Догевы — вампиры. Хорошие такие осины, серебристые, трепещущие. За осинами щекочет небо островерхий еловый ковер, среди которого кое-где проглядывают затравленные березки и сосенки, сама же Догева лежит в долине, как плюшка на дне расписной пиалы. Если смотреть с холма — края пиалы, виден белый ободок из осин; второй потолще, потемнее — из елей, а в центре — широкое зеленое дно с крапочками: сама Догева в кольце возделанных полей и облаках тумана.

«Подойдешь вплотную к деревьям, — наставлял меня Учитель, — и пошлешь мысленный сигнал в глубь леса. Любой. Можешь думать о чем угодно, лишь бы сформировать мощную телепатическую волну.

— А кому мне ее направить?

— На общей частоте. Кто-нибудь из Стражей Границы услышит.

Я смущенно кашлянула:

— Лучше бы ему этого не слышать...

— Не обязательно продумывать очередную пакость. Знаю, знаю, ты на них сверх всякой меры горазда, но на сей раз постарайся воздержаться от оных. О чем это я? Ах да, о волне. Вампиры очень восприимчивы к телепатии и сразу отреагируют на ее присутствие, хотя и не смогут досконально расшифровать. Так что напирай на количество, а не на качество.

— Вот так? — Я смотрю на дымящую баню, наморщив лоб от усердия, и на мою волну тут же реагируют пять или шесть адептов, которые, овеянные паром, выбегают из дверей и выпрыгивают из окон, атакованные внезапно ожившими вениками. Руки будущих коллег заняты шайками, прикрывающими от веников самое сокровенное. Учитель умирят веники одним движением брови, но взгляды, адресованные шутнице недомытыми коллегами, не сулят ничего хорошего.

— Я сказал «подумать», а не транслировать заклинания. Жаль, что за годы, проведенные в этих стенах, ты так и не научилась думать.

Что ж, думаю. Стою под осиной, наморщив лоб, и Ромашка уже что-то жует, зеленая слюна сочится из черных уголков бархатистых губ, разделенных кольцами удил. Телепатировать — значит, сознательно делиться мыслями с кем-нибудь другим. Делюсь последним. Из леса тянет прохладой, сидящая на ветке иволга удивленно покачивает хвостом в ответ на мои умственные потуги.

Либо занятие оказалось мне не по зубам, либо ошарашенные Стражи Границы попадали на месте, сраженные моей мощной думой. Мои старания увенчались успехом минут через сорок, и за это время я успела передумать больше, чем за предыдущие восемнадцать лет.

А вот и результат. Ага, подействовало. Или он проходил мимо случайно?

Я впервые увидела вампира. Возможно, если бы он возник из ниоткуда, был бледен как смерть и недвусмысленно скалил окровавленные зубы, я бы его испугалась, как, собственно, и планировала. Мои знания в области вампироведения базировались на человеческих легендах и преданиях, отличавшихся редкостным пессимизмом. К тому же все гравюры, картины, гобелены, на скальная живопись изображают вампиров исключительно ночью и в темноте. Крылья, зубы, когти — все это кажется таким страшным и огромным только потому, что толком ничего нельзя разглядеть.

Дневной свет развеял ореол ужаса в пух и прах. При солнечном свете, на фоне бескрайних полей и высоких деревьев вампир показался мне возмутительно мелким и безобидным. Правда, я еще не спешила. А пришлось — мне галантно предложили руку, воспользоваться которой, впрочем, я не рискнула.

Вампир улыбнулся, показав длинные клыки. Любой улыбнулся бы, увидев, как я сползла-съехала по крутому Ромашкиному боку. Перекинув поводья через голову лошади, я выжидающе уставилась на вампира. Страж Границы оказался выше меня на полголовы, широк в плечах и весьма недурен собой. Длинные темные волосы обрамляли узкое загорелое лицо, сложенные за спиной крылья придавали вампиру некоторое сходство с Мороем, демоном — посланником смерти, десятиаршинная статуя которого украшала актовый зал Высшей Школы. Черные, пронзительные, чуть раскосые глаза вампира изучили мою малопривлекательную внешность, но так и не сумели разгадать, что за ней сокрыто.

— Кто вы и что вам нужно в Догеве? — внушительно, гортанно и в меру грозно произнес вампир.

— Я? — Я так сосредоточенно телепатировала, что забыла заранее подготовленный ответ.

— Ну не я же! — соблаговолил пошутить вампир.

Меня словно леший за язык дернул.

— О, я всего-навсего юная, прекрасная и невинная девица, одиноко и печально блуждающая в темном лесу в ожидании своей ужасной участи,— выпалила я, учитывая приписываемые вампирам вкусы и честно стараясь не расхохотаться Стражу в лицо. Стоит ли упоминать, что трафарет ответа не имел ничего общего с моим экспромтом.

Вампир оторопел и больше чем я сама походил на обиженную судьбой девицу.

— Что? — удивленно переспросил он.

Я послушно повторила.

По лицу Стража скользнула тень понимания.

— Вы Вольха Редная, адептка старминской Школы Чародеев,— медленно и серьезно сказал он.— Верно?

Пришел мой черед изумляться:

— Откуда вы...

— Идите за мной.— Вампир повернулся и исчез в осиновом подворье опушки.

— А лошадь?

— Ведите в поводу,— послышался спокойный ответ.— До дороги всего десять шагов, а в обход не меньше полумили.

Ромашку перспектива лезть в кусты, мягко сказать, не обрадовала. Я повисла на узде. Эффекта никакого. Лошадь заплясала на месте, изредка привставая на дыбы и пытаясь развернуться. Высокий частый осинник, с ее точки зрения, был совершенно неподходящим местом для прогулок уважающих себя лошадей. Я уже подумывала о создании миража дороги, но во время борьбы мы изрядно помяли гибкие ветви, и лошадь увидела в глубине леса дорогу настоящую. Для приличия пофыркав, Ромашка успокоилась, и я решительно потянула ее за собой. Мысль, подходят ли догевские кущи для людей, мне раньше в голову не приходила. Волевым усилием я отогнала ее и теперь. Ну вампиры и вампиры. Не упыри же. Чай, разумная раса. Договоримся.

Вампир терпеливо ждал, прислонившись к стволу осины, как наглядная иллюстрация к фолианту «Человеческие суеверия и их причины». Ромашка реагировала на него соответственно, то есть никак, хотя ей бы полагалось храпеть, бить копытом и косить налитым кровью глазом. Впрочем, лошадь у меня на редкость флегматичная.

Убедившись, что вся компания в сборе, вампир с явным сожалением оторвался от полюбившегося ему дерева и повел нас в глубь леса. Теперь я глядела ему в спину: крылья, выпущенные сквозь прорези в одежде, напоминали черный плащ, надетый вместе с вешалкой — именно с ней у меня ассоциировались тонкие кости, не дававшие кожистым крыльям летучей мыши спадать.

Мрачноватый, но величественный лес, застланный ковром елового опада, ничем не отличался от десятков и сотен других лесов, сквозь которые я проезжала, проходила и даже проползала на четвереньках в поисках ягод. В кронах елей тоненько тивкали корольки, по краям едва заметной тропки пышно курчавилась нежно-салатовая кислица.

Вампир молчал. Я думала. На этот раз — исключительно для себя.

Еще неделю назад я и вообразить не могла, что когда-нибудь окажусь в Догеве, да еще по делу. До окончания Школы оставался полуторагодовой запас неизгрызенного гранита науки, хотя по некоторым предметам я значительно опережаю не только адептов-погодков, но и наставников. Даже Учитель, что там греха таить, не всегда может разобраться в наведенных мною абстракциях. Учитель преподает практическую магию со второго курса. Он требователен, сварлив и капризен, как старая дева. Угодить ему чрезвычайно сложно. А я к тому же ненавижу угождать. Одно время я всерьез подумывала: а не бросить ли мне всю эту муру и перевестись на факультет Ворожей или Травников? Но привыкла, втянулась, потеряла половину ершистости и стала обращать на Учителя не больше внимания, чем на ежевичную плеть, которая колетса и цепляется за одежду, но тем не менее приносит определенную пользу. «Практическая магия не для девушек», — говаривали адепты мужского пола, завидуя моим способностям. Они оказались правы. Я единственная девушка на всем потоке. Остальные пять или шесть отсеялись после первого семестра. Конечно, девушке больше пристало возиться с больными, принимать роды или заговаривать раны — короче, исцелять либо прятать ошибки под землей. Магистра практической магии ждали урочища с упырями, сварливые драконы, застенчивые василиски и улучшение благоприятной обстановки в целом. Наверное, во мне слишком мало сострадания, чтобы возиться с больными. Упыри же в моем сострадании вроде бы не нуждаются.

Восемь лет назад, когда я робко тронула колотушкой бронзовую бляху на воротах Школы, никто не верил, что из меня получится даже Травница. Я была диковатым десятилетним подростком с оптимальным количеством прыщей вперемешку с веснушками. И уймой талантов, запрятанных так глубоко, что на собеседовании их

не выявили. Да особенно и не пытались. Школа предпочитала брать на обучение городских ребят из обеспеченных семей, более-менее образованных, воспитанных и готовых в случае чего поддержать Школу материально. На собеседовании мне долго пытались втолковать, чем левая рука отличается от правой, которую я должна была положить на лист бумаги и представить, как он обугливается под фалангами пальцев. Что такое «фаланги», я тоже не знала. В общем, Школа стояла и намеревалась стоять дальше без моего участия.

Помнится, я сидела на земле у ворот и наполовину глотала, наполовину размазывала по лицу крупные злые слезы, помимо воли катившиеся из глаз. На мое счастье (или несчастье?), Учитель не числился в составе приемной комиссии, он как раз возвращался из долгосрочной дипломатической командировки, и на его пути сидела я.

— Разве магичке пристало плакать? — сурово спросил он, нависая надо мною бородатой скалой с посохом.

Я шумно вытерла нос:

— А я не магичка! И могу плакать, где захочу!

— Ишь ты! — удивился Учитель, присаживаясь на краешек каменной кадки с цветами. — А ты знаешь, что, когда маленькие девочки так горько плачут, портится погода? Ой, смотри, накличешь дождь на мою седую голову.

— Не накличу.

— Это еще почему?

— Потому что вы — колдун и над вами не каплет.

Учитель то ли засмеялся, то ли закашлялся в бороду.

— Поэтому ты и захотела стать магичкой, да? И кем же? Травницей или Пифией?

— Нет! Настоящей магичкой! Чтобы жуть как волшебствовать и чтобы все меня боялись!

— Некроманткой, что ли? — усмехнулся Учитель.

— Не кроме... чего?

— Ну злой ведьмой, — объяснил маг.

— А добрых ведьм не бывает? — подумав, спросила я.

— Почему, бывают. Их называют магами-практиками или магами-воинами.

— Во-во. Это мне подходит.

— А упырей не боишься?

— Не-а. Я только тараканов боюсь. И крыс немножко, — со вздохом созналась я.

— Ну вот. А маг ничего не должен бояться.

— И вы совсем-совсем ничего не боитесь?

Учитель призадумался, поскреб макушку:

— Видишь ли, кое-кого маг все-таки должен бояться. Себя самого. Магия — это не балаганские фокусы с шариками да картами, она может быть темной и светлой, доброй и злой, разрушительной и созидательной, и какой она станет в твоих руках — зависит только от тебя, а это огромная ответственность. Смотри,— сказал маг, поворачивая руку ладонью вверх, и над ней материализовался сгусток синего пламени.— Красивый шарик, правда? И такой безобидный с виду. Посмотри, как спокойно он лежит в моих ладонях. Как ты думаешь, останется ли он столь же покладистым в чужих руках?

Я не любила отвечать на провокационные вопросы и без колебаний ухватилась за шарик обеими руками.

— Уй, да он совсем холодный! — восторженно завопила я, забыв про слезы.— И шевелится!

Учитель ответил не сразу. С трудом подтянув отвисшую челюсть, он слабым голосом попросил меня «выкинуть бяку» куда подальше. Я удивилась, но послушалась. Блеснуло и грохотнуло, а когда дым рассеялся, мы увидели крышу дальнего амбара. Еще некоторое время она висела в воздухе, потом шумно рухнула на пепелище.

— Это еще что такое?! Опять ваши дурацкие эксперименты, Ксандр? — прогремело за спиной. Обернувшись, я увидела низенького, упитанного и лупоглазого мага неопределенного возраста, с крючковатым носом и щеткой рыжих усов.

— А, Питрим,— небрежно сказал Учитель, не оборачиваясь.— Как же это ты просмотрел такую жемчужину? Потрясающий дар управления энергией, телекинетические способности — природный Практик. Я беру ее в свою группу.

Питрим — директор и завуч в одном лице. Преподает некромантию, но лишь постольку-поскольку, степень Магистра у него по магии стихий. Имя у Питрима длинное, заковыристое, как свернувшаяся клубком гадюка. Он назвал его на вступительном занятии, но так быстро и неразборчиво, что никто даже записать не успел. Адепты почтительно величали его «досточтимым Магистром Питримом». Наставники обходились без «досточтимого». А Учитель — и без «Магистра».

За глаза Питрима честили «некрохрычом». Причем и адепты, и наставники.

Питрим смерил меня презрительным взглядом.

— Мест нет,— буркнул он.— У нас и так семь лишних абитуриентов, а все благодаря вам. Подбираете их с улицы, как бездомных котят, а потом заваривается дурацкая канитель с отчислением, порождающая недоучек, опасных для общества.

На секунду воздух между магами сгустился и потемнел. Всего лишь на секунду.

— Пойдем, девочка,— сказал Учитель, не опуская глаз.— Ты принята. С этой минуты ты — адептка Школы Чародеев, Пифий и Травниц.

По Школе давно ходили слухи, что в Догеве творится что-то неладное, но что именно — не знал никто. Все только догадывались, и с таким глубокомысленным видом, словно дипломы со званиями Пифий 1-й степени уже лежали у них в карманах. Все переговоры с Догевой вел Учитель. Магистр Питрим в это не вмешивался, но развил бурную деятельность «по контролю над ситуацией», то есть проводил по два-три совещания в день, после которых доведенный до белого каления Учитель начинал лекцию по практической магии штурмовым опросом, безжалостно пуская на дно юные челны разума, лишённые балласта знаний. Воздух бурлил от магии. Послания из Догевы передавались телепатически, по цепочке осевших в городах магов. Да и то правда — где найдешь гонца, который согласится стать посыльным у вампиров? В радиусе десяти миль от Догевы нет ни одного человеческого поселения. Боятся. Еще бы. Вампиры! Кровопийцы! Страх и ужас! Запирайте двери, кушайте чеснок.

На лекционных курсах «Разумные расы» вампиров проходили между эльфами и гномами, в разделе «Союзники». «Расы», к сожалению, преподавал Питрим, преподавал нудно, заковыристо и со своей точки зрения. Эльфов он недолюбливал, гномов опасался, о троллях сказал два непечатных слова, а вампиров ослабил так, что впору точить колья и идти на них войной. Из-за этой его предвзятости мы ничего толком не знали о вампирах, а на экзамене достаточно было ляпнуть на их счет какую-нибудь непристойность, и пятерка обеспечена. Подавляющее большинство магистров и адептов придерживались Питримовой точки зрения. Если у леших, русалок и даже гоблинов еще находились защитники, то вампиров никто хвалить не решался.

А ситуация все накалялась. Наставники ходили как пришибленные, занятия срывались. Адепты пользовались неразберихой и творили что хотели. На лекции по травоведению в чан с зельем таинственным образом попаладохлаямышь, ожить не ожила, но от запаха эликсира две адептки упали в обморок, а у остальных так разболелась голова, что занятия отменили «до полного выветривания чужеродного элемента». В темных коридорах подвального этажа завелся скелет, он гремел костями и бил реторты с ценными ингредиентами, как то: кровь дракона концентрированная, желчь девственниц (огромный дефицит, обусловленный еще большим дефицитом поставщиц), ртуть гремучая и царская водка. На поиски и ликвидацию скелета пришлось выделить специальную комиссию

с аспирантом Алмитом во главе, в результате чего были добиты недобитые реторты, а скелет оказался наглядным пособием из кабинета анатомии, в пустую черепушку которого чья-то шаловливая рука вселила дух алхимика-самоубийцы.

Но это все к делу не относится. Настоящие страсти разыгрались, когда исчез один из преподавателей. Перед выходными по поводу Праздника Воды он, как всегда, задал нам кучу заклинаний и упражнений на отработку пассов, непререкаемым тоном зачитал отметки по контрольной, попрощался и больше мы его не видели. Важек, адепт, подсмотрел, как он оседлал каурого коня в тени амбара, приторочил к седлу походную сумку и галопом отправился по дороге на Богор. И не вернулся. Богор лежал на одной линии с Догевой. Школу захлестнула новая волна слухов, еще более туманных и неопределенных. Цены на чеснок взлетели до небес. А еще подорожали мечи и кольчуги. Стармин наводнили странные типы, угрюмые и обросшие сальными патлами. Они оккупировали постоянные двory и кабаки, сбиваясь в банды, напоминавшие крысиные стаи.

— Наемников нам только не хватало,— ворчал Алмит, Магистр 4-й степени, который временно замещал Питрима, вел практические занятия по «Разумным расам» и в данный момент пытался распределить между нами темы курсовых работ.— Налетели, как воронье на падаль. Как бы самим падалью не стать. Мало им одной войны, стервецам.

Алмит имел в виду войну с вампирами, завершившуюся семьдесят лет назад подписанием мирного договора.

— Договор еще в силе,— заметил Важек.

— Вот потому мы сейчас и имеем неудовольствие лицеизреть наемных убийц под самыми окнами Школы. Официально король не может выступить против вампиров, так как договор подписали все разумные расы, в том числе самые многочисленные, то бишь эльфы, тролли и гномы,— последние, между прочим, прибрали к рукам всю металлургию и оружейную промышленность, так что ссориться с ними не следует. Они немедленно сплотятся против агрессора и основательно надерут ему... кх-м... в общем, дадут достойный отпор. А наемники — совсем другое дело. Они как бы вне закона, свободные охотники. Как говорится, за всеми подданными не уследишь. Официально король объявит им анафему, а неофициально... как вы думаете, на какие доходы вон тот, лохматый, с бородой, кокетничает с... хм... девицей вольного поведения?

Алмит отошел от окна, подавая пример адептам, прильнувшим к стеклам в надежде разглядеть упомянутую девицу.

— Итак, мы остановились на тебе, Вольха. Осталось пять тем: «Быт и нравы гномов», «Метафизические воззрения привидений»,

«Сравнительный анализ психологии домовых и конюших», «Роль русалок в экологии пресных водоемов» и... Ах нет, Питрим ее опять вычеркнул. Значит, всего четыре темы. Что ты кривишься?

Как обычно, мне досталась полнейшая ерунда. Привидения — зануды и моралисты, через пять минут общения с ними начинает клонить в сон. Бултыхаться в пруду с русалками тоже чревато — пиявки, насморк и комары идут в комплекте с экологией. Гномы—скрытные и подозрительные существа, у них материал для курсовой работы зубами не вырвешь. А психологию домовых и конюших можно выразить в двух словах: «мелкое пакостничество».

— Ну, ты пока подумай, а я объясню что к чему. Курсовая должна быть выполнена к первому вересклету, то есть ровно через три месяца. Она должна включать обзор литературы за последние два века — желательно той расы, которую вы выбрали для изучения. Но не ограничивайтесь одними книгами! Знаю я вас — засядете в библиотеке на сутки, перепишете пару фолиантов попыльнее, и думаете, что легко отделались. Нет, дорогие мои, без прямого контакта с инородцами ничего не выйдет. На устном опросе я вас живо расколю. Да, специально обращаюсь к тем, кто выбрал троллей: не цитируйте их, бога ради. Перескажите своими словами. Ну как, Вольха, решилась?

— Нет.

В кабинет заглянул лаборант с кафедры Травоведения, кивнул Алмиту, откашлялся и официальным тоном пригласил меня к директору в кабинет.

Пожалуй, стоит описать его поподробней. Адепты — народ любопытный, им только укажи на запретный плод, отвернись на минутку, и от плода останется сиротливый огрызок. Что там греха таить, я тоже крутилась у кабинета, как лиса вокруг курятника. Он был опечатан магией так же герметично, как куриное яйцо — скорлупой. Что только не вытворяли адепты! Долбили скорлупу отмычками, заклинаниями, левитировали под окнами, посылали на разведку дрессированных тараканов, да все без толку. О кабинете слагались легенды. Дескать, там и легендарное Зеркало Откровений, и портал в бесконечность, и свиток с заклинанием конца света, и пророчествующий череп с философским камнем в зубах — в общем, все чудеса и загадки прошлого, будущего и настоящего.

И вот я в святая святых Питрима. И что? И я разочарована до глубины души.

Игра не стоила свеч. Обстановку кабинета составляли диванчик, два кресла, стол и стул, да еще немного официальной роскоши в виде двух картин и пышного ковра.

На стуле сидел Учитель, усталый и как будто даже постаревший. В руках он держал запечатанный (бывший!) свиток.

— Садись.

— Спасибо, я постою.

Будь Учитель один, я бы села. Но за его спиной злобно посверкивал глазами Магистр Питрим, сесть при котором означало написать себе смертный приговор. Вот уж кто не скрывал своего презрения к адептам, тем более не поощрял панибратства между ними и наставниками.

— Ты отправляешься в Догеву, — без обиняков сообщил Питрим, выдвигаясь на передний план.

— Куда? — вырвалось у меня.

— В Догеву, — терпеливо повторил Учитель, упреждая гневную вспышку коллеги.

— Когда?

— Сейчас. Из этого кабинета ты напрямик выйдешь во двор, возьмешь на конюшне числящуюся за тобой кобылу, получишь паек и деньги у кладовщика и, ни с кем не разговаривая, покинешь Школу.

— А моя куртка? — глупо спросила я. Куртка лежала в моей комнате на кровати, я как раз собиралась пришить оторванный карман.

Учитель щелкнул пальцами, и на меня свалилась куртка, теплая и зашитая. Столь виртуозная телепортация сразила меня наповал. Прижав куртку к груди, я молча ожидала дальнейших указаний.

— Передашь этот свиток Повелителю Догевы, Арр'актуру тор Орд... тьфу, когда-нибудь точно язык сломаю. Лично. Никому его не показывай. Не доставай. Даже не говори о нем остальным вампирам.

У меня предательски задрожали руки. Свиток, покувыркавшись в воздухе, упал на пол и закатился под шкаф. Я торопливо шлепнулась на колени. Как на грех, уборщицы обходили директорский шкаф стороной, и треклятый свиток добротнo обмотался ключьями вековой пыли. Я поспешно дунула на него, но вышло еще хуже — вся пыль бросилась мне в нос и глаза, оглушительный чих смешался со звоном упавшей сверху вазы. Кое-как запихав грязный свиток за пазуху, я поднялась с колен и тут же об этом пожалела — оба Магистра смотрели на меня пронзительнее василисков. Левый василиск источал смертный холод, правый — еще более обидную укоризну. Виновато покосившись на рассыпанные у шкафа осколки, я изобразила искреннее раскаяние и сосредоточенное внимание, то есть скорчила на редкость идиотскую гримасу. Учитель, вздохнув, удовольствовался чем есть и начал подробно рассказывать о дороге

на Догеву, об энергетических точках, о самых распространенных тварях этого района, но я слушала вполуха. Все это не имело значения. Не указания, так язык до Догевы доведет. А что там, в Догеве?

— Ты меня не слушаешь,— ворчливо упрекнул Учитель.

— Простите. Продолжайте.

— Ты удивлена, не так ли?

У меня вырвался нервный смешок:

— Мягко сказано.

Учитель покосился на коллегу:

— Магистр, прошу вас.

Учитель во всеуслышание назвал Питрима Магистром? Это что-то новенькое. Неужели вредящий колдун в чем-то одержал верх?

— Уже месяц, как мы получили первое сообщение из Догевы,— начал Магистр, отворачиваясь от меня и глядя в окно. Пальцы Магистра, белые, холеные, унизанные перстнями, соприкасались кончиками за спиной. Я подумала и села. Не любит он меня. С того самого дня, как схлестнулся из-за меня с Учителем. Впрочем, Питрим недолюбливал всех адептов, а в особенности практиков. Ходили слухи, будто какая-то колдунья одолела его в честном поединке, выставив на посмешище.— Вернее, не Догевы, а Камнедержца, города на реке Выпь. Это ближайший сосед Догевы. Градоправитель просил прислать мага. Но один из закончивших обучение адептов был распределен в Камнедержец год назад, и город не мог на него нахвалиться. Все правильно, ответил нам градоправитель, но две недели назад маг исчез, и на коров напала короста, так что маг им нужен позарез. Я навел справки, и выяснилось, что маг отправился в Догеву якобы по делам. И не он один. За последний месяц Догева как бездонная бочка проглотила четырех опытных, мощных и закаленных в боях магов.

— В том числе наставника по теоретической магии?

— У него было поручение вступить в контакт с жителями Догевы и выяснить, что же там в конце концов происходит.

— А нельзя спросить прямо у этого... Арр'актура Батьковича?

Магистр так резко обернулся, что я поспешила вскочить и вытянуться в струнку.

— Мы спрашивали,— предотвратил взрыв Учитель.— Но получили очень туманный ответ.

— Какой?

— Он утверждает, что во всем виновата нечисть.

— Какая конкретно?

— В том-то и дело,— Учитель пожал плечами,— что вся. Вся, которая существует. Упыри, оборотни, василиски, кикиморы, моровые призраки.

В общем, перечислил энциклопедию «Нежить» от корки до корки.

— Это в Догеве-то,— добавил Питрим.— Там отродясь ничего крупнее леших не водилось. Нежить обходит Догеву стороной, как чумную. Даже ей эти гады не по нраву.— Слово «гады» он произнес с непередаваемым омерзением, даже щека дернулась от ненависти, а костяшки скрюченных пальцев побелели, имитируя акт удушения.

Учитель относился к вампирам куда спокойнее:

— Все правильно. Обычные проблемы Догевы — болезни скота, случайные травмы, неурожай. Кстати, Питрим, вы забыли упомянуть— Повелитель Догевы официально объявил о гибели девяти подданных.

— Не верю ни единому его слову! — вставил Питрим.— Этот поганый вампир юлит, как змея под рогатиной!

— Итого вместе с людьми — тринадцать человек за один месяц,— невозмутимо продолжал Учитель.

— А те... подданные, они тоже были магами? — поинтересовалась я.

— У вампиров нет магов. Только Травники. Неизвестно даже, рождаются ли у них дети с магическими способностями. Собственно говоря, мы не знаем о вампирах практически ничего. Среди тем курсовых работ, предлагаемых адептам, есть и такая: «Социальный уклад, быт и нравы вампирьей общины», но за сто пятьдесят лет существования Школы никто не осмелился ее разрабатывать, поэтому обычно мы ее вычеркиваем.

— Что ж, заодно поработаю над темой,— попробовала пошутить я.

— Ты не на практику едешь! — непонятно с чего взъярился Магистр, наступая на меня с такой яростью, что я свалилась в кресло, а он навис надо мной, брызгая слюною.— Ты едешь с заданием! С серьезным заданием! Никаких задержек! Никаких глупостей! Приехала, переговорила с Повелителем, и назад! Если сможешь. Девчонка, ты еще слишком молода и глупа, чтобы трезво оценить происходящее. Вампиры, которые столько лет жили с нами бок о бок, обнаглели от своей безнаказанности и убивают людей в открытую!

— Питрим, это не доказано,— тихо вмешался Учитель. В голосе старого мага сквозила неуверенность, что мне очень не понравилось.

— Это будет доказано, когда она вернется... или не вернется. Тогда, по крайней мере, мы будем знать своего врага в лицо. И знать, что он враг. До сих пор кодекс магов не позволял нам причинять зло вампирам и предписывал защищать их от фанатиков-

людей. Мы не придавали значения байкам тупых селян, хотя они толпами осаждают посты, умоляя защитить их от коварных кровососов. Но теперь все изменится. Вампиры будут исключены из списка союзников и приравнены к прочей нечисти! Все! Разговор окончен. Вопросы есть?

— Почему выбрали меня? Я ведь еще адептка!

— Рекомендация твоего Учителя,— прорычал Питрим, снова являя мне упитанный задок.— Отправляйся немедленно!

Адепты ждали меня под защищенной от прослушивания дверью. Я с легкостью блокировала телепатические жучки, и коллегам пришлось удовлетворять свое любопытство методом вопросов (их было много) и ответов (тут я их разочаровала).

— Ну как?

— Что они хотели?

— Не томи душу! О чем вы говорили?!

Я напустила на себя скорбный и загадочный вид. Воцарилась благоговейная тишина, как перед выносом тела. Когда она дошла до звона в ушах, я со вздохом призналась:

— Мне предложили сменить Питрима на посту директора, но, увы, я была вынуждена отказаться — суета сего грешного мира не для меня, в связи с чем я испросила разрешения удалиться в глухой скит, где проведу остаток дней в молитвах и покаянии. Прощайте все, вряд ли мы еще когда-нибудь увидимся...

Лица будущих коллег вытянулись, как онучи после стирки. Посмеиваясь, я вприпрыжку сбежала по лестнице, на ходу надевая и застегивая куртку.

Лошадка ни о чем меня не спрашивала. За два кусочка сахара она позволила обрядить себя в седло и, после долгих уговоров, взнудать. На дорогу мне выдали сумку с одеждой, ковригу хлеба, баклажку с водой (дырявую, то есть, можно сказать, практически без воды), мешочек с перловой крупой и, непонятно почему, меч, тупой и шатающийся в рукояти.

Дорога легко ложилась под копыта лошадки и очень тяжело — под мой изнеженный зад. Школа осталась позади, никто меня не провожал — адептов созвали на очередную лекцию. Ромашка вступила в светлую березовую рощицу, и деревья сомкнулись за моей спиной, отрезав путь к отступлению. Впереди, на обочине, неподвижно стоял человек в синем просторном одеянии, отороченном золотой тесьмой. На груди, чуть покачиваясь на серебряной цепочке, тускло светился крупный изумруд.

Я натянула поводья. Учитель подошел, коснулся рукой моего колена. Сухое тепло пробилось сквозь тонкую штанину.

— Я отвечу на твой последний вопрос, Вольха. Видишь ли, существуют проблемы, для разрешения которых малопригодна грубая сила. Никто не спорит, у меня было бы гораздо спокойнее на душе, если бы ты была отменной воительницей и профессиональной магичкой. Но в нашем случае это не имеет никакого значения, да и погибшим мало помогли знания и опыт. Ведь самый страшный и коварный монстр всех времен и народов — это... слухи. С ним-то тебе и суждено сразиться. Я посылаю тебя как самую непредвзятую адептку. Ты никогда не слушаешь старших, не веришь сплетням и наговорам; чтобы тебя убедить, нужно подsunуть правду тебе под нос, дать ее пощупать и понюхать, а уж потом ты никому не позволишь сбить себя с толку. Ты не мягкая глина, тебя не вылепишь по своему образу и подобию, и не податливый воск, на котором пропечатываются чужие слова и мысли. У тебя всегда есть свое мнение. Оно мне и нужно. Я хочу знать правду. Правду о том, что происходит в Догева. Я хочу услышать ее от тебя.

— Я постараюсь, Учитель.

— Не перестарайся. И запомни — если ты не вернешься, начнется война.

Размечтался. Я вернусь.

Глава 2

Я недолго наслаждалась прохладной тишиной елового бора. Деревья поредели, тропинка обозначилась четче и влилась в широкую дорогу, опоясывающую дно пиалы. В поле за дорогой пасся стреноженный сивый жеребец. Вампир тихонько, мелодично свистнул, и жеребец поскакал в нашу сторону, грузно подбрасывая спутанные передние ноги. Ромашка насторожила уши. Вампир потрепал жеребца по загривку, снял путы и легко вскочил в седло. Я приподнялась на стременах. Догева почти сливалась с горизонтом, до нее оставалось минут двадцать легкого галопа. Вокруг же — поле, раздольное, черноземное, на отдельных участках трава выше пояса, попадаются и тщательно выкошенные полосы, и следы отравы скотом. Вдалеке двигалась, извиваясь, черно-бело-рыжая лента — коровы, идущие с водооя.

Вампир не оставил мне времени на шпионаж. Тряхнув поводьями, он послал коня в галоп. Мне пришлось последовать его примеру, хотя хуже Ромашкиного галопа только гонки на телегах с квадратными колесами.

Проскакав около четверти версты по дороге, кольцующей долину, мы резко свернули вправо. Теперь город лежал прямо перед нами,

казалось — рукой подать, но расстояние было обманчивым — прошло не меньше полчаса, Ромашка потемнела от пота и пожелтела от пыли, а Догева приблизилась на самую малость. Вдоль дороги потянулись домики. Они располагались на довольно большом расстоянии друг от друга, не то что в человеческих городах, где между иными лачугами едва протиснешься боком. За домиками — все те же поля, аккуратные сараюшки, сады — яблоневые и вишневые, маленькие разноцветные клочки огородов. И никаких заборов. Нет даже выраженной границы между соседними участками. О многом хотелось расспросить, но мой провожатый за всю дорогу ни разу не оглянулся. Тем не менее, когда Ромашка сбивалась с шага и отставала, он тоже придерживал жеребца. Изредка мелькали в полях занятые прополкой жители да угрюмо убирались с дороги крупные поджарые псы серовато-песочного окраса. Ни один не гавкнул, не погнался за лошадьё, однако та заметно нервничала и подозрительно косилась на клыкастых зверюг, спокойно переживавших на обочине.

Пыль сменилась булыжником, и Ромашка, оживившись, бодро зацокала подковами по каменной мостовой. Мы въехали в город.

Здесь дома стояли чуть почаще, но все равно не как у людей. Да и дома какие-то маленькие, словно только для ночлега, срублены из некрашенных бревен и покрыты черепицей. Не похоже на город ни капельки. Все чистенько, пахнет цветами и хвоей. По бокам мостовой — трава. Вокруг — нетронутый лес, расчищены только просеки для дорог и строений. В кронах деревьев, а то и прямо на крышах самозабвенно распевают непуганые птицы. Под ногами не путаются ни куры, ни свиньи, только тоскливо провожают путника взглядом все те же странные псы без ошейников.

Встречные жители кидали на меня любопытные взгляды. Званая гостья отвечала им тем же.

Мостовая подкатилась к круглому фонтану, обтекла его, скрестилась с поперечной, тоже вымощенной дорогой и устремилась дальше. У фонтана сивый жеребец остановился и, опустив длинную усатую морду за каменный бортик, припал к воде. Я поравнялась с ним и ослабила поводья. Ромашка тяжело, благодарно вздохнула, и я услышала, как в ее подрагивающих боках булькает глотаемая вода.

— Эй, хватит с тебя! Остынь сначала! — Я резко натянула поводья. Ромашка возмущенно расфыркалась.

— Не волнуйся, она не обопьется, хоть и долго бежала. Эта вода никому не может навредить. — Вампир спешился, передал поводья подбежавшему мальчугану.

Соскочив на землю, я зачерпнула пригоршню воды, поднесла ко рту. Вода была свежая, чистая, с привкусом кремния. Знакомые искорки побежали от кончиков пальцев к селезенке. Сколько бы Учитель ни твердил, что магия должна исходить от самого сердца, лично у меня она обосновалась внизу живота, как и реакция на ее присутствие. Очевидно, глубоко под землей водяная жила пересекалась с магической, придавая воде уникальные свойства. Вот она, царица легенд, живая вода. Неудивительно, что жителям Догевы не нужен ни маг, ни знахарь. Магия бьет ключом перед самым их носом.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Энергия расплзлась по моему брэнному телу, подпитывая ауру и наполняя резерв. Как объяснял Учитель, у человека есть две невидимые оболочки. Одна — постоянная, любое изменение в ней отражается на здоровье и настроении, чем пользуются колдуны, практикующие наведение и снятие порчи. Это и есть аура. Вторую оболочку можно сравнить с орудием, которое человек может использовать сознательно. Или не может. Обычные люди не могут. Это как шевелить ушами, врожденный дар — либо есть, либо нет. Если его правильно использовать, постоянно развивать, как делают это в школах, он останется с тобой на всю жизнь. Ну, конечно, при волшбе он растрачивается, но потом снова восстанавливается — либо сам по себе, через два-три дня, либо при помощи природных источников. В аудитории геомагии висит огромная, во всю стену, схема расположения магических жил Белории и точек их выхода на поверхность — запомнить ее целиком не удастся даже преподавателям, чем бессовестно пользуются некоторые адепты: на экзамене с уверенным видом тыкают в карту наугад, куда-нибудь да попадут. Последний раз мне удалось восполнить резерв из жилы, проходившей под сортиром харчевни «Золотое яблоко», что в сорока верстах от Стармина. Потом в дверь замолотили с такой силой, что пришлось прерваться. Что поделаешь, жилы не выбирают, где проходить. Может, хозяин харчевни обнаружил, что нигде не сидится так хорошо, как над жилой, и воздвиг на полюбившемся ему месте сортир.

По правде говоря, настоящие профессионалы, архимаги, не нуждаются ни в каких жилах, да и резервом не ограничены. Они умеют черпать силу прямо из стихий. Но далеко, ой как далеко адептовосьмикурснице до архимага — два года учебы да еще четыре степени магистратуры. Не всякий выдержит.

Бассейн фонтана был выложен светло-серым камнем, гладким на сколах и напоминающим кремень. Никаких писающих мальчиков, поставленных на хвосты рыб и прочих мутантов, исторгающих воду из самых неподходящих мест, — только неотесанные камни и высо-

кий конус в центре бассейна. Из расщелин выбивались сотни тонких рассыпчатых струек, от крохотных, в пядь, до не уступающих деревьям. На мостовой трепетало кружево прозрачных радуг, водяная пыль искристой крошкой оседала на волосах.

Мой провожатый, отлучившись на минутку, привел с собой трех вампиров, которые представились как Совет Старейшин, но не показались мне чересчур старыми. Если бы не серьезные, пронизательные глаза да редкие нитки седины в черных волосах, я бы дала им лет по тридцать.

Ромашка уже напилась и, повернув морду к дружной троице, подозрительно стригла ушами.

Вежливо поприветствовав молодых Старейшин, я поинтересовалась, когда я смогу получить аудиенцию у Повелителя Догевы Арр'актура тор Ордвиста и т.д. и т.п.

Старейшины замялись. Смущенно помолчав, они признались, что не знают, где он, и с утра еще его не видели. Вы представляете, что бы творилось у нас, в Стармине, если бы король не мозолил глаза ни одному из подданных больше двух с половиной минут?! Подняли бы панику, кликнули стражу, привлекли сыщиков, согнали в кучу магов и прорицателей, в лепешку бы расшиблись, а выяснили, куда изволил удалиться досточтимый монарх. И установили бы за этим местом скрытое наблюдение. А здесь, извольте видеть, П. Д. А. О. Ш. и т. д. исчез в неизвестном направлении и мне об этом сообщают так же спокойно, как о нынешнем урожае свеклы.

Следующее предложение Старейшин отличалось еще большей новизной и своеобразием. Я никак не могла вписаться в траекторию полета их мыслей. Они сказали мне:

— А вы его поищите где-нибудь. Может, найдете.

Час от часу не легче. Я не пробывала в Догеве и часа, а мне уже предлагают обшарить ее в поисках Повелителя, о котором сами догевцы имеют весьма смутное представление!

Старейшины и провожатый стали наперебой уверять меня, что Повелитель вот-вот придет и я могу подождать его здесь, у фонтана. Я оглянулась на любопытных, понемногу стягивающихся к площади, внутренне содрогнулась и изъявила полную готовность приступить к розыскам.

Старейшины горячо пообещали содействовать мне в этом славном начинании и, откланявшись, удалились, оставив меня у фонтана наедине с проводником.

— Как он хоть выглядит? — обреченно поинтересовалась я.

— Увидите — узнаете.

— Молодой, старый?

— Совсем еще мальчишка. В прошлом году ему исполнилось семьдесят три года.— Он сказал это очень серьезно, как говорят заведомую ложь маленькой девочке, и я немного обиделась. Что они скрывают? Не съест же меня этот Арр'актур. Или съест?!

— Где я могу искупаться и вымыть лошадь? — вспомнила я. Ромашка, заинтересованная сторона, положила морду мне на плечо.

— Проедете немного по южному кресту и свернете на четвертую слева тропинку.

Я замешкалась, не сразу сообразив, что крест — это скрещение мощеных дорог, каждая из которых указывает на одну из сторон света.

— А вы...

— Да? — Он обернулся. Длинные темные волосы рассыпались по плечам.

— Вы не проводите меня?

— Мне нужно возвращаться. Я Страж, я не могу надолго покидать Границу.

— Подождите... Еще один вопрос... — Я замялась, не в силах подобрать слова.— Вы... Неужели вы не боитесь?

— Чего?

— Ну, я... вы, конечно, не можете сказать мне это в лицо... но я — чужая здесь. Вы не боитесь, что я что-нибудь натворю? Конечно, я в общем смысле, за себя-то я ручаюсь, но вы же меня совсем не знаете! Кто-нибудь другой мог бы... ну... что-нибудь испортить, в общем, совершить какой-нибудь плохой поступок? Вы не боитесь этого? Ведь я остаюсь совсем одна!

— Мне показалось, вам нравится одиночество,— спокойно ответил Страж.— Я подумал, что самостоятельная экскурсия по городу доставит вам больше удовольствия, чем постоянный конвой за спиной. Впрочем, если вы чувствуете себя одиноко или неудобно, я могу подыскать вам провожатого.

— Нет-нет, вы правы,— торопливо согласилась я.— Я никогда не скучаю в своем обществе. Но все-таки... Вы не боитесь отпускать меня одну?

— Вы в Догева,— серьезно сказал он, вскакивая в седло.— Здесь вы никогда не будете одна.

Глава 3

Уже восемь минут я сомневалась в своих математических способностях. Вроде бы он сказал — четвертая тропа. Вроде бы на четвертую я и свернула. Или у вампиров другая система счисления?

Но тут в мою щеку алчно впился рыжий речной комар. Жажда крови ни к чему хорошему не приводит. Комар поплатился за свое злодеяние, я смахнула его бранные останки с ладони и подбодрила Ромашку каблуками. Деревья раздвинулись, тропа круто оборвалась, и мы с лошадкой выбрались на небольшую прогалинку возле уютного лесного озерца, маленького, но чистого до черноты. Родичи невинно убиенного комара накинудись на меня со страстной жаждой мщения и крови. Я поаплодировала им и спешилась.

Озеро было занято. Серые штаны конкурента вольготно раскинулись на ольховом кусте. Рядом валялась потрепанная кожаная куртка, расшнурованные сапоги и странного покроя рубашка с двумя узкими прорезями на спине.

Приглядевшись, я заметила его встрепанную — не успел, видимо, окунуться,— голову, затылком ко мне, медленно движущуюся по направлению к кувшинкам. Плеск далеко разносился по воде, подернутой белесой вечерней дымкой. Длинные волосы набрякли на концах, отяжелели и липли к шее, когда пловец приподнимался над водой в мощном гребке. Заходящее солнце вызолотило макушку незнакомца. Ни у кого в Догеве я пока не видела светлых волос— да еще такого необычного, бледно-золотистого, льняного оттенка.

Тут пловец нырнул, после чего разом потемневшие пряди облепили его голову, как щупальца лежащего на затылке осьминога. Не могу же я ждать, пока он наплещется и уйдет баиньки! От Ромашки остро разило потом, от меня, надо полагать, тоже. В конце концов, совместное купание в одном озере еще ни к чему не обязывает. Закинув повод на сучок березы, я попыталась расседлать нетерпеливо приплясывающую кобылу дрожащими от усталости пальцами. Потник прилип к ее горячей натруженной спине, а седло оказалось до того тяжелым, что вырвалось у меня из рук и упало в траву. Махнув на него рукой, я повела лошадь к воде, по дороге достаточно неаккуратно расставаясь с предметами туалета. Последней слетела полупрозрачная шелковая рубашка, вся в разводах пота. Я осталась в том кружевном ансамбле, который со скидкой на его миниатюрность можно было назвать раздельным купальником.

Тут только я заметила, что беловолосый тип, осмелившийся замутить мое озеро, стоит у берега по пояс в воде и, с возрастающим удовольствием подавшись вперед для лучшей видимости, наблюдает за бесплатным стриптизом.

— А сейчас будет самое пикантное,— мрачно сообщила я, выпуская повод. Моя заморенная лошадка обрела небывалую прыть. Она с разбегу врезалась в воду широкой грудью, пеннистая волна сбила шарханувшегося типа с ног и накрыла с головой.

Пользуясь его замешательством, я последовала за кобылой. Ромашка, зайдя по шею, блаженно замерла, расплескав по поверхности белую гриву. Из-под копыт лошади чернильными струйками поднимался жесткий крупитчатый ил из кусочков перепревших листьев и ольховых шишечек. Пряди колючего роголистника оплетали ноги, как невод, закинутый стариком в расчете на золотую рыбку. Истоковавшись по ванне (если, конечно, не считать ванной помой, выплеснутые из окна мне на голову на одной из узких улочек Камнедержца), я плескалась в воде добрый час, выполаскивая из волос дорожную пыль и оттирая Ромашку пучком водорослей, отчего та слегка позеленела и приобрела приятный запах тины. Накупавшись всласть, я повела лошадь к берегу и тут только заметила, что свежeweымытый тип, о котором я успела напрочь забыть, не ушел. В штанах, но с обнаженным торсом он сидел на травке, растопырив серые крылья для вящей просушки. Угольно-черные брови и ресницы резко контрастировали с мокрыми, но все равно слишком светлыми волосами, небрежно отброшенными за плечи. Симпатичный парень, худощавый, но ладный, чувствуется сила. На груди, на тонком шнурке, висел амулет в виде когтя из коричневого, брызжущего золотыми искрами камня.

— Привет,— с клыкастой умешкой сказал вампир, изучая меня с ног до головы. Взгляд у него был спокойный, глаза чуть насмешливые, искрометные, ровного серого цвета.

— С легким паром,— буркнула я, наклоняясь и выдергивая из-под нахала свой левый сапог.

— И тебе того же,— иронично ответил он.— Я Лён.

Подходящее имя, больше похожее на приставшее в детстве прозвище. Глядя на его подсыхающую голову, я сразу вспоминала поле вызревшего льна, тихонько и задумчиво шуршащего маслянистыми семенами в пузатых коробочках.

— Береника,— невесть зачем солгала я.

— Врешь,— ни на мгновение не задумался вампир.

— Ладно, Вольха,— с досадой проворчала я.— Неужели во всей Догеве не сыщется ни одного вампира, пребывающего в глубоком неведении касательно моей скромной особы?

Вампир изучал меня с неослабевающим, явно нездоровым интересом.

— Боюсь, что нет. Долина не так уж велика, здешние новости разлетаются со скоростью ветра. Хочешь меня еще о чем-нибудь спросить?

— А должна?

— Нет, но я могу ответить.

Я промолчала, доставая из притороченного к седлу вьюка чистую рубашку. Он ждал, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Вопросы-то у меня были. Но все какие-то сложные и неоформленные. Попробуйте вытряхнуть из банки одинокий соленый огурец. Легко, правда? А если их там с десяток и каждый стремится попасть на тарелку первым? Вот так и мои вопросы. Они сцепились боками, как огурцы, и по отдельности вырваться из меня не могли.

— Темнеет. Пора возвращаться,— сказал светловолосый, глянув на уткнувшееся в горизонт солнце.

Комары завывали все кровожаднее, вынуждая поторапливаться. Приложив немало усилий, я со второй попытки забросила на Ромашку седло (после первой мне пришлось обойти лошадь и подобрать его с земли). Не успев возрадоваться, я заметила потник, прикорнувший под кустом. Пока я за ним ходила, Ромашка встряхнулась и незакрепленное седло шмякнулось на песочек. Поскрипев зубами, я водрузила его на место, предварительно накинув потник. Сил у меня почти не оставалось, и ремни подпруги сошлись на второй дырочке. С сомнением оглядев четвертую, порядком разношенную, я решила идти пешком, дабы не сползти под лошадиное брюхо вместе с седлом.

Вампир встал, вежливо оттеснил меня в сторону и одним рывком, без видимых усилий, затянул подпругу и застегнул пряжку как следует.

— Проводить тебя?

Я неопределенно пожала плечами. Какая, собственно, разница— этот вампир мною поужинает или другой? Тем более что обратную дорогу я представляла себе довольно смутно.

Итак, мы шли рядом, зеленая кобыла трусила позади, то и дело натягивая повод, чтобы выдернуть клочок травы из обочины, а толковые вопросы упорно не желали приходиться на ум.

— Дорога дальняя?— спросил наконец Лён, сжалившись надо мною.

Я покосилась на вампира, но тот беспечно помахивал заброшенной за спину курткой, не выказывая особого голода.

— Три дня пути.

— Из Стармина, верно?

— Почти. Из пригорода.

— Уезжала когда-нибудь так далеко?

— Нет, никогда. Надеюсь, причина стоящая... ты, гнусная скотина!— Кобыла, чей резкий рывок едва не вывихнул мне руку, с сожалением отказалась от одинокой головки красного клевера, завлекательно качающейся над низкой травой.

Ни Лён, ни Ромашка не обратили на мой праведный гнев ни малейшего внимания.

— Даже слишком. Тринадцати она уже стоила жизни.
— Все так серьезно?
— Серьезней, чем ты думаешь.— Убежденный голос вампира не позволял сомневаться в обратном. Увы, на меня он не подействовал.
— Чтобы думать, надо что-то знать. Что здесь у вас творится?
— Не знаю,— честно сознался Лён, пожимая плечами.
— Ты же говорил, что можешь ответить на мои вопросы! — возмутилась я.

— На твои — да. А этот я задаю себе.

— Ну хоть примерно,— не отставала я, забегая вперед, чтобы видеть его лицо.— В этом замешан кто-нибудь... из ваших?

— Нет,— отрезал Лён.

— В таком случае какие-нибудь предположения имеются?

— Я прожил в Догеве всю свою жизнь,— тихо и серьезно сказал он.— Мне знакомо здесь каждое дерево, каждый камень, каждое живое существо... да и в неживых я неплохо разбираюсь. С ЭТИМ же сталкиваюсь впервые. Оно не живое и не мертвое, настолько странное и непонятное, что само его существование противоречит всем известным законам. Но оно об этом не знает и существует в свое удовольствие.

— Это нежить?

Вампир иронично хмыкнул.

— По крайней мере, ни с чем живым не спутаешь.

Я попала в свою колею.

— А как оно выглядит?

— По-разному. Иногда это громадная собака, иногда длиннющая гадина на паучьих ножках, иногда у нее есть рога, иногда крылья. Но не в этом дело. У меня такое чувство, что оно... одно. Оно принимает всевозможные обличья, чтобы сбить нас с толку.

— С чего ты взял?

— Я запомнил его сущность. Это сложно описать, мы, вампиры, воспринимаем мир несколько иначе, больше доверяя пресловутому шестому чувству, нежели зрению или слуху. Когда мимо пролетают две птицы, я чувствую, что их две. У них есть своя индивидуальность. Чудище тоже ею обладает. Я чувствую его приход одинаково, в чьей бы шкуре оно ни явилось.

— Ерунда. Это тебе не птица из плоти и крови. Это нежить. Имя у нее одно — смерть.

Лён смотрел куда-то вдаль, глаза у него были безучастные. Мне он явно не поверил, но и ссориться не хотел, а посему просто махнул рукой:

— Они тоже так говорили.

— Кто?

— Те, кто явились до тебя.

— Они... умерли?

— Их убили,— поправил он, накидывая куртку. Я последовала его примеру. В сумеречном лесу быстро холодало.

— Вы вызвали мага из Камнедержца, чтобы он уничтожил ее?

— Нет. Он пришел сам. Ему нужен был совет. Утром мы нашли его тело на булыжной мостовой, и сгустки крови багровели на стенах и крышах соседних домов.

Если Лён и глал, определить это было невозможно.

— Кто-нибудь видел, как это произошло?

— Видели, как оно убегало в лес. А на следующую ночь погиб мальчик.

— Ваш?

— Да, ему было десять лет, он возвращался с товарищем с рыбалки. Оставшийся в живых подросток закричал, выскочили соседи, оно рывкнуло, бросило труп и убежало.

— Опять в лес? — скептически уточнила я, отмахиваясь от кобылы, пытающейся заслужить мое прощение жарким фырканьем в левое ухо.

— А ты бы побежала в сортир? — ехидно осведомился Лён.

— Я бы не побежала,— парировала я.— Моего второго коллегу вы пригласили целенаправленно?

— Ну... Можно сказать и так,— замялся вампир.— Его кончина тоже была констатирована с запозданием. А вот следующий чаровник погиб у меня на глазах. Чудище на этот раз походило на волосатую глыбу на коротких лапках, с маленькими горящими глазами и широкой зубастой пастью. Ехидно вызверилось издалека и шмыгнуло в кусты, будто растворилось.

— Так. Следующий?

— Пожилой мужчина. Сутки спустя — две женщины. Мы не успели даже к развязке. Но результаты тоже были... ошеломляющие.

— Вы не пробовали ставить дома почаше? — съязвила я.

— Как в ваших крысятниках? — Лён имел в виду человеческие города, и я безропотно проглотила шпильку.

— Да, загадка. Остальные бедолаги, я полагаю, перешли в мир иной не менее ужасным образом?

Он молча кивнул.

— А какой совет нужен был Магистру из Камнедержца?

Вампир не успел ответить. Мы вступили на мостовую. Переходившая ее женщина торопливо поклонилась Лёну, весомым шлепком принудив к тому же малолетнего отпрыска лет эдак трех-четырёх, цеплявшегося за ее юбку. В моей душе всколыхнулись смутные подозрения.

- Тебя здесь хорошо знают?
- Здесь все друг друга знают.
- Мне нужно передать кое-что одному типу.
- Кому? – рассеянно спросил Лён, едва кивая женщине.
- Я уже забыла. В общем, он здесь главный.
- Повелителю?
- Да, как там его?
- Я и сам иногда путаюсь. Отдай мне, а я ему передам.
- Не могу. Ты его хорошо знаешь?
- Лучше, чем хотелось бы, – вздохнул Лён.

Тут я увидела идущих нам навстречу Старейшин. Плечом к плечу, в той же комбинации, синеглазый слева, коротковолосый в центре, словно скололи тоги булавками. Вид у них был очень торжественный. Досадливо поджав губы, Лён остановился. Я тоже. Старейшины сделали еще несколько шагов и синхронно поклонились моему спутнику.

Я посмотрела на Лёна.

Я почувствовала себя обманутой.

Я сунула ему мятый свиток и перешла в шеренгу Старейшин. Похоже, мне все-таки удалось отыскать Повелителя Догевы.

Глава 4

Меня разместили в маленьком уютном домике неподалеку от фонтана. Его хозяйкой оказалась пожилая вампирша, низенькая, пухлая, излишне доброжелательная и разговорчивая. После официальной передачи свитка Старейшины потащили Лёна (именно потащили, он очень не хотел идти) в некий Дом Совещаний, и он едва успел перекинуться со мной парой слов. Я, со своей стороны, тоже не горела желанием с ним общаться. Во-первых, я чувствовала себя полной идиоткой. Во-вторых, отчетливо понимала, что останусь ею навсегда, ибо поумнеть, как мне казалось, после восемнадцати лет не удастся никому. Я достала из сумки лист бумаги с пронумерованными пометками каракулями Учителя. Итак, согласно этикету, при встрече с Повелителем Догевы я должна была: 1) согнуться в земном поклоне, 2) назвать его полное имя и титулы, 3) дожидаться вопроса, 4) назвать свое имя и цель прибытия, 5) вознести хвалу небесам за то, что они даровали мне сей светлый миг встречи, 6) пообещать хорошо себя вести и 7) униженно попросить позволения остаться в Догеве, пока не надоем. И, рассыпавшись в изъявлениях благодарности (даже если получу пинок под зад), отвесить еще один поклон и церемониально вручить свиток.

Вместо этого я пустила на него разгоряченную кобылу, без решения перешла на панибратское «ты», забросала дурацкими вопросами, забыла его полное имя и призналась, что не жажду его вспоминать. В общем, хуже некуда. Но все-таки какой привлекательный мужчина... Красивый. Обаятельный. Спокойно с ним как-то. Я вздохнула. И насторожилась. Как там в байках про вампиров? Прилетают, шепчут что-то ласковое под окном, девицы млеют и распахивают ставни. Нет, пора кончать это безобразие, пока рука сама не потянулась к засову.

— Что ж ты, деточка, во дворе стоишь? Заходи, милая, отдохни с дороги.

Я подняла голову. Вампириша, к которой меня определили на постой, жизнерадостно улыбалась мне с крыльечка. Крыльев у нее не было, как и у всех догевских вампиров. Клыки короткие, незаметны под алой верхней губой. Ишь, на отдых зазывает... На вечный небось. Поколебавшись, я затянула бант из поводка на столбике перил у крыльца, прихватив дорожную сумку и меч. Как же без него? Меч в моих руках — страшное оружие. Для меня самой. Я уверена, что мечи — одушевленные существа и они против меня что-то имеют. В битве на мечах я всегда спасалась тем, что вовремя бросала оружие и била противника в лоб заклинанием. Одно дело — завистливо наблюдать за рыцарским турниром, и совсем другое — махать этой тяжеленной орясиной перед носом настоящего противника, держа ее одной рукой, пуще того — левой, потому что две трети заклинаний сопровождаются необходимыми пассами. В промежутках же между победами (ежели оные вообще будут) меч оттягивает мой пояс влево, цепляется за что ни попадя и, колотясь по бедрам при ходьбе, оставляет на них продолговатые синяки. Противники избавили бы себя от множества хлопот, вручив мне меч и удрав без оглядки. Я преотлично зарежусь без посторонней помощи.

Вот и теперь коварный меч умудрился юркнуть в щель между косяком и дверью и, заклинив, с силой дернул меня за пояс, как псину за ошейник. Хозяйка честно попыталась скрыть усмешку за кашлем, но глаза выдавали ее с потрохами.

— Я вам не очень помешала? — выдавила я, разобравшись с мечом.

— Что ты, деточка, у нас так редко бывают гости, что твой приезд — настоящий праздник.

Я метнула на нее косой недоверчивый взгляд. Вроде бы не издевается.

Вампириша продолжала:

— Живу я одна, детей нет, дом пустой — иногда даже жутко становится. Проходи, проходи, не стой в коридоре. Сумку можешь на кресло положить. Для вещей я освободила верхний ящик комода, размещайся, как тебе удобнее. Вот твоя кровать. В шкафу висят полотенца и халаты, в ящиках — все, что может понадобиться молодой девушке. Если понадобится что-нибудь незапланированное, обращайся ко мне, чем смогу — помогу.

Она так загадочно подмигнула, что мне стало неловко.

— Ой, я и так всю комнату заняла... А как же вы?

— Ничего-ничего, я на кухне на печи переночую. Для нас, стариков, так даже лучше — кости погреть.

Стариков?! Да ей не больше сорока.

— Извините...

— Да? — улыбочиво подхватила она.

— Я забыла спросить, как вас зовут.

— Ах, это я забыла представиться. Хм... Знаешь, зови меня просто Крина, деточка.

Я хотела спросить, зачем вампирам такие длинные и трудно выговариваемые имена вроде пресловутого имени Арр'актура, едва не сломавшего Учителю язык, если в ходу исключительно прозвища, но решила не отягощать свою совесть еще одним дурацким вопросом.

Покрутившись немного по комнате и неизвестно зачем выдвинув и снова задвинув средний ящик комода, Крина ободряюще кивнула и удалилась на кухню, оставив меня наедине с моим интеллектом, то есть практически в одиночестве. Я устало плюхнулась на покрытую пледом кровать и наконец-то смогла перевести дух. Н-да, такие насыщенные впечатлениями дни случаются раз в году и не всегда завершаются благополучно. Эх, еще бы ночь пережить...

В комнате быстро темнело; в светло-фиолетовых сумерках маячила за окном белесая тень месяца. На столе стоял подсвечник с тремя свечами, я привычно шелкнула пальцами, и на обугленных фитильках затрепетали желто-розовые лепестки пламени, затопив комнату светом — золотистым, мягким, уютным. Не мешало бы прихватить огарочек на память — задам задачку лаборантам с кафедры алхимии. Пусть выяснят состав свечного воска — не дымит, не трещит, почти не оплывает, пламя ровное, спокойное, неизменно идеальной формы, как капелька. На дверце шкафа висело зеркало, я машинально посмотрелась в него и почувствовала себя коренной обитательницей Догевы. Пламя свечей отражается в расширенных зрачках, волосы растрепались, нос хищно заострился, щеки в тени, губы вызывающе алеют, в общем, типичная демоническая харя, еще и нечесаная. Последний раз я причесывалась утром и, кажется, сунула гребень в сумку. Если бы я была аккуратной девушкой, я

бы, без сомнений, там его и нашла. А так пришлось вытряхнуть все содержимое на пол. На полу образовалось нечто вроде баррикады, из которой, как алебарда последнего защитника осажденного города, торчал осиновый кол. Я поспешила затолкать его обратно в сумку.

Выдвинув верхний ящик комода, я занялась сортировкой и укладкой привезенных вещей. На самое дно пошли запасные штаны, теплый свитер, льняная рубашка и три головки чеснока, тщательно завернутые в тряпицу. За ними последовали длинные белые мужские порты (сумку собирала не я, ее с ворчанием сунула мне кладовщица, неприятная старая карга, скупая до безумия), накрахмаленная ночная рубашка, пышная полупрозрачная блузка, униженно мало нижнего белья и загадочный сверток с многообещающей надписью «Женский набор». Что делать с портами, я не знала. Быть может, я должна была торжественно вручить их Повелителю Догевы? Или я еще успею сделать это завтра, при большом скоплении народа? А это что за пакетик? Я развернула его и обнаружила длинную, острую серебряную шпильку. Что же это получается, отправили ловить загадочную нежить, а инвентарь выдали на вампиров? Странно как-то. Кого я, собственно, должна спасти — вампиров от нежити или... нежить от вампиров? У меня возникло подозрение, что никакой нежити не существует, а я заслана в Догеву в качестве подсадного донора — клонут на меня вампиры или нет?

Видимо, так же рассуждали и наставники, потому что на самом дне сумки обнаружилась засаленная книга некоего Тюдора Избавителя — «Кровоопийцы». Я наугад полистала ее, и мне стало страшно. Там были зубные формулы, схемы укусов и гравюры с изображением непотребных монстров, алчно присосавшихся к лебяжьим шейкам бедненьких девиц, разметавшихся по простыням. Между страницами обнаружился мой гребень. Я поскорее запихала книгу под белье. Не хватало мне еще ночных кошмаров. И так, чувствую, всю ночь буду ожидать скрипа петель и хлопанья крыльев.

Я хотела сразу закрыть ставни, но их не было. Не было и занавесок, которым полагается загадочно колебаться во время визита летучей мыши. Вместо бычьих пузырей и слюды рамы забраны тонкими пластинами горного хрусталя, прозрачного и безумно дорогого материала. «Ладно, слетайтесь, гости дорогие», — подумала я, распахивая окно. Струя прохладного ночного воздуха плеснула мне в лицо. Комната была маленькая, но очень уютная, чистенькая, обставлена скромно: кровать (высокая, с копной подушек), впри-тык — комод, на стыке стен — шкаф, за ним, уже вдоль другой стены, большой сундук, стол и стул с обитым сиденьем и спинкой. Напротив стола — пустая стена с дверью. В стене напротив кровати прорублены два окна, между ними — гобелен: девочка в платье с передничком,

сандалетах и красной островерхой шапке, на согнутой в локте руке — корзинка с булочками, рядом — крупное хищное животное, а на заднем плане — еловый лес, точь-в-точь догевский. В центре комнаты — шагов семь свободного пространства, прикрытого ковриком из ивовых прутьев. Стены обшиты досками, светлыми, вроде бы березовыми, которые плотно смыкаются зубчиками по краям, образуя красивый зигзагообразный узор.

Я исследовала шкаф и сундук, но, если там и содержались какие-либо доказательства кровопийства, к моему заселению их ликвидировали. В шкафу, на некотором расстоянии от остальной одежды, одиноко висел новый чистый халатик, явно заготовленный для меня. Я немедленно избавилась от куртки и накинула халатик. Только я присела на стул, чтобы расшнуровать сапоги, как по раме забарабанили. Прыгая на одной ноге и привлекая другую, я добралась до окна. На улице стоял незнакомый темноволосый вампир, и я машинально потянулась к незастегнутым пуговицам халатика. Но его мало интересовала моя лебяжья шея. Сухо и официально сообщив, что я приглашена на ужин в Дом Советаний в качестве почетной гостьи, он буквально растворился в ночи, не дожидаясь моего ответа.

Что ж, «почетная гостья» звучит более оптимистично, чем «главное блюдо». Но в чем же я пойду? Почти все мягкое, потное. На затылке колтун — сразу надо было расчесываться, а не ждать, пока волосы высохнут. Сапоги обметаны рыжей грязью. Где бы их вымыть?

«Главное, шею вымой — и сойдет», — ехидно шептал внутренний голос.

В дверь постучали, и Крина осторожно заглянула в горницу.

— Дочка, тебя там в Дом Советаний вызывают.

— Да, да, я уже знаю.

— Одолжить тебе юбку?

У меня словно камень с души свалился. Чистая блузка, юбка — и можно показаться в приличном вампирьем обществе.

— Да, пожалуйста. Что бы я без вас делала...

— Пустяки, дочка. — Крина уже передвигала плечики в шкафу. — Вот эта, пожалуй, подойдет. Или, хочешь, примерь черную; она, правда, более строгая...

Но мне сразу приглянулась белая, свободная, достигающая лодыжек, с длинными разрезами до середины бедер. До середины бедра у меня как раз стройные. Я ожидала замечаний по поводу блузки, просвечивающей, как решето, но Крина похвалила покрой и сказала, что я выгляжу очень элегантно. Пока я, закусив губу, раздирала колтун гребнем, Крина извлекла из сундука завернутые

в замшу белые туфли на высоких каблуках. Они возвысили меня над полом на добрых полпяди. В Школе запрещено ходить на «шпильках», я чувствовала себя очень неустойчиво, но расстаться с ними не согласилась бы ни за какие коврижки.

— Хорошо, деточка, очень хорошо,— одобрила Крина.— Иди, тебя уже ждут.

— А куда?

— По южному кресту третий дом от фонтана.

— А... я что-нибудь должна взять?

— Зачем? — удивленно подняла брови Крина.— Это всего лишь ужин. Неофициальный.

— А... речей никаких не надо произносить?

— Нет, что ты! Повелителю и Старейшинам ты уже представлена.

Поздоровайся и сразу присаживайся к столу.

Я вздохнула и тоскливо оглянулась на прислоненный к комоду меч. Что ж, раз уж мне суждено погибнуть от зубов вампира, пусть, по крайней мере, это будет симпатичный вампир.

Глава 5

На улице было темно — глаз выколи. Месяц ретировался в лохматую тучку, не желая принимать участия в моей печальной судьбе. Звезды холодно, злорадно мерцали. В глубине редкого кустарника пронзительно стрекотали крупные зеленые кузнечики. Вдалеке что-то квакало — вероятно, лягушки, хотя здесь, в Догеве, ни в чем нельзя быть уверенной. Ни одного огонька, ни одной искорки, никаких признаков цивилизации, кроме теплой Ромашкиной морды, которую я долго ощупывала в кромешной тьме. Хоть бы одно окно засветилось. Неужели все уже спят? А может, как раз-таки не спят? Подкрадываются, заходят на посадку, тянут когтистые лапы к хрупкой девичьей шее...

Рука, легко коснувшаяся моего плеча, отнюдь не была когтистой. Пальцы как пальцы, длинные, чуткие, ногти как ногти, аккуратно подстриженные. Вампир, стучавший в окно, терпеливо поджидал меня у крыльца. В следующую секунду он взвыл и согнулся, горестно скрестив руки ниже пояса.

— Ой, извините... — смущенно пролепетала я.— Я машинально...

— О-о... Ни... ничего-о... — мужественно солгал он.— П-пойдемте, я провожу.

Я шла чуть поодаль и слышала, как он сдавленно постанывает и спотыкается. «Лучше бы он меня укусил»,— раскаивалась я.

Впереди зашуршало — это подбитый мною вампир пытался нащупать ручку двери, но та ускользала из-под пальцев, как верткий вьюн в мутной луже. Самооборона удалась на славу.

Но вот ручка попалась, провернулась, дверь скрипнула, и я увидела черный провал на фоне серого косяка. Вампир, не выпуская ручки и вместе с тем стараясь держаться как можно дальше от меня, кивнул на прямоугольную дыру в никуда.

Оглянувшись в последний раз, я обреченно шагнула через порог. Дверь захлопнулась за спиной, как крышка гроба. Темнота и тишина обволокли меня плотным коконом. Я стояла, пошатываясь на каблуках и оценивая ситуацию. В какой склеп они меня затащили? Подумав, я пришла к выводу, что нахожусь в прихожей, а сам склеп дальше по коридору — возможно, в подвале. Я вытянула руки и сделала несколько неуверенных шагов вперед. Пустота. И очень неприятное, но ничем не обоснованное предчувствие, что пол сейчас кончится. Еще два шага, и что-то боднуло меня в грудь. Я судорожно ухватила таинственное существо за рога. Рога были короткими, квадратными и деревянными на ощупь. Между ними росла длинная гладкая шерсть.

— Эй, есть здесь кто живой? — заорала я, потеряв терпение.

И тут одна за другой загорелись свечи, заставив меня заморгать и сощуриться. Я стояла посреди длинной комнаты, сжимая спинку низкого стула, и ощупывала затылок сидящего на стуле вампира. За стулом был стол на тридцать персон, персоны сидели по местам, и три канделябра, ветвистых, как рога благородного оленя на десятом году жизни, освещали белую скатерть, уставленную всевозможными яствами. У меня подкосились каблуки, и я зашаталась, судорожно цепляясь за стул. Озорной ветер распахнул дверь и с любопытством пронесся по комнате. Легкая белая юбка вздулась пузырем, и сидевшие за столом вампиры имели удовольствие лицезреть не только нижние, но и верхние части моих бедер.

К чести присутствующих, они не позволили себе ни единого смешка. Пока я боролась с юбкой, кто-то из них встал и закрыл дверь на задвижку. В атмосфере похоронной серьезности один из Старейшин поднялся, сухо и официально поприветствовал меня, представил гостям и любезно выдвинул предназначенный мне стул. Я на мгновение замешкалась. Будь я Магистром 4-й, низшей степени, я сочла бы себя оскорбленной. Отведенное мне место находилось на противоположном от Лёна конце стола, причем на длинной стороне, так что Повелителя от меня загораживали двадцать восемь плеч и четырнадцать голов. Ладно, я всего лишь адептка, но ведь я еще и гость. А гостю полагается сидеть около или, по крайней мере, напротив хозяина.

• Ведьма-
хранительница •

У любовной истории со счастливым концом нет шансов войти в легенды...

Циничный менестрель

ГЛАВА 1

Надежды пессимистов на холодную, затяжную весну развеялись уже в середине цветня. Чуть отзвенела капель — дохнули жаркие южные ветра, вытапливая из почек бутоны, а из земли — сочные молодые травы. Несколько удивленные внезапным теплом, птицы вили гнезда, звери линяли, а люди доставали из сундуков сапоги и куртки, на всякий случай не пряча шуб и валенок. Всего три недели назад вниз по реке тянулись караваны льдин, а сегодня уже отцветали сливы и луга подернулись желтой дымкой одуванчиков. Лесное озерцо, еще не успевшее зарости кувшинками, оторочили побегам камыши, припорошили сережками ивы. По водной ряби плясали солнечные блики, над раскаленным песком лениво колыхалось марево, стрекозы с треском вспарывали воздух, гоняясь за мошками. Сочная, по-весеннему яркая молодая листва зеленым пламенем трепетала на веточках, птичий оркестр исполнял захватывающую симфонию, в глубине леса томно куковала кукушка.

Все было настолько прекрасно и упоительно, что при взгляде на гору конспектов, пожелтевших свитков, расхлябанных гремуаров и прочей дряни у меня темнело в глазах и возникало непреодолимое желание утопиться в озере.

— Билет 127, вопрос 3,— неумолимо продолжал Лён.— «Самопроизвольный распад заклиний и его причины».

— А... Э... Вот, например...

— Отлично, помнишь. Пошли дальше.

Я благодарно взглянула на вампира. Не будь его, я бы уже давно сбила язык и натрудила пассами руки, доказывая, что в закромах моей памяти еще не обросли пылью ценные сведения о самопроизвольном распаде.

— Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

— Может, пропустим?

— На экзамене тоже пропускать будешь?

— У-у-у... Я лучше семнадцать реакций конденсации энергии напишу. Ну какая разница, в каком году Рион Копыльский изобрел мультиполярную трансгрессию?

— Не Рион Копыльский, а Половья Белорская, твоя, между прочим, землячка.

— Давай повторим самое важное, а потом вернемся к истории.

— Отринь надежду, скудоумная отрочица. Нет тебе ни пощады, ни диплома.

— Ах ты, вампирюга! — Я бросилась на Лёна, и мы, сцепившись, покатались по пляжу. Тщетная попытка отстоять мое доброе имя. Вампир очень быстро одержал верх и, довольный, пригладил растрепанные волосы правой рукой, левой без видимых усилий прижимая меня к песку.

— Ну Лён! — чуть погода заскулила я, отчаявшись вырваться.

— Проси пощады.

— Ни за что!

— Тогда лежи, — великодушно позволил вампир.

— Ну Лён! Мне повторять надо! У меня экзамен через три дня! Вампир демонстративно зевнул, не убирая руки.

— Повторяй. Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

— Не знаю! — Я дернулась из последних сил, но стальная рука даже не шелохнулась.

— Ага! Учи давай.

— Не буду! Он мне не попадетя!

— Так что, выходит, я зря послал в Школу запрос на молодого специалиста?

— Ты это сделал?!

— Да, и уже раскаиваюсь. Магичка из тебя как из козла — дойная корова!

— Лён, ты прелесть! — восхищенно завизжала я.

— Знаю, — уныло согласился вампир. — А еще дурак, каких поискать. Казалось бы, я знаю тебя достаточно долго и хорошо, чтобы не совершать подобной ошибки.

— Ну отпусти, я буду паинькой!

— Что-то не верится, — вздохнул Лён отодвигаясь.

Окрыленная радужной перспективой, я раскрыла конспект, но длинный столбик дат и имен живо привел меня в чувство. Я снова взбунтовалась:

— Ну почему я должна засорять мозги этой ерундой? Можно подумать, кладбищенские упыри и буерачные стрыги будут помогать от меня фамилии изобретателя левитации или издохнут от страха при упоминании даты создания Межрасового Ковена Магов!

— Не засорять, а тренировать. Учи-учи, не отвлекайся. И набрось рубашку, у тебя уже плечи обгорели.

— Серьезно? Пока не чувствую. Погоди, полежу в купальнике еще пару минут, пусть загар возьмется покрепче. Мало ли какое

лето выдастся, в прошлом году хорошего солнца вообще не было, так и ходила бледная, как вампир... то есть немочь.

Бледным Лёна не посмел бы назвать самый лютый недоброжелатель. Загар ложился на его кожу ровнее патоки, вампиру не приходилось прилагать для этого никаких усилий вроде многочасового лежания на пляже с натиранием специальными кремами.

— Итак, начнем. Я буду называть дату, а ты — всесторонне ее освещать,— предложил Лён, с книгой в руках переворачиваясь на спину и сладко потягиваясь, шурша крыльями по песку.— 147-й год до эн э.

— М-м-м... Теория овеществления желаний?

— Да. Ты подсматриваешь. Закрой конспект. О, леший бы его побрал!

Я бы не возражала, если бы леший побрал не только конспект, но и свитки, гремуары, экзамены, Школу, да и Лёна в придачу.

— Кайел идет,— пояснил вампир, вскакивая на ноги и торопливо отряхивая песок с груди и штанов.— Меня здесь нет! Не было и не будет.

— Ладно,— проворчала я, втайне радуясь неожиданной передышке. Впрочем, довольно сомнительной передышке. Кайел был нашей общей головной болью. Во-первых, он считал Лёна чем-то вроде своей записной книжки и консультанта по жизненно неважным вопросам, преследуя Повелителя, как голодный слепень. Во-вторых, твердо верил, что умирает от страшной болезни, вот только никак не мог определиться от какой. Разочаровавшись в Келле (несдержанная Травница, доведенная нитьем профессионального больного до белого каления, высказала симулянту все, что о нем думает, смертельно оскорбив несчастного страдальца), Кайел переключился на меня. Все свои каникулы и преддипломную практику я просидела в Догеве, собирая материал по свойствам уникального природно-магического явления, так называемого «эффекта черновика», попутно совершенствуясь во врачевании на страждущих добровольцах (с ведома Лёна и Келлы; последняя охотно поручала мне несложные операции вроде заговора прыщей и с еще большей радостью свалила на меня Кайела). Этот относительно молодой вампир (лет сто восемьдесят—двести) выглядел на все тридцать и, по нашему общему с Келлой мнению, был здоров как бык. Тем не менее я добросовестно осматривала его по любому поводу, честно пытаюсь отыскать в крепком, упитанном теле зловещие признаки надвигающейся кончины, но тщетно. Брюшной тиф, чахотка, инфаркт, столбняк и гангрена моментально отступали, стоило мне убедить Кайела, что они проявляются совсем иначе. Он верил, но недолго. Уже через два-три дня

он обнаруживал в себе новые симптомы и, стелая, бежал ко мне, твердо веря, что одна я могу спасти его от неминуемой гибели.

Лёну приходилось еще хуже. Единственной официально признанной болезнью Кайела был склероз. Самое удивительное, Кайел игнорировал диагноз и возмущенно отказывался от Келлиных эликсиров, улучшающих память.

Первое упоминание о Кайеле относилось к осени позапрошлого года, когда Лён, издали почуяв очередного просителя, идущего к Дому Советаний, подхватился с кресла и совсем уж не поповелительски выскочил в распахнутое окно.

— Надоел мне этот тип хуже горькой редьки, — жаловался потом Лён. — Дня без Повелителя прожить не может. Вчера тоже приходил... в расстроенных чувствах. Хомут у него пропал. Вернее, загулял парень вечером и не помнит, где распрягал лошадей. А мне копать в его подсознании, перерывая грязное белье. Тягается с разной ерундой, вместо того чтобы поискать получше... — раздраженно добавил он.

— Нашелся хомут?

— Нашелся. Он его под печь засунул.

— Вот уж где не подумала бы искать. Не ерунди, надо относиться к жизни проще, а не то к двумстам годам превратишься в настоящего упыря — ехидного, злющего, занудного и вредного. Если уж этот мужик... то есть вампир... набрался храбрости и пришел к тебе, значит, для него этот хомут как сын родной. Может, это тещин подарок на свадьбу. Пожалей бедолагу, пусть найдет свой хомут и возрадуется!

— Так он в следующий раз вконец обнаглеет и пошлет меня топор искать! — пуще того распалился Лён.

— Может, постыдится?

— Держи карман шире!

Ох, не знала я, за кого заступаюсь! Топор, портки, кадушка, странные звуки на чердаке, ночные отлучки старшей дочери, косой взгляд соседа, невсхожесть позапрошлогодних семян огурцов, приснившийся гроб, утонувшая (или всплывшая) в колодце кадка, карканье вороны под окном, бульканье в левом подреберье при надавливании, — все это мы с Лёном должны были осмотреть, истолковать, дать совет и так далее и тому подобное. Неудивительно, что Повелитель шарахался от ретивого подданного, как от моровой язвы.

Укрыться от Кайела в Догеве, как, впрочем, и от любого вампира, было невозможно. Он чуял меня за версту, как стервятник — павшую корову. Если Лён или Келла, вовремя приметив Кайела, могли (что и делали) шмыгнуть в кусты и затаиться, то мне оставалось только скрипеть зубами, через силу выдавливая вежливое приветствие.

— Доброе утро, Кайел,— как можно небрежнее бросила я, делая вид, что всецело поглощена учебой.

— Кому доброе — кому, быть может, последнее,— уныло, в своем репертуаре протянул Кайел, останавливаясь возле меня и заслоняя солнце.— Ты Повелителя не видела?

— Нет, не было и не будет,— заученно отбарабанила я, переводя страницу. Горький опыт подсказывал мне — так просто от Кайела не отвязаться. Горький опыт был прав. Кайел не уходил, выразительно сопя над моим плечом. Ни в коем случае нельзя было задавать ему никаких вопросов, особенно интересоваться здоровьем. В противном случае вы уже не смогли бы уклониться от подробного описания заполненного страданиями дня и такой же ночи.

— Что-то я себя неважно чувствую,— начал Кайел, так и не дождавшись от меня возобновления разговора.

Я ничуть не удивилась. Это была его дежурная фраза. Внутренне сжавшись от предчувствия неизбежного, я молчала, как гном на допросе. Сколько крови мне попортил этот «умирающий» вампир, не передать.

— Голова что-то кружится... Сердце громко стучит. И в глазах темнеет... — продолжал Кайел, заметно воодушевляясь и делая неизменный логический вывод: — Видно, смерть моя пришла.

— По-моему, с прошлого лета она и не уходила.

— Как тебе не стыдно шутить над такими вещами! — неподдельно возмутился Кайел.— Бессердечные вы, люди, безжалостные. Нет в вас сострадания к ближнему. Умри я у тебя на глазах — и то не заплачешь.

— Не заплачу,— подтвердила я.— Кайел, вы меня переживете. Ну что вы опять выдумали? Сколько у вас голова кружится? Минут десять?

— Час,— гордо поправил меня вампир.— С утра нормально себя чувствовал, до обеда — тоже, а как закончил сажать картошку, разогнулся,— так и повело...

Я чуть не застонала от злости.

— Кайел, вы просто перегрелись на солнце. Посидите в теньке, выпейте стакан воды, и ваша смерть уйдет несолоно хлебавши.

— Горячей или холодной? — дотошно уточнил вампир.

— Теплой, кипяченой!

— А это точно поможет?

— Точно, точно, только уходите отсюда, не стойте на солнце, а то хуже будет.

Лишь непосредственная угроза здоровью могла прогнать Кайела с пляжа. Просветлев лицом, вечный доходяга удалился бодрым шагом абсолютно здорового вампира.

Лён выбрался из кустов, и мы возобновили каторжные работы в гранитных рудниках науки. Выучить, то есть логически уложить в памяти, историю развития магии я так и не смогла — задолбила, как скворец, не вникая в смысл слов. С сожалением убедившись, что на большее я не способна, Лён объявил десятиминутный перерыв.

Спина у меня сторела окончательно; по мнению Лёна, ее радикальный красный цвет свидетельствовал скорее о готовности вареного рака, нежели намертво взявшемся загаре. Как ни манил меня теплый песочек, пришлось накинуть рубашку и перебраться в тень под ивы. Недавний ураган повалил одно из деревьев, вывернув с комлем, и оно медленно, мучительно умирало на земле, поникнув едва развернувшимися листиками.

— Лён, помоги, а?

Вампир, казалось, дремал, растянувшись в редком теньке, но охотно поднялся и подошел к дереву. Я еще раз подумала, как удобно общаться с телепатом — не задав ни единого вопроса, Лён рывком приподнял иву и установил комлем в яму.

— Чуть левее... теперь на меня... хорошо, вот так и держи.— Опустившись на четвереньки, я с энтузиазмом подгребала и утаптывала землю вокруг ствола. Лесопосадочные работы близились к завершению, когда в кустах снова зашебуршали шаги и оттуда вынырнула Келла с букетом молодой крапивы, от целебных укусов коей Травницу защищали толстые холщовые перчатки.

Увидев Лёна, вампирка ахнула от возмущения.

— Повелитель! Что вы тут делаете?!

— Держу дерево,— вежливо, но малопонятно объяснил Лён, избегая глаз Травницы, мечущих молнии.

— Вас по всей Догеве разыскивают!

— Зачем?

— И вы еще спрашиваете!? Через полчаса прибывает посольство из Арлисса!

— Келла, я вчера ясно дал понять: я не хочу и не буду его принимать. Разбирайтесь сами.

— «Не хочу» и «не буду» — две разные вещи. А ну, немедленно собирайся и идем в Дом Советаний!

— Келла, с кем ты разговариваешь? — вкрадчиво поинтересовался Повелитель.

Травница немного сбавила тон:

— Повелитель, вы *обязаны* там присутствовать.

— Ничего подобного.

— Будет скандал!

— Будет,— равнодушно согласился Лён.

- Повелитель!
- Травница?
- Умоляю вас, примите их.
- Нет.
- Лён!
- Нет.
- Ваше непонятное упрямство поражает меня в самое сердце!
- Если бы у тебя было сердце, ты бы меня поняла.

Келла как-то странно примолкла, бросила косой взгляд в мою сторону.

— Лён, я тебя от чего-то отрываю? — робко спросила я, почуяв неладное.— Иди, я сама повторю, мне уже немного осталось.

— Ни от чего ты меня не отрываешь. Уходи, Келла. Не стоит продолжать этот бессмысленный разговор.

На побледневшем лице Травницы явственно отразилось желание отхлестать Лёна крапивой.

— Ты, паршивый мальчишка! — вспыхнула она, отбросив приличия.— Хватит с меня твоих дурацких выходов, и без того ослабил себя, а заодно и Догеву хуже некуда! Повелевать легко, поди-ка подчинись разок, наступи на горло своей гордости, зарвавшийся щенок!

Последовала немая пауза, во время которой Келла, осознав, на кого повысила голос, медленно покрывалась пятнами. Ее расширенные зрачки подрагивали, словно в предсмертной агонии.

— Aek'vill kress,— тихо и зло сказал Повелитель, вспарывая напряженную, страшную тишину.— K'ereell, Kie-Lanna.

Это прозвучало как пощечина.

Травница пошатнулась. Швырнув крапиву Лёну под ноги, Келла закрыла лицо руками и, спотыкаясь, как подстреленная, помчалась прочь, не разбирая дороги.

— Лён... — осторожно начала я.

— Помолчи, ладно?

— Может...

— Знаю. Я погорячился. Она тоже.— Вампир отступил на шаг, критическим взглядом окидывая прикопанное дерево.— И хватит об этом, давай готовиться к экзамену.

Пожав плечами, я подобрала с земли конспект, но процесс обучения застопорился и постепенно сошел на нет. Лён заметно охладел к практической магии, стал рассеян и почти не слушал моих ответов.

Мне быстро надоело слушать свой запинаящийся голос и равнодушное поддакивание вампира. Звучно захлопнув конспект и тем временно вырвав Лёна из состояния отрешенной меланхолии, я

объявила, что на сегодня хватит и вообще я хочу есть, а Крина обещала испечь на ужин пирог с потрохами. Окажет ли Повелитель нам честь, присоединившись к трапезе? Нет, не окажет — отчасти из-за нехватки времени, отчасти из-за отвращения к потрохам. Возможно, заглянет попозже, ближе к ночи... не захвачу ли я с собой его штаны? В волчьей пасти они могут потерять товарный вид. Я заверила Лёна, что обладание штанами Повелителя доставит мне огромную, ни с чем не сравнимую радость.

На сей раз мой сарказм не достиг цели. Повелитель скомандовал «Отвернись!», а когда мне позволили оглянуться, аккуратно сложенные штаны лежали на песке. Рядом встряхивался, приводя в порядок лохматую шубу, белый волк.

На том мы и расстались. Волк исчез в чаще, принохиваясь к Келлиным следам, я же, перекинув штаны через плечо, пошла к ближайшей пространственной перемышке — за время работы над дипломом я досконально изучила сетку портов и туннелей «черновика».

Как и следовало ожидать, почти сразу же я наткнулась на Келлу, старательно поливающую слезами жасминовый куст. Куст не проявлял должного восторга. У догевской Травницы был просто феноменальный талант попадаться на глаза жаждущим уединения догемам и исчезать, когда позарез требовалась ее помощь.

Подойдя к рыдающей девушке, я села рядом. По правде говоря, «девушка» была старше меня раз эдак в десять, но внешне казалась моим погодком. Келла частенько задавалась по этому поводу, снисходительно называя меня «малышкой», но разве я виновата, что вампиры живут в пять раз дольше? При всем своем желании я вряд ли доживу до того возраста, когда разница в годах уже не будет иметь значения. А посему я давно махнула рукой на этикет и упорно называла Келлу на «ты». Не сказать чтобы ей это нравилось, но открытого недовольства она не выказывала.

— Эй,— я легонько коснулась ее локтя,— да что случилось-то?

Вместо ответа вампирка порывисто уткнулась мне в плечо, обняв руками за шею. Я растерянно погладила Келлу по вздрагивающей от рыданий спине. Утешать я никогда не умела и не любила.

— Ладно тебе убиваться... Подумаешь, с Повелителем поругалась... вы с ним по десять раз на дню цапаетесь...

— Он... он обозвал меня... сводницей! — горестно всхлинула Келла в мое и без того насквозь промокшее плечо.

— За что?!

Но вампирка возрыдала пуще прежнего, явно не желая отвечать на вопрос, и я поспешила сменить тему:

— На каком языке вы говорили?

— На алладаре,— невнятно буркнула Травница.— Это наш древний исконный язык...

— Неужели? А я думала, вампиры говорят на Всеобщем.— Я изобразила глубокую заинтересованность.

Сработало. Травница оторвалась от моего плеча, достала из кармана платок и звучно высморкалась.

— На алладаре мы общаемся только между собой, и то не всегда. Это Всеобщий как лесной пожар — охватывает одну расу за другой. Через пару-тройку столетий никто даже не будет догадываться о существовании иных языков. Зачем семь лет изучать алладар, если уже через полгода можно свободно болтать на Всеобщем? — Келла звучно потянула носом.

Я почесала маковку. Все Разумные расы, разумеется за исключением человеческой, находили во Всеобщем свои недостатки. Гномам не нравилось обилие гласных, эльфам — грубое звучание, троллей не устраивала скудость ненормативной лексики, теперь вот еще вампиры сокрушаются по поводу неравноценной замены. По мне, все их языки годились только на заклинания — такие же замысловатые и зубодробительные. Поделиться этим нелестным для вампирки соображением я не успела — на поляну выскочил белый волк.

Увидев меня, он попятился от неожиданности, но потом, досадливо чихнув и покрутив мордой, трансформировался, помахал крыльями, разминая мышцы, и подошел к нам.

Два угрюмых взгляда снизу вверх слегка пошатнули его решимость. Вампир помялся на месте, смущенно кашлянул.

— Вольха, там тебя пирог ждет не дождется,— напомнил он.

Я вложила в скептическое хмыканье все свое отношение к его дипломатическому такту.

— Согласен, это дурацкая отговорка. Пожалуйста, уйди — нам нужно серьезно поговорить.

Я посмотрела на Келлу.

— Иди,— кивнула Травница,— мы сами разберемся.

— А если вы поубиваете друг друга — можно, я возьму черепа для музея? — с надеждой поинтересовалась я.— Эй, эй, я все поняла! Уже исчезаю!

— Штаны отдай! — наконец вспомнил Лён, и я мстительно запустила в него скомканными штанами.

Подслушивать за вампирами было бесполезно. Во-первых, Лён мгновенно выводил меня на чистую воду, во-вторых — они немедленно перешли на свой гортанный язык. Пришлось уйти по-настоящему.

Пирог Крина обещать-то обещала, но так и не испекла. И вообще, с тех пор, как в ее доме поселился некий — надо заметить, довольно симпатичный и приятный в общении — вампир мужского пола по имени Ороен, моя домохозяйка стала уделять готовке возмутительно мало времени, целыми днями где-то пропадая со своим избранником. Можно было подумать, что они питаются воздухом. Последний месяц я ходила злая и голодная, подкармливаясь у своих пациентов да изредка на банкетах у Лёна. Не то чтобы Повелитель редко меня приглашал — просто он терпеть не мог официальных приемов, сбегал оттуда под любыми предлогами, и мы голодали вместе.

Вот и сейчас — вместо тепленького, поджаристого пирога с хрустящей корочкой меня ожидали чугунок с холодной вареной картошкой, кринка с кислым молоком и ломоть черствого хлеба. Тяжело вздохнув, я зачерпнула простоквашу ложкой, подержала у рта и со страдальческой гримасой вылила обратно в кринку. Раньше она хоть для волка мясо покупала. Волк исчез незадолго до весны, в мое отсутствие — видать, издох от голода, мрачно подумала я, бросая ложку.

В окошко мне виден был уголок Дома Совещаний — там переминались с ноги на ногу гнедые кони в сине-золотых чепраках. Арлисская делегация как раз проходила в здание, только что окончив с приветственным церемониалом. Последними в Дом вошли Догевские Старейшины. Я сглотнула слюну, представив длинный стол, накрытый белой скатертью и уставленный изысканными блюдами. Конечно, стоило мне пожаловаться Лёну на вегетарианскую диету, и он подыскал бы мне более хлебосольную домохозяйку, но я не хотела обижать Крину и, что греха таить, надеялась хоть чуточку похудеть перед выпускным балом.

Один из коней заржал, и мое внимание снова переключилось на Дом. В поле зрения появились Лён и Келла — оба при полном параде, он в белом, она в черном. Рука Травницы покоилась на галантно подставленном локте Повелителя. Сладкая парочка усиленно игнорировала друг друга, заключив временное перемирие на взаимоневыгодных условиях. Лён пропустил Келлу вперед, вошел следом и закрыл дверь. Конь снова заржал, отмахивая мордой назойливого овода. Красивый, рослый верховой жеребец, но не той породы, что разводят в Догеве, — здешние кони несколько массивнее, с более густыми, но короткими гривами-щетками и длинными волнистыми хвостами. Вампиры называли их «к'яарды», утверждая, что лучших скакунов не сыскать. В Арлиссе, похоже, сыскали...

Я отвернулась от окна. Вид простокваши и конспектов наполнил мою душу неизбежной скорбью.

ГЛАВА 2

До отъезда мне так и не удалось повидаться с Лёном. Это почему-то показалось мне дурным знаком. Не из-за экзамена. К десятому курсу начинаешь понимать, что абсолютного знания не бывает, за относительные ниже тройки не поставят, а недостающее всегда можно придумать. И потом, у меня было ощущение, что все оценки распределены заранее, подписанные дипломы давным-давно лежат у Учителя в столе, а выпускной экзамен нужен Школе только для отчетности — неужто за десять лет наши преподаватели так и не выяснили, кто на что горазд? Конечно, ударить в грязь лицом не хотелось никому, но и излишне переживать не стоило.

Особенно не торопясь, но и не оттягивая время, я распахала по чересседельным сумкам учебники, конспекты, свитки, листы и клочки бумаги с пометками, оделась по-дорожному и, послав к лешему Крину с Келлой (они традиционно пожелали мне «ни пуха ни пера»), уехала из Догевы.

Лен даже не вышел на крыльцо Дома.

Чем дальше я отъезжала, тем больше мне хотелось завернуть коня и во весь опор помчаться обратно. Ощущение, что я бросаю друга в беде, все усиливалось. В то же время я прекрасно представляла себе лицо Лёна, если я вернусь с полпути, дабы убедиться в его благополучии. Да прежде все догевские вампиры лягут костями, чем на их драгоценного Повелителя упадет пушинка!

Как только Догева скрылась из виду, тревога пошла на спад, но до конца так и не развеялась. Впрочем, очень скоро мне стало не до нее — предстоящий экзамен вытеснил из головы все прочие мысли. Как водится, первыми его сдавали Пифии (иначе от них не было никакого спасения; вынужденные томиться до последнего дня, они так и норовили предсказать идущим на заклятие коллегам какую-нибудь гадость якобы в порядке «повторения материала»), на следующий день экзаменаторы терзали Магов-Практиков, и в последнюю очередь самых терпеливых и безропотных Травников.

Я рассчитывала прибыть в Стармин вечером накануне экзамена, но налетевшая гроза спутала планы, пришлось пережить ее в придорожной корчме, так что в Школу я приехала в самый разгар суматохи — нынешние выпускники, измученные бессонными ночами, бесцельно слонялись взад-вперед по коридорам, уткнувшись в конспекты и бормоча под нос обрывки заклинаний. Результаты не заставляли себя ждать. На втором этаже прямо из потолка шел снег, на третьем лаборанты с кафедры неестествознания гонялись с сачками за пятипалым крысолоком, над головой то и дело проносились молнии, один раз я врезалась в невидимую стену, воз-

двигнутую на месте открытой двери, потом едва успела отдернуть ногу от вычерченной на полу пентаграммы, которая тут же полыхнула трехаршинным столбом огня, оставив после себя черный дымящийся контур. Двое аспирантов, пыхтя, несли в экзаменационный кабинет длинный стол, покрытый бархатной скатертью. Стол ловко изгибался на поворотах, скатерть брезгливо поджимала углы, уворачиваясь от парящих в воздухе пульсаров.

В спальном крыле было потише; всеми забытый зомби, методично и печально ошипывающий листья с некогда раскидистого фикуса, при виде меня поспешно спрятался за высокую кадку.

— Здравствуй, красна девица! — приветствовала меня Велька, отрываясь от потрепанного фолианта «Приворотные и отворотные зелья». — Ох, до чего же ты красна!

— Н-да, переборщила немного, — призналась я. — У тебя нет какого-нибудь увлажняющего бальзамчика? Плечи словно горят.

Помимо благотворного действия солнца, расцветившего кожу альми жгучими пятнами, пребывание у озера обернулось для меня доброй сотней зудящих волдырей от комариных укусов. Велька порылась в стенном шкафчике, выбрала большую пузатую бутылку, заткнутую винной пробкой, откупирила, подозрительно понюхала и скривилась. Судя по ее лицу, травница мучительно вспоминала, что же туда налито и не станет ли у нее одной подружкой меньше. Поразмыслив, Велька решила рискнуть, отдала мне бутылку и вернулась к конспектам.

— Как знания? — поинтересовалась я, пытаюсь рассмотреть содержимое бутылки на свет. Точно не поручусь, но там плавало что-то вроде дохлой крысы, невесть как пропихнутой сквозь узкое горлышко.

— Каша в голове, — честно призналась травница, перелистывая страницу, из-под которой выскользнула на кровать сушеная веточка череды. — Такое ощущение, что впервые вижу собственный конспект. А у тебя?

— И не спрашивай. — Я вытряхнула на ладонь немного бальзамчика, оказавшегося густым и прозрачно-серым, с вкраплением каких-то мелких лепестков. Как ни странно, зуд он унял мгновенно, по плечам разлился приятный холодок.

— Счастливая. У тебя экзамен через полчаса, а у меня — завтра, — позавидовала Велька.

Подобное счастье казалось мне весьма сомнительным. Едва я успела втереть в плечи последнюю порцию бальзама, как в комнате, презрев приличия, материализовались Важек, Темар и Енька. Последний держал под мышкой покорно обвисшего Барсика. Хлебная должность школьного талисмана и природная жадность обязали его

слопать все дары, поднесенные адептами в преддверии экзамена, и теперь черный кот висел на Енькиной руке мертвым грузом, закатив глаза и лишь изредка шевеля хвостом, чтобы его по ошибке не выбросили на помойку. У остальных был такой затравленный вид, словно они кого-то убили и хотят всучить нам труп на хранение.

— Ну наконец-то!

— Явилась!

— Где тебя носило, рыжая?!

— Я не рыжая! — больше по привычке огрызнулась я. Как назло, с возрастом мои светло-русые волосы все сильнее отливали медью. — Я зо-ло-тис-та-я!

— Ой-ой-ой! — передразнил Темар. — Лучше скажи — готова ли ты к героическим подвигам и великим свершениям? Увековечены ли для потомков бесценные крупички совершенного знания, готова ли ты одарить ими страждущих или, ослепленная гордыней, откажешься протянуть руку помощи сирым и убогим?

— Ты имеешь в виду — как у меня с подготовкой к экзамену, написала ли я шпаргалки и буду ли тебе подсказывать, когда ты начнешь тонуть?

— Ясновидающая... — уважительно вздохнул Темар.

— Да подскажу, конечно, куда я денусь? Если сама что-нибудь вспомню...

— Кто бы говорил! — слаженно протянули друзья-коллеги. — Сбирайся, красна девица, на бой со злобными старцами!

— Ни пуха ни пера! — напутствовала нас Велька.

— К лешему! — привычно откликнулась я, закрывая дверь.

«Злобные старцы» в лице бывшего аспиранта, а ныне Магистра 3-й степени Алмита (предметная магия), Магистра 2-й степени Кре-ниана (травоведение) и Магистра 4-й степени Родомира (стихийная магия) встретили нас очень радушно, лишний раз подтвердив мои догадки относительно заранее подписанных дипломов. Экзамен еще не начался, ждали Учителя (он же Ксан Деянир Перлов, Магистр Практической Магии 1-й степени либо просто директор Ксандр). Скопом запущенные в аудиторию, адепты первым делом бросились к столу с билетами. Переворачивали, охали, хватались за сердце, закатывали глаза, пытались как-то пометить наиболее выученные или хотя бы запомнить их расположение. Магистры только посмеивались, не делая замечаний.

Но вот, постукивая толстым ясеневым посохом, в аудиторию вошел Учитель. Посохи остальных членов комиссии мирно стояли за их креслами — они были не более чем символами, такими же, как мантии и высокие колпаки, надеваемые в особо торжественных

случаях. Повсюду таскать за собой тяжеленный, инкрустированный серебром и камнями посох, даже обладающий магической силой, не стал бы самый выносливый маг. Если уж практики и пользовались дополнительными источниками силы, то предпочитали браслеты, медальоны или кольца.

Разговоры и шум тут же утихли, мы с ужасом вспомнили, что пришли на Государственный Экзамен по Магии, а комиссия неохотно расселась по местам, готовая выслушать и оценить наши скудные знания.

Первым делом Учитель отобрал у Важека шпаргалки. Потом сделал мне замечание:

— Вольха, прекрати клацать зубами! Мне страшно находиться с тобой в одной аудитории.

Я послушно стиснула челюсти. Зубы перестали клацать, задрожали ноги.

Учитель глянул на стол с билетами, сдвинул брови. Все пометки, царапины, загнутые углы исчезли, как платяные складки под раскаленным утюгом. Енька, и без того бледностью напоминавший покойника, пошел пятнами, смахивавшими на трупные. Я вздохнула, сообразив, что под вторым слева билетом в третьем ряду уже нет трех законов некромантии, теоремы Лупина-Бабкина и задачи на дематериализацию.

Удовлетворенно погладив бороду, Учитель широким жестом предложил нам тянуть билеты.

Так я и думала! Тринадцатый! Везет мне на это число, за десять лет и сорок экзаменов я вытянула ровно дюжину тринадцатых билетов! Назвав секретарше бросившийся в глаза номер, я, больше не глядя на билет, села на вторую парту в среднем ряду. Взяла из стопки несколько чистых листов с казенными печатями по углам, сняла крышечку с чернильницы, проверила на ногте перо. И лишь тогда прочитала вопросы. Ура! Первый вопрос я знала назубок, второй поддавался вспоминанию, а третьим оказалась та самая проклятая история развития магии. Естественно, половину дат я успела забыть напрочь, но первые в списке, благодаря Лёну, так и стояли у меня перед глазами. Я быстренько перенесла их на бумагу, чтобы не растерять к моменту ответа.

Учитель встал и прошелся между рядами, беззастенчиво заглядывая в парты в поисках конспектов. Отобрал у Важека копию шпаргалки. Постоял надо мною, вглядываясь в беспорядочные каракули. Я привычно закрыла свою писанину рукой — сколько Учитель ни ругался, я так и не смогла избавиться от этого машинального жеста. Не люблю, когда мне смотрят через плечо. На сей раз Учитель смолчал и пошел дальше.

Я огляделась по сторонам. Енька, сопя, чертил на листе схему самолетной метлы. Важек увлеченно списывал с копии копии шпаргалки.

Патологическая страсть Важека к списыванию не поддавалась объяснению. Выучив конспект наизусть, перечитав кучу основной литературы и пересмотрев гору дополнительной, он не мог удержаться от искушения исписать малюсенькие клочки бумаги одному ему понятными пиктограммами. Почти всегда его ловили, заставляли тянуть второй билет и отвечать без подготовки. Важек неизменно отвечал с блеском, безмерно удивляя экзаменаторов.

Через полчаса чьи-то нервы не выдержали и спотыкающаяся фигура неверными шагами достигла кафедры, комкая в потных ладонях исписанный с двух сторон лист.

— Б-б-билет 7. Т-теоретические и пра... практические основы телекинеза.— Заикаясь и облизывая пересохшие губы, адепт прочитал первый вопрос и устремил наполненные предсмертной мукой глаза куда-то в потолок.

Учитель ободряюще кивнул Вандеру, перевел взгляд с отвечающего на аудиторию и с вполне понятным негодованием обнаружил лишь брошенные листы и перья. Все адепты дружно нырнули под парты.

— Эт-т-то еще что такое?! — гневно пророкотал он, стукнув посохом.— Немедленно вылезайте оттуда! Родомир, Крениан, посмотрите-ка на это безобразие!

Учитель оглянулся и вздрогнул от неожиданности. Над столами приемной комиссии сиротливо посверкивали завершия магистерских посохов.

Неспособность Вандера к практической магии была притчей во языцех. Вся группа списывала у него домашние задания, но, когда от Вандера требовали немедленных действий у доски, адепт терялся, нервничал и путал простейшие заклинания, представляя немалую угрозу для общества.

Учитель недовольно покачал головой, но я заметила, как он незаметно шевельнул концом посоха, создавая невидимый экран Грюнделя — рассеиватель заклинаний.

— Можно водички? — жалобно попросил адепт, подбираясь к практической части вопроса.

— Налейте воду в стакан с помощью телекинеза. Пусть это и будет вашим ответом,— посоветовал Учитель, крепче стискивая руками посох.

Вандер кивнул, наморщил лоб и уставился на графин.

Для начала вода вскипела.

Адепт сосредоточился. Кипение прекратилось, вокруг графина намерзла корка льда. Почти тут же хрусталь разорвало, ледяная копия осталась стоять на столе, а вокруг нее в беззвучном вальсе закружилось облако стеклянной крошки.

— Достаточно, — торопливо вмешался Учитель, — следующий вопрос!

Осколки со звоном посыпались на пол. Невозмутимая секретарша унесла ледяной графин и вытерла натекшую с него лужу. Экзамен продолжался. На наше счастье, практических вопросов Вандеру больше не попало, и он, безмерно довольный окончанием экзаменационного кошмара, вприпрыжку выскочил из аудитории, хлопнув дверью.

Мы завистливо вздохнули. Я решила не тянуть с приговором и заняла опустевший стул перед кафедрой. Учитель бегло просмотрел билет, кивнул и выжидательно устремил на меня суровый взгляд из-под грозно сдвинутых бровей. На первом курсе у меня бы отнялся язык, на пятом — задрожал голос, на десятом я без колебаний ответила ему тем же. Комиссия поперхнулась плохо скрываемыми смешками, Учитель досадливо постучал костяшкой указательного пальца по столу, призывая к порядку.

Пока я отвечала на первый вопрос, архимаг не перебивал и, кажется, вовсе не слушал, изучая разложенные перед ним ведомости, и лишь изредка кивал, чтобы я не думала, будто обо мне забыли.

— Ну хорошо, — наконец сказал он, — вижу, в теории левитации ты разбираешься. Что там у тебя вторым вопросом? Психосоматическая блокада? Очень хорошо. Опустим принципы и характеристику, их любая третьекурсница знает, переходи сразу к практике. На мне.

На нем?! Заставить архимага заживо окоченеть подобно трупу, причем тот наверняка пустит в ход контрзаклинание, а то и «зеркало», отражающее чары на саму заклинательницу?

Я облизала разом пересохшие губы, живо представив, как мое онемевшее тело выносят из аудитории вместе со стулом и ставят под фикусом. Комиссия, заинтересовавшись, вынырнула из легкой бдительной дремоты, в которой Магистры привычно переждали экзамен. Поговаривали, будто Магистр Верогор с кафедры Травников наловчился даже спать с открытыми глазами, одобрительно похрапывая на особенно долгих и нудных ответах.

Легче всего использовать для блокады универсальное заклятие Миртона, и его же не составляет особого труда отклонить в сторону. Можно попробовать пластическую формулу с семью переменными, основанную на магии стихий, но это заклинание самое капризное и непредсказуемое, требует досконального знания противника. Я

испытующе посмотрела на Учителя, прикидывая, какие слабые места могут быть в его защите. Проще всего наколдовать себе увесистый ломик и зайти сзади...

Есть еще одно очень хорошее и мощное заклинание... слишком мощное даже для опытного мага. Выплетается долго и тщательно, зато позволяет вкладывать силы по частям, а не одним импульсом в конце. Очень удобная вещь, когда есть время восстановить магический резерв: сплел первую часть, отдохнул, сплел вторую — активировал и пустил в ход. Но вряд ли комиссия будет ждать сутки или пока я сбегаю к ближайшему источнику силы...

А если предположить, что «зеркало» Учитель уже заготовил и оно висит между нами, ожидая моего ответа? Скорее всего, оно настроено на отражение прямого удара и незаконченное заклинание пропустит. А то, пройдя сквозь «зеркало», утянет его за собой и тем самым достроится.

Но если «зеркала» нет, не миновать мне осенней переэкзаменовки...

Я соединила кончики заметно дрожащих пальцев классической сферой, делая вид, что остановилась на Миртоне — огромный соблазн для противника поставить «зеркало», сама же мрачно, абсолютно не веря в успех, произнесла про себя совсем иные слова и на всякий случай закрыла глаза, чтобы не видеть своего позора.

Заклинание ушло, отката я не почувствовала — либо сработало, либо так и не достроилось. Ко мне, по крайней мере, не вернулось. Прошла одна томительно-бесконечная секунда. Вторая. Я рискнула приоткрыть один глаз. Учитель все с тем же испытующим прищуром смотрел на меня, чуть подавшись вперед.

Сидевший рядом Алмит недоверчиво протянул руку и помахал ею у Учителя перед носом.

Мне стало как-то не по себе. Адепты, ловя момент, бросились списывать напрапалую. Важек торжественно выудил из-за уха крохотный комочек бумаги, мгновенно разросшийся в полупудовый фолиант «Теория и практика работы с пространством», разложил его на коленях, и тот сам собой замельтешил страницами, остановившись на главе «Манипуляции размерами».

Магистры выждали для приличия пару минут, но ничего не изменилось, разве что шума в аудитории стало побольше — адепты торопливо обменивались знаниями.

— Вольха, дополнительный вопрос, — откашлявшись, сказал Кре-ниан, — как у тебя насчет снятия психосоматической блокады?

Я жалобно посмотрела на магистра, запоздало вспомнив, что развеять наложенное мною заклятие может только сам заклинатель

либо его жертва, причем у меня сил не осталось вовсе, а Учитель по каким-то причинам не торопился пускать в ход свое умение.

— Ну, сбегай в актовЫй зал к источнику, только быстро,— разрешил прозорливый Алмит.

Впопыхах опрокинув стул, я подорвалась с места и стрелой вылетела за дверь. На восстановление резерва у меня ушло минут пятнадцать, и к моему возвращению экзаменационная аудитория больше походила на библиотеку — на всех партах кучно и россыпью лежала вспомогательная литература, из висящего перед Темаром хрустального куба доносился чей-то гнусавый голос, диктующий восемнадцать отличий упыря от вурдалака. Комиссии было не до adeptов — столпившись вокруг Учителя, они безуспешно пытались определить, что и как я с ним сделала. При виде меня магистры торопливо расселись по местам, со смущенным уважением покашливая в кулаки.

Сняв блокаду, я виновато сжалась в комок, ожидая грома и молний, но Учитель как ни в чем не бывало одобрительно хмыкнул, небрежно черкнул в ведомости и позволил себе небольшой перерыв, на пару минут выйдя из аудитории. Вопрос по истории развития магии принял на себя Алмит, прочие магистры согласно задремали.

— Так в каком же году безвременно почил многоуважаемый архимаг Капуций? — вкрадчиво поинтересовался бывший аспирант, улыбаясь в бороду.

Отлично понимая, что на тройку я уже наработала, да ниже Алмит и не поставит — слишком свежи в памяти его собственные мытарства на госэкзамене, я растеряла остатки страха и, даже не попытавшись вспомнить, нахально предположила:

— В триста сорок первом году.

— А почему так нерадостно? — любопытно спросил магистр.

— Чему тут радоваться...

— Да уж. В триста сорок первом году архимаг был мертв неполных два столетия,— искренне посочувствовал магистр.

— Так почил-то безвременно... Откуда вы знаете, сколько бы он еще прожил?

Алмит только вздохнул, тоскливо глядя в окно, перед которым выпускал мохнатые свечи побегов старый каштан. На улице щебетали птицы, ярко светило солнце, а историю развития магии Алмит и сам толком не помнил.

Магистр с явным отвращением вернулся к экзамену:

— Вольха, последний вопрос... соберись, от него зависит твоя оценка.

Я недоверчиво глянула на преподавателя, ожидая какого-нибудь подвоха.

— Итак, вопрос... Что тебе поставить?

— Пятерку! — радостно выпалила я.

Алмит вздохнул и подписал свою ведомость. Всего ведомостей было четыре, по числу членов комиссии, и что поставили мне прочие магистры, оставалось загадкой до начала выпускного вечера.

Но никто не сомневался, что экзамен я сдала.

ГЛАВА 3

К вечеру вся Школа знала, что я заколдовала Учителя. Версий было три: либо он поддался, либо притворился, чтобы натянуть оценку любимой ученице, либо мне и вправду крупно повезло. Впрочем, прецеденты уже были — в позапрошлом году кто-то вырастил экзаменатору рога, да так успешно, что их пришлось пилить вручную; на памяти Алмита, любителя мрачных баек из жизни, невесть куда сгнула целая комиссия и нашлась только через неделю, причем где ее носило, она так и не призналась; но никому еще не удавалось посадить в лужу нашего Учителя.

К ужину я не вышла — вернувшись в комнату, тут же повалилась на кровать и заснула мертвым сном. Велька попыталась меня растолкать, но, по ее словам, легче было воскресить покойника, а уж она-то знала в этом толк. По Школе немедленно поползли слухи один другого ужасней; никто не сомневался, что я пала жертвой мести Учителя. Дальше мнения разделились: кто-то отправил меня в долгосрочную ссылку, кто-то исключил без права восстановления; самые добросердечные заперли в карцере с кухонным ножом и мешком нечищенной картошки. Особенно отличилась одна из Пифий (как позже выяснилось, экзамен она провалила с треском) — дескать, внутреннее око помогло ей узреть мой хладный труп, тайно прикопанный под каштаном.

Наутро я проснулась с тяжелой и вместе с тем пустой головой, словно наспех уложенные в нее знания с чистой совестью покинули неудобную обитель сразу после экзамена. Вельки в комнате не было, в щель под дверь веяло то вареной крапивой, то трупным ядом, отчего мне сразу захотелось есть. Конечно, ни того, ни другого я бы в рот не взяла, но так обычно пахло из нашего холодильного шкафа, где помимо продуктов хранились Велькины зелья и мои домашние задания по некромантии.

Увы, шкаф не оправдал моих ожиданий — то ли Велька села на очередную диету, специально приурочив ее к отсутствию моего здорового аппетита, то ли, напротив, так усиленно набиралась сил, что выбрала все до крошки. В довершение всех бед школьную столовую

закрыли до вечера, готовясь к выпускному пиру. Никто, кроме меня, по этому поводу не переживал, в Школе стояла непривычная тишина: младшие классы разъехались на каникулы, Пифии и Практики со вчерашнего вечера отмечали сдачу экзамена, Травникам же было не до того — из экзаменационной аудитории никто пока не вышел.

Я пораскинула голодными мозгами и решила позавтракать в «Ретивом бычке». Взбодрившись пригоршней воды, я оделась, зачаровала дверь, нацарапала в нижнем углу косяка ключ-руну для Вельки и, посвистывая, сбежала по лестнице на второй этаж. Но там меня поджидала засада. Учитель вынырнул из-за угла так неожиданно и бесшумно, что я едва удержалась от бесогонного экзорцизма. Отделаться простым «здравствуйте» не удалось, Учитель с присущей ему прямолинейностью цапнул меня за руку, не дав проскочить мимо:

— Вольха! Тебя-то мне и надо! Идем ко мне в кабинет.

Не успев возразить, я покорно поплелась следом за ним — вернее, за своей натянутой рукой. Амулет Лёна, защищающий от недозволенного чтения мыслей, висел у меня на шее, поднаторевший в телепатии Учитель в таком не нуждался, и мы взаимно изнывали от любопытства — что ему понадобилось?! Как она сподобилась?!

Но, как ни странно, речь пошла вовсе не об экзамене. По крайней мере сначала. Захлопнув дверь кабинета, маг кивнул мне на один из стульев, сам же прошел за стол, но садиться не стал. Встал рядом, опершись руками о потертую дубовую столешницу, и проникновенным, отеческим голосом, от которого меня мороз подрал по коже, осведомился:

— Ты уже задумывалась о своем будущем?

Я вежливо изобразила усиленную работу мысли, но преуспела лишь в жутковатом перекосе лица.

— Не паясничай,— одернул меня Учитель, привычно сдвинув брови.— Твое обучение закончено. Осталась стажировка. Где ты собираешься ее проходить?

— В Догеве, конечно! — удивилась я, озаботившись по-настоящему.

— И не мечтай,— отрезал маг.

— Это еще почему? — Я возмущенно подорвалась со стула и припечатала стол ладонями с противоположной стороны.— Разве вы не получили догевский запрос на молодого специалиста?

Учитель заметно смутился, но глаз не отвел:

— Заявки, поданные иными государствами, рассматриваются Школой в последнюю очередь и только при отсутствии внутренних вакансий.

— Зато для меня они имеют первоочередное значение! — не сдавалась я, в запале стукнув по столу кулаком.— А что? Неужели нашлись еще желающие на мои специфические услуги?

— При дворе открылась вакансия,— коротко пояснил Учитель.

— При каком еще дворе?

— При королевском, разумеется.— Маг убрал руки со стола, опасаясь, как бы следующий удар не пришелся по его ладони.— Дорост ушел на пенсию, королю требуется новый маг.

— Ну и что?

— Я рекомендовал тебя.

— Зачем? — тоскливо спросила я, подумав, что до сих пор рекомендации Учителя играли исключительно против меня.

— Не задавай глупых вопросов. Ты — лучшая выпускница, единственная женщина на факультете Практической Магии... и довольно привлекательная,— смущенно кашлянул и тут же посерьезнел Учитель.— По-моему, просто идеальная кандидатура.

— Не менее идеальная и для Догевы. К тому же, в отличие от короля, Лёна моя «привлекательность» интересует в последнюю очередь.

— Ты так уверена? — саркастически поинтересовался Учитель и тут же дал волю праведному гневу.— Дурацкие бредни! Нормальных баб хлебом не корми, дай пофасонить при дворе, а она нос воротит! Ну какие у тебя перспективы в Догеве? Главное в нашем ремесле — создать определенную репутацию. Если магичка, нанимаясь на работу, эдак небрежно бросит: «Когда я практиковала при дворе...», работодатель подскочит от восторга. Соответственно подскочит и гонорар. А теперь представь, что в твоём трудовом свитке первым номером стоит Догева. Скажи спасибо, если отделаешься пинком под зад, а то и на кол могут посадить!

— А почему, собственно говоря, я должна искать работу, если в Догеве меня ждет постоянное место?

Учитель уставился на меня с неподдельным изумлением и ужасом:

— И ты согласна провести остаток жизни в вампирьем логове?

— Лучше их логово, чем ваш королевский двор! — вскипела я.— Сплетни, интриги, дешевые фокусы и верные яды без рецептика по его высочайшему повелению! Где приключения, которые войдут в легенды, верные друзья, знакомством с которыми можно гордиться, подвиги, о которых не стыдно рассказать детям?! Да лучше я на тракте мечом махать буду!

— Да вляпывайся в подвиги сколько хочешь! — возопил Учитель, внезапным броском отвоёвывая стол. Я едва успела отпрянуть назад.— Только стажировку пройди, создай себе тыл, какую-то опору

в жизни, чтобы, возвращаясь с подбитым глазом, было куда возвращаться! Чтобы не оказаться у разбитого корыта, очертя голову кинувшись за миражом! Поработай придворной магичкой, приобрети имя, сбереги монету какую, домом обзаведись, а потом совершай подвиги на здоровье!

Надо признать, в его словах была доля горькой правды. Покидая Школу, я имела за душой диплом, двадцать кладней подъемных и лошадь, которая давалась в рассрочку.

— Лошадь без стажировки не получишь,— мстительно отрезал Учитель, верно рассчитав ход моих мыслей.— За нее казенные деньги плачены. Левитируй на метле, как последняя ведьма!

— Но это моя лошадь! — запротестовала я. Новую лошадь мне выделили год назад взамен сгинувшей в болотах Ромашки. Мышасто-серая Белка особыми достоинствами не блистала, но все лучше, чем ничего.

— Лошадь принадлежит Школе и дана тебе во временное пользование, заметь, *временное*! Ну подумай, чем плоха придворная жизнь? Почет, непьющая работенка, высокая зарплата, трехкомнатные покои по соседству с королевской опочивальней. Пройдешь стажировку и через каких-нибудь два года выкупишь свою Белку, а пока можешь...

— Два года спать по соседству с королем?! А вдруг он повадится стучать в мою дверь по ночам?

— А ты не открывай,— серьезно посоветовал Учитель.— Постучит-постучит и уйдет.

— Уйдет он, как же! Разве что за стражниками с тараном!

Я негодовала по вполне понятной причине. Третьим бедствием Белории после традиционных дураков и дорог был ее король Наум, взошедший на трон каких-то семь лет назад и за это время успевший снискать редкостную нелюбовь всего белорского народа. Народ Науму, на его счастье, попался удивительно терпеливый и снисходительный, относясь ко всем проискам монарха как к неизбежному злу. В любом другом королевстве его давно бы отравили или, на худой конец, с позором выкинули из дворца. Едва утвердившись на троне, Наум начал свою трудовую биографию нападением на соседнее королевство — Винессу. Там ему тем более не обрадовались и дали достойный отпор. Откупившись солидным куском пограничных земель, Наум пригорюнился и повысил налоги, чтобы компенсировать потерю доходов от медных рудников (отошедших к Винессе вместе с землями). Простой люд, которому в общем-то все равно на кого пахать, сравнил прожиточный минимум Белории и Винессы, склонился в пользу последней и, сложив на телеги

нехитрый скарб, начал потихоньку эмигрировать в Винессу, благо места тем теперь хватало.

Король торопливо понизил налоги, но стало еще хуже — не зная, чего ожидать от непредсказуемого монарха и по привычке ожидая худшего, селяне повалили в Винессу целыми толпами. Экономика зашаталась, но, на счастье Наума, Стармин наводнили беженцы из Атрии, небольшого северного королевства, где на троне восседал не менее бестолковый самодержец. Не успели они обжиться на новом месте, как уверовавший в себя Наум снова повысил налоги, и беженцы незамедлительно последовали за коренным населением. Помимо того, Наум ввел денежную реформу (вдвое обесценившую белорский кладень), принял закон о храмовых землях (с благословения Всерадетеля, главного священнослужителя Белории, Науму объявили всеобщую анафему, провозглашаемую трижды в день во всех храмах), ввел и сразу отменил право первой брачной ночи (из-за катастрофического роста венерических заболеваний), измыслил дополнительный налог на лошадей (несчастных животных охватила эпидемия), а также совершил множество прочих, не менее славных деяний, повергнувших светлые умы Стармина в глубокое уныние.

Я красочно изложила Учителю честное мнение о работодателе и тут же испытала на себе все прелести психосоматической блокады. Я пальцем не могла шевельнуть, а Учитель бегал по комнате, возмущенно развевая бородой, и воздевал руки к потолку, словно призывая Высший Разум полюбоваться моей глупостью, — дескать, не может быть для магички большего счастья, чем обретаться при дворе и исполнять королевские прихоти.

— Когда ты доживешь до моих лет, то поймешь, что я желал тебе только добра!

— А если не доживу? — Мне потребовалось всего несколько секунд на деактивацию заклинания, чего Учитель никак не ожидал: осекся на полуслове и недоуменно повернулся ко мне.

— Ты так быстро справилась с нейтрализацией?!

Я пристыжено кивнула.

— Но это... великолепно!

Я мрачно смотрела на Учителя, не разделяя его восторга. Чтоб ему провалиться, диплому с отличием. Будь я заурядной троечницей, уже ехала бы в Догеву, а весь педагогический состав рыдал от радости — хвала богам, избавились наконец! Так нет же, нашему самодержцу подавай товар первого сорта!

— Целых два года! — не могла успокоиться я. — Лучшие годы жизни — королю под хвост!

— Потому и лучшие, что обеспеченные,— с фальшивым оптимизмом заверил меня архимаг.— Не будет стажировки — не будет записи в дипломе. Не будет записи в дипломе — не сможешь официально считаться магической. С догевской записью — тем более.

— А нельзя ли как-нибудь сократить срок? Хотя бы до одного года?

— Поздно. Школа в моем лице заключила с королем контракт. Он не может быть разорван тобою.

— А вами?

Он назвал сумму неустойки. Я уважительно присвистнула. Сомнительно, что мне удастся скопить эдакие деньжищи и за пять лет подобной службы. Тем более я слышала, что честный труд оплачивается во дворце из рук вон плохо, а брать взятки за вовремя закрытые глаза мне претило.

— И когда я должна приступить к этой, прошу прощения, работе?

— С завтрашнего дня.

— Что?! — возопила я еще горестней.— А выпускной вечер?!

— Вечер же сегодня,— недоуменно сдвинул брови Учитель.

— Вот именно! А завтра будет выпускное утро!

Старый маг осуждающе покачал головой:

— Тебе что важнее — гулянка или первая настоящая работа?

— Я этой гулянки десять лет ждала! Я, может, только ради нее в Школу и поступала!

— Вот что, глупая девчонка, иди-ка ты отсюда, пока я тебя снова в первоклашку не превратил, а то и в кого похуже,— устало сказал Учитель.— Раньше надо было думать. Лекции пропускать, учиться на двойки. А теперь будь добра соответствовать званию дипломированного специалиста.

Я злобно развернулась на каблуках и почти побежала к выходу. Еще неизвестно, кто кого превратит! Эх, поспешила я с блокадой; стоять бы Учителю в музее рядом с чучелами, пылью обрастать, первокурсниц бы к нему на экскурсию водили...

— Да, еще...

Я остановилась в дверях, слишком сердитая, чтобы оглядываться.

— Насчет экзамена — я поставил тебе «отлично». Молодец. Вот уж не ожидал — с твоим-то неприятием легких путей и напрашивающихся решений! — Учитель одобрительно хмыкнул.— Я был уверен, что ты не воспользуешься Миртоном. Даже зеркала не готовил. А зря, как оказалось.

Прежде чем я успела осмыслить это заявление, дверь захлопнулась, наподдав мне по ягодицам.

Выпускной вечер был безнадежно испорчен. Не радовала ни еда, ни впервые разрешенный хмель, ни новое серебристо-синее шелковое платье, сшитое догевскими портнихами, — прощальный подарок Лёна, повергнувший в черную зависть добрую половину выпускниц (наверное, эта половина была недостаточно доброй). Вдохновенная и возвышенная речь Учителя, расписывающего прелести ожидающего нас трудового пути, не вызвала у меня ожидаемого энтузиазма. Воздержавшись от аплодисментов — потолок актового зала и так грозил рухнуть, — я тихонько выскользнула на улицу. Стянула намозолившие туфли, прошла голыми пятками по теплой земле, постояла у ограды, любуясь звездами и уходящей вдаль дорогой, тускло светящейся под луной.

— Грустиш-ш-шь, малыш-ш-шка? — сочувственно прошипело за спиной.

Надо мной нависла черная гора с мерцающими змеинными глазами. Дракон шевельнул кончиком хвоста, подсекая мне колени. Рассмеявшись, я шлепнулась на скользкую чешую, ухватилась за пластины склоненного набок гребня.

— Грущу?! Да я пылаю праведным гневом! Смотри, как бы у тебя хвост не расплавился!

Огнеупорный дракон только фыркнул, пристраивая голову рядом со мной. Я протянула руку и почесала мякенькую, мелкую вязь серебристых чешуек на драконьем подбородке. Рычарг довольно прижмурился.

— Вс-с-е ус-сстроится, малыш-ш-ш-ка... Что такое два года? Пус-с-стяк, ос-с-собенно для вампиров и магов. Вернеш-ш-шся ты в с-с-свою Догеву, никуда она от тебя не денется...

— Если бы все было так просто! — Я вздохнула, беззастенчиво используя драконий хвост уже в качестве кушетки. — После Догевы во мне что-то сломалось, Рычарг. Зимой сидишь в комнате и думаешь: как хорошо тут, у очага, как приятно понежиться под одеялом, поболтать с подружками, прогуляться по рынку, купить что-нибудь вкусненькое... А летом хочется бежать из дома куда глаза глядят — отмахать десяток верст по пустынной дороге, посидеть на берегу озера, послушать шелест волн, вздремнуть на опушке леса... И меня совершенно не волнуют ни моя репутация, ни будущее, ни сомнительные тылы в виде дворцов. Я хочу просто идти вперед. Все равно — куда. Все равно — зачем. Лишь бы вперед. Вернуться в Догеву? Да! Но еще больше я хочу туда *возвращаться*. Возвращаться и снова уходить. А впрочем, я сама толком не знаю, чего я хочу. Наверное, это меня и тревожит...

— Ты знаешь-ш-шь,— спокойно прошипел дракон, не размыкая век,— ты с-с-сама вс-с-се прекрас-с-сно объяс-с-снила. Прос-с-сто пока не с-с-смирись.

— С чем? — настороженно спросила я.

Дракон усмехнулся. Во тьме засветились две лукавые щелочки.

— У тебя крас-с-сивые глаза,— проворчал он,— с-с-слишком крас-с-сивые... Не бес-с-спокойся, девочка, вс-с-се будет в порядке. Из тебя выйдет прекрас-с-сный маг-практик...

— Практик, как же... — раздосадованно протянула я.— Да за два года я все навыки растеряю, упыря от зомби не отличу, кому я такая нужна буду?! Самая распоследняя ведьма погнушалась бы такой «непыльной» работенкой... Ведьма... Ведьма!!! Живем, Рычарг!

ГЛАВА 4

Это был очень важный прием. От него зависела моя дальнейшая судьба. Ничего удивительного, что я начала готовиться к нему с вечера — смочила волосы пивом, но не стала ни расчесывать, ни заплетать в косички. К утру они вздыбились жутким колтуном, скошенным влево; самая трудолюбивая корова не сумела былизать их до такого состояния.

На макияж (желто-серая пудра, черная помада и фиолетовые тени) ушло около часа, но я добилась-таки нездорового, трупного оттенка кожи.

Поиски подходящего к случаю костюма затянулись надолго. К счастью, у Вельки так и не дошли руки выбросить старую серую кофту, рваную и выпачканную сажей — мы прочищали ею дымоход, намотав на швабру. Вместо юбки сгидилась половая тряпка, подпоясанная веревочкой. На шею я повесила ожерелье из сушеных майских жуков (выпросила у ребят с факультета Травников), за неимением браслета нанизала на нитку мышьиные черепа, а на шею кокетливо повязала набивное чучело гадюки.

Потом я посмотрелась в зеркало. Чародейки обычно возмущаются, когда их называют ведьмами, но я в моем теперешнем облике сочла бы это за комплимент. Из меня получилась до того омерзительная ведьма, что кот, дремавший на кресле, взъерошился и удрал под кровать. Мне пришлось буквально на коленях упрашивать его быть моим ассистентом. Ибо какая же ведьма без кота? Кот согласался, что ведьма я никакая и мое общество может пагубно отразиться на его репутации порядочного крысолова. Недолго думая я ухватила Барсика за раздраженно виляющий хвост, дернула, и кот глубоко полоснул меня четырьмя лапами сразу.

Посасывая руку и шепотом костеря несговорчивую зверюгу, я выудила из холодильного шкафа вчерашнюю отбивную и помахала ею у кота перед носом. Барсик принюхался, алчно облизнулся, но с места не тронулся. Задумчиво прожевав отвергнутый продукт, я вспомнила о телекинезе, и через несколько секунд кот оказался в моих руках. Сказать, что он сдался без боя, было бы неуважением по отношению к такому славному бойцу, как наш Барсик.

Мой триумфальный выход из Школы не остался незамеченным — у ворот стоял Алмит, битый час безуспешно объяснявший роскошно одетой даме с упитанным ребенком, что ее дитя, несомненно, обладает всеми мыслимыми и немыслимыми талантами, кроме магического, а посему не может быть принято в Школу даже на платной основе. При виде ведьмы спор прекратился сам собой.

— Кто это? — потрясенно спросила дама, на всякий случай прижимая к себе гениальное дитя.

— Наша лучшая выпускница, — не менее ошеломленно брякнул Алмит.

Я натянуто улыбнулась, показав вычерненные углем зубы.

Дама, не попрощавшись, подхватила ребенка на руки и бросилась наутек от сомнительных прелестей магического образования.

Ко дворцу я шла пешком и босиком, не слишком старательно обходя лужи. Зажатый под мышкой кот безнадежно выл на одной ноте. Редкие утренние прохожие шарахались в переулки, не решаясь разминуться с ведьмой по другой стороне узкой мостовой.

Не обрадовались мне и стражники. Скрестив дрожащие копыя, они заискивающе поинтересовались целью визита. Я протянула им выписанное Учителем направление и, входя в роль, зловеще проскрежетала что-то себе под нос, потирая ладони. Копья не просто разошлись — метнулись в стороны. Под опущенными забралами гулко клацали зубы.

Я подросла как раз к завтраку — по дороге к трапезному залу мне попала только парочка служанок, одна из которых картинно упала в обморок, а вторая поспешила спрятаться за гобеленом. Вытканное на нем море реалистично взволновалось, кораблик взлетел на гребень волны. У дверей в зал тоже стояла стража, но я, не останавливаясь, взглядом распахнула двери и прошествовала мимо остолбеневших караульных.

Его величество восседал во главе стола на помеси стула с тронном — высокая, роскошная спинка с россыпью сапфиров по краю и довольно простенькое сиденье, даже без подлокотников. Маленькие Наумовы глазки сально щурились, высокая корона успешно маскировала плешь с начесанными с боков волосами. Алая, в золотых лилиях, мантия свесилась на пол. Тяжелая, наверно, бархатная. Сза-

ди, по обе стороны царского седалища, стояли фаворитки — блондинка и жгучая брюнетка, нежно улыбавшиеся Наумову затылку. Я сначала решила, что их ограбили на большой дороге, но потом поняла, что практическое отсутствие материи на соблазнительных телесах — нормальное явление. Материи не просто было мало. Она, по-видимому, сползла, прикрывая абсолютно неинтересные части тела, а то, что прикрывают на пляже, было выставлено на всеобщее обозрение за вычетом пары клочков и трех веревочек. Слева от короля, поджав губки, — невероятно прямо, словно посаженная на кол, — сидела королева Вероника, законная супруга Наума, девица кукольной красоты. Светлый кучерявый парик венчала сапфировая диадема. Невыразительные голубые глаза равнодушно скользили по хитрым лицам придворных, выстроившихся вдоль стен в ожидании сигнала к началу пиршества. На руках у ее величества дремал серебристо-серый мопсик со сморщенной лупоглазой мордочкой. Вернее, мопсик дремал, пока я не вошла. Тут уж ему стало не до сновидений. Рванувшись из рук, песик жабой плюхнулся на пол и укрывшись под стулом Наума, задрапированным свисающей мантией.

Брови короля поднимались, как разводной мост, пока не приняли практически вертикальное положение. Шушуканье придворных стихло.

Я сделала кривой реверанс. Кот инстинктивно впился когтями в плечо, и я трудом удержалась от нецензурного вопля, горько пожалев, что не подыскала менее тяжеловесного спутника — скажем, грача. Грачи тоже неплохо смотрятся на плечах у ведьм, их часто принимают за воронов (те гораздо крупнее), а хриплое унылое карканье добавляет имиджу зловещей таинственности. К сожалению, при моем приближении не только грачи, но и куда более морально устойчивые галки разлетались с воплями и не оглядываясь.

Кот решил реабилитироваться, раззявил зубастую пасть и гнусаво мякнул. Придворные со стоном отшатнулись, королева Вероника заслонила веером. («Все-таки кот — тоже ничего», — злорадно подумала я.) Высказавшись, Барсик спрыгнул на пол и важно продефилировал к столу. Люди торопливо расступались, давая ему дорогу. Из-под стула боязливо зарычал мопсик. Постояв у трона и посветив на Наума глазами, кот легко взвился на стол и с урчанием вцепился зубами в крыло огромного печеного гуся.

— Ну здрасте, ваш-личество, — сказала я, почесав затылок и внимательно оглядев желтые накладные ногти. Обнаружив, что там что-то застряло, я сощелкнула пойманное на пол (шаровая молния, пущенная накатом, не произвела бы большего эффекта), вальяжно отодвинула стул (с которого спешно бежал первый министр), плюхнулась рядом с королем, закинула ногу за ногу и ущипнула фаво-

ритку. Закаленная придворной жизнью, блондинка, не пискнув, страдальчески закусила губки.

— Я тут... это... с шабаша маленько... Мутит меня,— пояснила я, ударом кулака по днищу раскупоривая ближайшую бутылку. Вино оказалось сладким и крепким. Икнув, я наклонилась к королю и щедро наполнила его кубок из отпитой бутылки.— Ну что, ваше величество, выпьем за плодотворное сотрудничество? В наше время королю без мага ну никак, всюду враги!

Размашисто чокнувшись бутылкой о кубок — вино плеснуло на стол и тонкой струйкой потекло королю на колени — я отпила еще немного, демонстративно побулькав воздухом в горлышке. Кот сосредоточенно давился гусем, издавая хрипящие и хрустящие звуки.

— Ну, кто тут нас не уважает? — Я обвела придворных пронзительным взглядом, потом с трех вершков уставилась в глаза Науму. Король честно попытался изобразить безграничное уважение и искреннюю радость от моего присутствия на трапезе. Я подумала — не потрепать ли мне по щечке королеву, но решила не перегибать палку. С женщинами, как известно, лучше не связываться, ее не волнует — сумеют ли десять стражников по королевскому приказу поднять на пики нахальную ведьму, прежде чем она превратит их в лягушек и тараканов. Я-то знала: еще как сумеют, но трусоватый король не хотел рисковать своей венценосной головушкой, равно как и портить отношения с Ковеном Магов.

Но тут я заметила, что под веером королевы подрагивает улыбка. Ее высочество прекрасно разобралась в ситуации и теперь злорадно упивалась замешательством благоверного (по слухам — не слишком благоверного; можно даже сказать, благоневерного). Вероника подмигнула мне и еще глубже уткнулась в веер.

С трудом подавив ответное моргание, я как дипломированная ведьма попыталась произвести на короля как можно более «благоприятное» впечатление:

— У меня есть дивные яды,— громоподобно прошептала я в оттопыренное монаршьё ухо,— мгновенные и замедленного действия. Одна капля — и спустя месяц ваш ничего не подозревающий враг скончается в жутких конвульсиях...

Придворные оживились. Кое-кто начал выразительно перемигиваться с соседями, некоторые побледнели и закашлялись, отодвигая кубки.

Король заметно пригорюнился. На помощь ему пришел министр обороны, горевший желанием записать мага-практика в ряды бравых защитников отечества:

— Скажите, Вольха, у вас есть опыт работы по специальности? Я скромно потупилась:

— Да так, по мелочи: прикончила двух архимагов, разорвала на куски с полсотни зомби, уничтожила валдачий город и несколько месяцев стажировалась в Догеве.

— Д-д-догеве?! — Король залпом выхлебнул содержимое кубка. — А как же вампиры? Они вас не тронули?

— Что вы, — притворно возмутилась я, — они были сама доброта! Вам не следует придавать значение глупой сплетне, будто с тех пор я иногда брожу по ночам с окровавленным топором в руках. Лично я ничего такого не помню.

Министр побледнел и прекратил расспросы, задумавшись, нельзя ли как-нибудь пополнить мною гарнизон вероятного противника.

— А вы умеете готовить гламарию? — застенчиво прощбетала хорошенькая девица на противоположном конце стола. Вот уж кто не нуждался в искусственных стимуляторах красоты, разве что она успела намазаться ими перед ужином.

— Конечно, — с достоинством ответила я, кокетливо поправляя «локон», — я сама ею регулярно пользуюсь.

— А предсказывать будущее? — брызгливым голосом осведомилась сухопарая дама с крючковатым носом.

— По тухлым крысам, теплomu драконьему помету и человеческим внутренностям, в присутствии заказчика, — с готовностью перечислила я. — Могу также сварить приворотное зелье или эликсир молодости с гарантией восемьдесят процентов.

Престарелые сластолюбцы оживились.

— Двадцать — на летальный исход, — мстительно добавила я.

Заказов на любистоки так и не поступило. Больше меня ни о чем не спрашивали и, торопливо закончив так толком и не начатый завтрак, со всеми почестями выпроводили из дворца. Кота и того вынесли на бархатной подушке с кистями. Мне пришлось тащить его обратно на руках — ссаженный на землю, мерзавец горестно орал мне вслед, не трогаясь с места. Судя по форме и размерам пуза, Барсик заглотнул гуся целиком и теперь с трудом доставал лапами до земли.

Вторично распугав прохожих, мы в обнимку с котом вернулись в Школу. Дракон долго и боязливо разглядывал нас из-за забора, потом узнал и с дымным воем ополз по стене. Проходя мимо, я мрачно погрозила ему кулаком, но бессовестный гад продолжал рыдать от смеха, катаясь по земле.

Сброшенный на кресло кот там же и уснул, храпя и подергивая задранными вверх лапами. Сорвав тряпки и швырнув их в радостно полыхнувший камин, я с наслаждением окунула голову в ведро с водой. Макушку обожгло холодом, зато проклятый колтун прекратил чесаться, а пудра — щипать кожу.

• Верховная
Ведьма •

Черная кобыла с подозрительно невинным видом стоит у крыльца, лениво помахивая роскошным хвостом. Рановато ее заседлали и привели; вернее, это они припозднились с проводами. Зная эту неугомонную нахалку — час она на одном месте не простоит... значит, успела где-то погулять и вернуться. Только-только рассвело, долина еще спит, укутанная одеялом тумана, не по-весеннему густого и холодного. Если кобыла где-то нашкодила, обнаружат это не скоро, так что отдуваться придется ему — хозяйка лошади решительно встряхивает головой, отбрасывая волосы за плечи, и примеряется к стремени.

— Не уезжай.

Она опускает занесенную было ногу, оборачивается. Укоризненно и вместе с тем понимающе смотрит на него. Глаза в глаза, не пытаясь укрыться за ресницами или сторонними мыслями. Мало кто на это осмеливается. Ветер встрепывает ее длинные, золоти-сто-рыжие волосы — единственное светлое пятно посреди этого серого, зябкого утра.

— Почему?

— У меня нехорошее предчувствие.

— Брось! — Она беспечно усмехается, похлопывая лошадь по холке. — Мы же все давным-давно обсудили. Мне нужно собрать практический материал для диссертации и получить звание Магистра 3-й степени, для такой ответственной должности это просто необходимо. Я же твоя Верховная Ведьма, забыл?

— Нет, как и то, что ты еще и моя невеста, — невесело шутит он.

— Я вернусь, ты же знаешь.

Он нежно проводит кончиками пальцев от ее виска к подбородку, попутно заправляя за ухо выбившуюся прядку. Она шутливо уворачивается, нашаривает стремя и вспархивает в седло.

— Знаю.

Черная лошадь охотно трогается с места. Слишком охотно, а значит, вскоре жди незваных гостей, весьма недовольных столь же неожиданным визитом черной лошади в их только что засеянный огород, сад, а то и на чердак с опрометчиво приставленной к нему лестницей... Если он окликнет ее, шагнет вперед или хотя бы опустит голову, выдавая, как тяжело у него на сердце, она тут же вернется.

Он знает и это. И молчит.

Часть первая

ЖИТИЕ СВЯТОГО ФЕНДЮЛИЯ

Каков дайн, таков и храм.
Старинное белорусское присловье

Весной даже дремучий бор, кишмя кишаций диким зверьем и упырями, язык не поворачивается назвать темным и зловещим. Мрачный скрип обомшелых стволов утонул в птичьем щебете, а земля — в цветущих пролесках, придавших старому лесу непривычно радостный, чарующий и таинственный вид. Так и ждешь, что во-о-он из-за той кучи бурелома сейчас появится прекрасная дриада верхом на белоснежном единороге (можно по отдельности) или добрая волшебница, разомлевшая на солнышке и посему готовая безвозмездно ошастливить первого встречного исполнением трех его заветных желаний (ну хотя бы одного, самого-самого!).

Впрочем, на худой конец сойдет и злобная ведьма на черной кобыле.

— Итак, Смолка, что мы имеем?

Кобыла прижала уши и неопределенно позвенела уздой. На данный момент ее хозяйка и впрямь отличалась редкостной злобностью — пару минут назад у нее в довершение ко всем бедам отвалилась подметка на совсем казалось бы новом сапоге. Стремя неприятно холодило босую ногу; отпустив поводья, я крутила в руках провинившуюся обувку, размышляя, то ли плюнуть на все и подклеить ее с помощью магии, то ли вернуться в село и устроить разнос жуликоватому сапожнику с гнилой дратвой. Возвращаться, хоть и не слишком далеко, не хотелось. Трех кладней¹ тоже было жалко, а заклинание придется подновлять ежедневно. Ладно, заеду к этому халтурщику попозже, на обратной дороге. Помнится, он с пеной у рта заверял: дескать, «сто лет износу не будет!», так что до конца гарантийного срока еще далеко.

С отвращением пошептав на сапог, я натянула его на ногу. Вроде держится и даже удобнее стал, в носке не жмет. Слегка подобрев, я наконец-то соизволила оглядеться по сторонам, но любоваться оживающей природой было поздно — лес закончился, а трава на

¹ Золотая монета.

опушке только-только пустилась в рост, робко выглядывая из-под сухих прошлогодних грибов.

— А имеем мы вот что, — задумчиво сказала я, так и не дождавшись ответа от кобылы.

В пяти саженях от опушки, прямо к стволу стоящей на отшибе березки была приколочена растрескавшаяся шильда с отломанным носом. Мне так и не удалось толком разобрать полустертые дождями и временем руны — то ли «Малинники», то ли «Малые Липки». Ни малины, ни липок я с ходу не заметила и на карте ничего похожего не отыскала. Странно, вряд ли моя карта древнее этой шильды... Надо будет расспросить кого-нибудь из местных, куда это меня занесло — вчера вечером я для разнообразия доверилась неизвестной дорожке, логично рассудив, что в чистом поле она вряд ли оборвется, а работа для ведьмы найдется везде. Ну или почти везде.

Под первой доской висела вторая, новехонькая, с витиеватой надписью: «Колдовать, ворожить и творить прочий бесовской промысел возбраняется под страхом смертной казни».

— Не больно-то и хотелось, — вполголоса проворчала я.

Вероятно, где-то поблизости обретался крупный храм, таким нехитрым способом отваживающий конкурентов. И это несмотря на королевский указ, уравнивающий в правах магию и религию! Увы, только на бумаге. Если в столице и городах маги с елейными улыбочками раскланивались с дайнами¹, то в более отдаленных местах власть Ковена Магов заметно ослабевала, переходя к священнослужителям. Неудивительно — ведь стать дайном мог практически любой, а должность эта легкая и хлебная, так что желающих хватало на все села, даже самые глухие. Магические же способности про-являлись далеко не у каждого, а единственная на всю Белорию Школа Чародеев Пифий и Травниц находилась в столице, где и оставалась работать большая часть выпускников.

Денег у меня пока хватало, а по опыту я знала: стоит проехать пару-тройку негостеприимных селений — и в четвертом ведьме окажут самый теплый прием, причем туда тайком сбегутся жители из трех предыдущих. Запретить-то магию можно, но заклинания молитвами не заменишь, и слова «значит, так было угодно богам» служат слабым утешением для молодого вдовца, чья жена приглянулась упырю или скончалась от родильной горячки.

Я огляделась, привстав на стременах. Так, вот и Липки-Малинки — довольно большое село, даже с ярмарочной площадью, в настоящий момент пустующей. Храма что-то не заметно. Левее, за бе-

¹ Священнослужители.

резовой рощицей, небольшое озерцо в низинке, правее — пересеченная речушкой пустошь, по которой маленькими группками бродят коровы и овцы, печально изучая бурую землю с редким вкраплением зелени. А дальше, за селом, на лесистой горочке... ого!

Замок был огромен. До него оставалось не меньше пяти верст, а макушки всех восьми башен уже горделиво возвышались над лесом, притягивая взгляд яркой кирпичной кладкой. На шпилях трепетали заостренные язычки флагов. Не верилось, что все башни обнесены одной стеной — места между ними хватило бы на восемь замков, — но кому придет в голову ставить их рядком?!

Я мигом сообразила, где нахожусь. Не Малинки, а Маел-ине-Киррен, по-гномы — Вороньи Когти, название крупнейшего в Белории рыцарского замка. А село, вероятно, называется «Перекрестье» — вон на столбе у околицы виднеется еще одна шильда.

Подъехав поближе, я убедилась в своей правоте. Перекрестье было одним из тех селений, что взяли начало от постоянного двора на скрещении дорог. Одной дорогой — той, по которой я приехала, — сейчас уже почти не пользовались, и она превратилась в обычную сельскую улочку, зато вторая с годами расширилась почти до размеров тракта и вела в гору, к замку.

Селяне глядели на меня неприязненно, не выходя за калитки, но и не отлипая от оных. Многие демонстративно крестились и плевали через плечо, кто-то даже показал шиш, якобы отводящий порчу (я не осталась в долгу, продемонстрировав другой, не менее символический, палец). Скрывать свою профессию я и не подумала, напротив — откинула капюшон куртки и гордо выпрямилась в седле, чтобы всем хорошо были видны трепещущие на ветру рыжие волосы и рукоять висящего за спиной меча. Проезжать-то через село мне никто не запрещал, как и рекламировать «бесовской промысел». Я подметила парочку заинтересованных взглядов и довольно усмехнулась. Может, выехать за околицу и остановиться в ближайшей рощице, поджидая клиентов?

Но тут я заметила корчму и мигом изменила планы. Тряское седло и черствые бутерброды уже сидели у меня в печенках — неплохо бы в кои-то веки побаловать и желудок, а заодно размять ноги и местечко повыше.

Ни чистотой, ни обилием посетителей корчма похвастаться не могла. При моем появлении она обезлюдела окончательно, а корчмарь, даже не поинтересовавшись, чего я изволю, брякнул передо мной наполненную едой тарелку.

Картошка оказалась пересоленной, огурцы дряблыми, а отбивная подозрительно напоминала мою отлетевшую подметку. Кое-как насадив сей кулинарный шедевр на вилку, снять его я уже не смогла.

Укусить тоже не рискнула, красочно представив два ряда зубов по соседству с вилкой. И потом, с одного края ее, кажется, уже грызли, но тоже не преуспели... Я в последний раз тряхнула вилкой, и отбивная неожиданно поддалась. Со зловещим свистом рассекая воздух, она на бреющем полете пронеслась через корчму и шлепнулась в ведро с помоями, где и затонула. Корчмарь тоскливо скрипелся — видимо, уникальное кушанье кочевало со стола на стол с самого утра и входило в меню не только обеда, но и ужина.

Вилка освободилась, и я занялась печальным размазыванием картошки по тарелке. Есть захотелось еще больше, но, увы, не настолько, чтобы заставить себя проглотить хотя бы кусочек этого месьива, порочащего доброе имя еды.

Отложив вилку, я посмотрела в окно. Возле корчмы уныло слонялись какие-то мужички, то и дело поглядывая на дверь и перебрасываясь парой слов. Кажется, они были совсем не прочь пропустить по кружечке пива, но привязанная у дверей кобыла одними своими желтыми глазами отпугивала страждущих, не говоря уж о засевшей в корчме ведьме.

Корчмарь уже несколько раз прошелся мимо моего стола, в последний раз так и оставшись стоять рядом, выразительно сопя над моим ухом. Я, откинувшись на спинку стула, делала вид, что ничего не замечаю. Да и вообще, похоже, собралась малость вздремнуть...

— Эй, уважаемая! — Не выдержав, мужик выдвинулся на передний план. Уважения в его голосе я что-то не заметила, только досаду, несколько сдерживаемую страхом перед ведьмой. — Вы расплачиваться собираетесь али как?

— Собираюсь, — охотно подтвердила я, для наглядности прокручивая в пальцах серебряную монетку. Корчмарь протянул было руку, но денежка исчезла так же внезапно, как и появилась. — Но разве это надлежит делать не перед самым уходом?

Мужик неохотно, но утвердительно кивнул.

— Ну так идите, любезный, занимайтесь своими делами, я никуда не тороплюсь, — благодушно заверила я, поуютнее устраиваясь на стуле. — У вас такое милое заведение и так вкусно кормят, что хочется растянуть это удовольствие подольше. Скажем, до вечера. А может, и заночевать? Вы ведь ничего не имеете против, верно?

Корчмарь засопел, как дракон, похитивший принцессу, а в логове обнаруживший, что перепутал ее с девятилетней служанкой. При чем выпроводить польщенную бабку оказалось не легче, чем наглуую ведьму, мешающую травить более покладистых клиентов. Не знаю, как там выкручивался дракон, а передо мной уже через пятнадцать минут стояла тарелка с эксклюзивной куриной грудкой в густом соусе, свеженькой, еще дымящейся.

— Надеюсь, этим госпожа ведьма насытится быстрее, — мрачно буркнул мужик.

Нежная курятина и впрямь таяла во рту. Я хотела из вредности растянуть удовольствие еще на полчаса, но, позорно проиграв здоровому аппетиту, проглотила все за несколько минут и с сожалением бросила в опустевшую тарелку искомую монету.

Отвязав кобылу, я с некоторым трудом взгромоздила на седло свое сытое тело и выехала за ворота, собираясь действовать по ранее намеченному плану, но не тут-то было.

Как оказалось, алчущие пива мужички не теряли времени даром. Пока я сидела в корчме, они сподобились послать гонца и хуже того — он успел вернуться с подкреплением.

На меня надвигалось по меньшей мере пять пудов железа — два скрывали под собой рыцаря, еще три — его верного коня, медленно и величаво переставляющего ноги. Из-под длинного серебристо-серого чепрака виднелись только мохнатые бабки с массивными копытами. Верхняя часть боевого скакуна была надежно упакована в шлем с прорезями для глаз, ушей и ноздрей, от которого до самой луки седла спускался воротник из начищенных до блеска пластин. Круп прикрывал крупноячеистый каркас из стальных полос, так что единственным уязвимым местом остался раздраженно помахивающий хвост.

Всадник экипировался еще основательнее — его проще было сплющить, чем ранить. Кольчужные элементы чередовались с литыми, у седла висел огромный двуручный меч, едва не царапавший землю. Все это весело дребезжало и лязгало при малейшем движении, распугивая кур и приводя в ярость собак.

За рыцарем, почтительно приотстав на полкорпуса, на низкорослом мышастом коньке трусил оруженосец — темноволосый паренек лет пятнадцати со смешливым, еще безусым лицом. Никакого оружия, правда, он не нес и не вез, да и из доспехов на нем была только легкая кольчужка до середины бедра, перехваченная в поясе простым кожаным ремнем. Замыкали процессию два десятка деревенских шавок, тщетно пытавшихся перелаять издаваемое рыцарем бряцанье.

Я уважительно хмыкнула, заметив золотой орден на серебряной цепи, удобно лежащий в выемке нагрудника. Как и у магов, высшие чины рыцарского ордена именовались магистрами. Впрочем, не стоило обольщаться — рыцари были беззаветно преданы храму и называли магию не иначе как «мерзким колдовством» или «гнусной волшбой». К ведьмам они относились соответственно.

Я посторонилась было к обочине, но оба коня вильнули мне навстречу и остановились, недвусмысленно перегораживая дорогу.

Магистр, явно рисуясь, заставил своего «горячего» тяжеловоза встать на дыбы и вяло помахать передними копытами. О землю они лязгнули с таким грохотом, что я всерьез испугалась, как бы всадник с конем не рассыпались на отдельные сегменты. Стоит ли добавлять — мы со Смолкой даже не шелохнулись, взирая на рыцаря с таким искренним изумлением, что оруженосец смущенно потупился.

— Уа веваю веваить с вованой вевой! — гулко, с подвыванием донеслось из-под шлема.

Изумление перешло в не менее искреннее недоумение, кобыла даже по-собачьи повернула голову набок, вслушиваясь в гуляющее по доспехам эхо.

— Вероятно, господин магистр имел в виду, что желает говорить с ведьмой, — пришел на помощь парнишка.

— Вованой? — подозрительно уточнила я.

— Истинно так! — Рыцарь наконец сообразил откинуть забрало. — Ибо ведьма суть порождение тьмы, рассадник зла и средоточие мракобесей силы на сей грешной земле, а посему иначе чем поганой называть ее недопустимо!

— Польщена, — пробормотала я. — И что с того? Вы решили разообразить унылую жизнь этого добропорядочного села моим образцово-показательным сожжением?

— Увы, нет, — с искренним огорчением признался магистр. — Мы, то есть орден Белого Ворона в моем лице, желаем тебя нанять.

Я повнимательнее пригляделась к золотому ордену. Честно говоря, птичка больше смахивала на курицу, причем далеко не в лучшей форме. Создавалось впечатление, что несчастная покончила жизнь самоубийством, удавившись на серебряной цепи, где и болталась поныне с развернутыми крыльями, вытянутыми лапами и неестественно искривленной шеей.

Основной смысл сказанного дошел до меня чуть позже.

— Нанять? Меня?! Вы что, шутите?

По мрачной физиономии магистра было видно, что он тоже хотел бы так думать, но, к сожалению, не может.

— Очень не хочется вас огорчать, — вкрадчиво начала я, — но на выезде из леса висит весьма многообещающая табличка...

— Знаю, — отмахнулся рыцарь. — Я сам ее там приколотил.

— Оригинальный же у вас способ оповещать проезжих магов о свободной вакансии, — фыркнула я. Кобыла с готовностью поддерживала меня аналогичным, но куда более ехидным и раскатистым звуком.

— Избави нас боги от вашего бесовского племени! — раздраженно повысил голос магистр. — Нам нужна ОДНА ведьма для выполнения

ОДНОГО задания. Потом, хоть это и претит нашим убеждениям, мы ее отпустим...

Рыцарь и оруженосец растерянно переглянулись, не понимая, что меня так насмешило. Согнувшись от хохота над лукой седла, я с трудом выдавила:

— То есть вы хотите сказать... что вы меня... поймали?! Ой, не могу...

— Ну почти поймали,— поправился оруженосец, сникая под тяжелым взглядом старшего по званию.— Так сказать, в процессе...

— Ага.— Я легонько похлопала себя по груди, изгоняя остатки клокочущего там смеха.— Но, если я не ослышалась, изначально речь шла о найме, а это слово вроде бы предполагает оплату моей бурной деятельности, не так ли?

— Верно,— высокомерно подтвердил магистр,— ты оказываешь нам кой-какую услугу, а мы дарим тебе жизнь и свободу. По-моему, это вполне достойная цена за твои богомерзкие деяния.

— То есть вы хотите расплатиться со мной из отобранного у меня же кошелька? Нет, не пойдет. Попробуйте его сначала отобрать.

У рыцаря нервно дернулась щека. Видимо, до сих пор он сталкивался только с деревенскими знахарками, не способными сотворить даже простенький пульсар. Проверять, на что способен боевой маг с высшим образованием, ему очень не хотелось. Но отступить было поздно.

Магистр опустил забрало и пафосно бухнул шпорами по стальным конским бокам. Верный скакун, отреагировав скорее на привычный звук, с нарастающей скоростью двинулся вперед.

— Трещи, нечисть, ибо в оголовье моего меча заключен ноготь с левой ноги святого Фендюлия и одно прикосновение к нему обратит тебя в прах!

— Трещу,— честно призналась я.— Пакость какая, вот уж к чему мне совершенно не хочется прикасаться!

Рыцарь возмущенно взревел и бросился в атаку.

В моем мече никаких Фендюлиев не содержалось, да и обнажать его я не собиралась. Во-первых, честный бой (в моем понимании) проводился на самом удобном для каждого противника оружии, отнести к каковым меч я, увы, не могла. А во-вторых, из ножен торчала всего лишь рукоять с обломком клинка, которому я никак не могла подыскать замену. За полтора года работы на трактах я сменила по меньшей мере дюжину всевозможных мечей — от гномьих до эльфийских. Зловредные клинки категорически отказывались работать со мной в паре: они терялись, ломались, гнулись или оплавливались в ядовитой крови нежити; их крали, нечаянно путали на постоянных дворах, одалживали и забывали вернуть, а то

и забирали с собой в могилу, оставляя меня «безутешно» скрипеть зубами и снова развязывать кошелек.

Так что я просто-напросто щелкнула пальцами, и рыцарь с Фендюлием пронесли мимо, вхолостую махнув мечом над моей макушкой. Отвести глаза человеку — простейший трюк, мы освоили его еще на пятом курсе, таская яблоки у скаредных торговков. Проскакав до конца улицы, магистр натянул поводья, озадаченно потряс головой и, нацелив меч, как копье, зашел на второй круг... третий... четвертый...

Пыль вдоль улицы стояла столбом. Селяне, разбившись на две группы поддержки, восторженными и разочарованными воплями встречали каждый забег. Мы со Смолкой только заинтригованно поворачивали головы туда-сюда, не двигаясь с места.

Наконец магистр решил сменить тактику и пошел на нас с грозной медлительностью тяжелой баллисты, заряженной двухаршинным мечом. Выглядело это весьма эффектно, я даже слегка забеспокоилась, но тут Смолка кокетливо изогнула шею и тоненько, вопрошительно заржала.

В охоте на ведьму произошла небольшая заминка — конь действительно оказался конем и проявил к Смолке немалый интерес, загарцевав так, что рыцарь зазвенел всеми суставами. Магистр сердито рванул поводья, но жеребец решил проявить норы и начал крутиться на одном месте, порываясь встать на дыбы уже по собственной инициативе.

Мне было очень любопытно, как же они все-таки собираются меня ловить, поэтому я не спешила отговариваться срочными делами, требующими моего немедленного бегства с поля ловли. Оруженосец подъехал поближе, и мы синхронными охами-ахами встречали каждый взбрык жеребца. Магистр уже отчаялся его обуздать, бросил поводья, меч и, припав к конской шее, судорожно цеплялся за нее обеими руками.

— Э-э-э... госпожа ведьма,— неуверенно начал парень, не отрывая взгляда от увлекательного зрелища.— А может, вы добровольно сдадитесь?

— Ни за что,— рассеянно отозвалась я, одобрительно наблюдая, как рыцарь начинает потихоньку сползать влево.— Буду бороться до последнего...

— А если мы назначим за вашу поимку некоторую сумму и вы первая захотите ее получить?

Я поглядела на оруженосца с куда большим интересом и вниманием, чем вначале. Простоватое, добродушное и открытое лицо, но с волевым подбородком. Карие глаза, слишком серьезные для столь юного возраста. Из таких мальчишек со временем вырастают

верные соратники или грозные враги. Впрочем, пока что он даже не удостоился права носить собственный меч, а мышастый конек привык скорее к водовозной тележке, нежели к седлу.

— Это зависит от размера суммы,— осторожно сказала я.

Парень с готовностью отцепил от пояса кошель и перебросил мне. Мешочек неожиданно приятно оттянул руку. Я развязала, заглянула. Ого! Навскидку не меньше пятидесяти кладней золотом. Посмотрим, конечно, что за работенку они мне подsunут, но в случае чего всегда можно потребовать надбавку за риск. Ибо ловить ведьму, как оказалось, весьма опасное, сложное и неблагодарное занятие... Грохот! Магистр распластался на земле, впечатавшись в нее на добрых полпяди. Конь тут же перестал выписывать кренделя и застыл как вкопанный, любуясь результатом.

— Ладно,— коротко сказала я, запихнув кошель в сумку к снадобьям.— Ничего не обещаю, но попробую изловить эту мерзавку.

Бросив на меня благодарный и извиняющийся взгляд, парень соскочил с коня, торопливо подбежал к распростертому рыцарю и, присев на корточки, почтительно поднял ему забрало:

— Вы победили, господин, она сдается!

— Очень хорошо,— пробормотал магистр, барахтаясь на спине, как перевернутый жук.— Помоги мне подняться, Тивалий!

Парень с готовностью подхватил рыцаря под мышки и, покраснев от науги, с грехом пополам установил в вертикальном положении. Даже не глянув на столь успешно изловленную ведьму, магистр с пыхтением полез на смиренно замершего коня. Самым сложным оказалось задрать ногу до стремени, а вдевать ее туда пришлось оруженосцу, благо железный носок был предусмотрительно заострен. Немножко попрыгав на одной ноге, магистр угнездилился-таки в седле и лишь тогда соизволил обратить на меня внимание.

Я одарила его обворожительнейшей улыбкой. Рыцарь покраснел, но на провокацию не поддавался.

— И еще,— сухо бросил он.— Если уж мы, помолясь и скрепя сердце, решили прибегнуть к помощи нечистых сил, то это должны быть силы высшего качества, а не жалкие потуги бродячих шарлатанов!

Я пожала плечами. Вполне закономерное требование, хоть я и предпочитала, чтобы его высказывали иным тоном. Порывшись в чересседельной сумке, я достала изрядно потрепанный свиток с жирными пятнами и налипшими крошками — свидетельство об окончании Школы Магов с последующим послужным списком — и протянула его магистру.

Рыцарь брезгливо, двумя пальцами цапнул свиток за уголок, встряхнул, чтобы тот развернулся, и начал читать. После первой

же строчки его глаза изумленно полезли на лоб, после второй пергамент выскользнул из ослабевших пальцев и, на лету свернувшись, скакнул в мою подставленную ладонь.

— Ну так что, господин магистр, мои рекомендации вас устраивают? — самым невинным тоном поинтересовалась я.

— Д-да, поган... госпожа ведьма, более чем.

— Отлично.— Я тронула повод, и потрясенный магистр безропотно позволил мне возглавить «ловчий» отряд.

* * *

Вблизи замок не просто впечатлял — ошеломлял своими размерами, возвышаясь надо мной, как скала. Разумеется, неприступная. Вдоль крепостной стены тянулся широкий ров, заполненный водой, с врытыми в дно кольями. Поскольку врагов в ближайшее время не предвиделось, ров находился на реконструкции и воды в нем было курице по колено. Согнанные из Перекрестья мужички споро орудовали широкими лопатами, вычерпывая скопившуюся за годы тину. У края рва стояла телега с обтесанными кольями на замену подгнившим. По горкам выброшенного на берег ила возмущенно скакали крупные лягушки. Ржавых доспехов, черепов и прочих свидетельств славных битв я что-то не заметила. Враги (обычно степные орки, хотя, бывало, на Белорию зарились и ее ближайшие соседи— Винесса с Волменией) подходили к замку, задирали, как и я, головы, присвистывали, говорили: «Нашли дураков!» — и, даже не пытаясь начать осаду, шли воевать в другое место. Рыцарям, ругаясь, приходилось вылезать из-за крепостных стен и догонять недобросовестного противника в чистом поле или напрямиком маршировать на соединение с регулярной армией.

Строили замок гномы, неспешно и капитально. Целых сто тридцать лет, пока очередной король не сообразил заменить поврежденную плату на сдельную, и не прошло трех месяцев, как Вороньи Когти были торжественно сданы в эксплуатацию. Но, поскольку враги не оценили проделанную ради них работу, оборонительный бастион перекавалифицировался в рыцарскую школу, исправно поставлявшую Белорскому легиону бравых вояк.

Попасть на тот берег можно было по одному-единственному подъемному мосту (не считая, разумеется, тайных ходов, которыми изобиловала любая уважающая себя крепость). Помимо массивной, укрепленной стальными полосами двери, вход в крепость защищала решетка с торчащими наружу шипами длиной в ладонь. Это еще не все — за решеткой начинался длинный узкий коридор, в котором тоже виднелись распахнутые створки. Под потолком чернели пря-

моугольные окошки бойниц, из которых стоящие во дворе лучники могли без помех расстреливать опрометчиво сунувшихся в коридор захватчиков. Держать здесь оборону было одно удовольствие; жаль, что враги ни разу его не доставили...

Сейчас мост был опущен, все двери открыты, а решетка поднята. Возле нее, прислонившись к стенам и вяло беседуя, бдели на страже двое рыцарей. При виде нас они торопливо выпрямились, зазвенев доспехами.

Я неожиданно спохватилась, что больше не слышу топота и лягання за спиной. Осадила лошадь, обернулась. Рыцарь и оруженосец стояли в пяти шагах от моста, наблюдая за мной с каким-то подозрительным, жадным любопытством.

— В чем дело? — недоверчиво поинтересовалась я. — Только не говорите, что вы подпилили его специально ради моей скромной особы!

— Нет, что вы, госпожа ведьма! — поспешил заверить парень и, объехав Смолку, первым пересек мост. Остановился у дверей, развернул коня и снова уставился на меня.

Что любопытно: на лицах стражников застыло то же самое выжидательное выражение. Они даже коротко перешепнулись и ударили по рукам, заключая какое-то пари.

Мимо меня, демонстративно не торопясь и не оглядываясь, проехал магистр.

Упираясь дальше было глупо. Обычный мост, широкий, надежный, на двух толстенных цепях. По нему свободно могли промаршировать четыре ряда конных всадников в увесистой броне, а он бы даже не шелохнулся. Пожав плечами, я повелительно причмокнула и тряхнула поводьями. Работа есть работа, причуды клиентов меня волновать не должны.

Стоило кобыле ступить на тот берег, как все облегченно вздохнули, перебросились многозначительными взглядами, и магистр, дав знак следовать за ним, направил коня под островерхий свод длинной темной галереи.

— Может, все-таки объяснишь? — шепотом попросила я у приотставшего, поравнявшегося со мной оруженосца. Парень покосился на магистра и тоже вполголоса ответил:

— Считается, что на этом мосту лежит проклятие, которое приносит ступившим на него женщинам мгновенную смерть.

— Что?! — От возмущения я даже остановилась, и рыцари вслед за мной. — А раньше нельзя было сказать?

— Ну вы же ведьма, — смущенно пробормотал парень.

— Вот именно! Ведьма, а не колдун! Или «средоточия зла» для вас на одно лицо?

— Да нет,— поспешил исправиться Тивалий,— вы, разумеется, еще и очаровательная женщина, но разве ведьме может навредить какое-то там проклятие?

«Еще как может!» — чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык. Не стоит подрывать собственную репутацию, тем более что проклятие не сработало и никакой магии у моста я не почувствовала. Вероятно, этот слушок пустили сами магистры, чтобы помочь остальным рыцарям соблюдать священный обет целомудрия— хотя бы в пределах замка.

— А вдруг я бы от неожиданности отразила проклятие на кого-нибудь из вас? — нашлась я.

Эта заманчивая перспектива рыцарям почему-то не понравилась. Парень поспешно отступил к стене, магистр так вообще на всякий случай опустил заблуду.

Коридор кончился, замок так и не начался. Крепостная стена соединяла восемь сторожевых башен — Когтей, а в промежутке между ней и собственно замком без труда умещались кузница, конюшни, огороженное ристалище и приземистая пекарня с двумя трубами, от которой вкусно веяло свежим хлебом.

Подъехав к замковым воротам, ничем не уступающим крепостным, мы спешили. От конюшни уже бежали двое пареньков, принявших у нас лошадей. Еще один длинный коридор (на сей раз без бойниц, но с тремя решетчатыми дверями), и я очутилась в самом сердце Вороных Когтей — внутреннем дворе.

Здесь было тихо и прохладно, сверху доносилось нежное воркование горлиц. Пышные вечнозеленые плющи забрасывали плети до самого карниза. В центре двора стояла небольшая шестиугольная беседка с черепитчатой крышей, увенчанной деревянным изображением ворона. Приглядевшись, я сообразила, что это колодец с высоким срубом посредине.

Центральный двор четырьмя арками открывался в дворики поменьше. В замок вели шестнадцать одинаковых дверей с крылечками в три ступеньки (у меня тут же возникло подозрение, что половина из них фальшивая и заложена кирпичом, чтобы сбить с толку штурмующего противника). К одной из них магистр и направился.

Казалось бы, в таком огромном замке и коридоры должны быть широченные — ничего подобного! Высокие — да, в три моих роста, но идти по ним пришлось цепочкой. Правда, они частенько расширялись в такие же небольшие комнатки со сводчатыми потолками и дверями в боковых стенах. Некоторые из них были открыты, давая начало точно таким же коридорам, отличавшимся только способом освещения — настенными факелами или солнечными лучами сквозь зарешеченные окошки. В одиночку я заблудилась бы тут

уже через несколько минут, и кто знает — не постигла ли эта печальная участь десяток-другой рыцарей и не наткнемся ли мы за поворотом на их истлевшие останки...

— А где все? — поинтересовалась я, удивленная царившей в коридорах тишиной.

— Обеденное время, — пояснил паренек. — Братья пребывают в трапезной, куда мы и направляемся.

Направляться предлагалось по винтовой лестнице, штопором закручивающейся в каменный мешок. То ли гномы, забывшись, построили ее по себе, то ли в планах она значилась как ловушка для упитанных врагов, но уже после первого витка я испытала на себе все прелести клаустрофобии.левой стены я касалась слегка отставленным локтем, а центрального столба — боком, инстинктивно пригибаясь, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок. Магистр, видимо, забывал это делать, ибо спереди периодически доносился немелодичный звон и такая же неблагоприятная ругань.

— Это что, единственный путь наверх? — пропыхтела я, когда десяток дюжина ступенек наконец-то увенчалась дверью и мы остановились, чтобы перевести дух.

— Нет, госпожа ведьма. Это потайной ход, им пользуются только магистры либо почетные гости. Прочие поднимаются на второй этаж по четырем обычным лестницам. А вот на третий, где живут магистры, ведут только винтовые.

— А четвертый есть?

— Да, башня. Там мы вас и поселим... в смысле, заключим, — торопливо поправился паренек, глянув на магистра.

Я мысленно застонала, представив три лестницы подряд. Мы снова тронулись в путь, оруженосец вдохновенно продолжал:

— У нас есть предание о славном рыцаре, кой первым заметил вражеское войско, аки тать в ночи крадущееся по лесу в обход замка. Дабы поскорее принести молящимся в башне магистрам эту важную весть, сей доблестный муж без остановки пробежал все триста восемьдесят семь ступеней и пал бездыханным!

— А у вас нет комнаты... то есть темницы... где-нибудь в подвале? — жалобно спросила я. — Застенок там какой-нибудь пыточный, а?

— Есть, но мертвые бродят только по верхним этажам, так что вам все равно придется... — Парень осекся, сообразив, что сболтнул лишнее.

— Какое уме... — начала я, но тут магистр, не сбавляя хода, раздраженно толкнул двустворчатые двери.

Те неожиданно легко распахнулись, звучно грохнув о стены, отскочили от них и понеслись обратно. Прощмыгнуть вслед за ры-

царем я не успевала и вскинула руки, привычно заменяя обычный толчок магическим. Чутьочку не рассчитала или створки оказались с гнильцой, но в результате они неожиданно для меня самой с треском разлетелись в крупную щепу, усыпавшую пол на двадцать локтей вперед.

Разумеется, столь эффектное появление не прошло незамеченным. На меня уставились по меньшей мере четыре сотни глаз, причем два десятка — из-под ближайшего стола. Обладатели последних, видимо, сидели в засаде, ибо рыцарь и трусость — вещи несовместимые, хотя бы по рыцарскому уставу, имеющему ту же силу, что и королевский приказ о магах и дайнах.

— Извините, — кашлянув, пробормотала я в наступившей тишине. — Я нечаянно...

Вытянувшиеся лица окружающих выражали глубочайшее сомнение на этот счет.

— Это ведьма. — Магистр брезгливо ткнул в меня пальцем.

Я так задумчиво покосилась на вышеозначенный орган, что магистр поспешил его отдернуть и, стянув железную перчатку, украдкой проверить на предмет ущерба.

Особого удивления эта новость не вызвала. Видимо, все прекрасно знали, куда и зачем поехал магистр. Молодежь разглядывала меня с боязливым интересом, рыцари постарше безуспешно пытались скрыть это же чувство за высокомерным презрением. Впрочем, было и несколько прямых, спокойных, оценивающих взглядов. Эти даже слегка поклонились, приветствуя даму.

Зал был огромен, даже больше королевского. За ближайшими к стене столами сидели оруженосцы, во втором ряду — молодые рыцари, в третьем — матерые воины, вальяжно развалившиеся на стульях. В центре столовались магистры. Пять стульев из девяти пустовали, один выделялся более высокой и массивной спинкой, инкрустированной драгоценными камнями. «Мой» магистр, не останавливаясь, прошествовал к стулу поскромнее, оруженосец почти выдвинул мне соседний и встал за его спинкой.

Гул голосов неожиданно утих. Даже магистры вскочили с мест и вытянулись по струнке, провожая глазами седовласого мужчину лет шестидесяти, неторопливо шествующего к центральному столу. Ни оружия, ни доспехов на нем не было — только белая длинная ряса с золотистой вышивкой на груди. Ворон, разумеется.

Я недоуменно глянула на Тивалия.

— Это глава ордена, Верховный магистр, — благоговейно прошептал парень. — Последние две недели он усердно умерщвляет плоть голодом и самобичеванием, моля святого Фендюлия избавить нас от напасти!

Плоти в Верховном магистре и впрямь было многовато, хватило бы еще на полгода умерщвления. Эдакий добродушный толстячок, давным-давно отмахавший свое мечом и заслуженно почивающий на лаврах. Пересекая зал, он мимоходом потрепал по голове смущенного подростка, перекинулся парой слов с мгновенно зардевшимся рыцарем и, как ни странно, довольно приветливо кивнул мне. Нахально сидящей, разумеется.

Прежде чем занять свое место, Верховный сложил руки на груди и склонил голову.

— Помолимся, братья, и возблагодарим святого Фендюлия за ниспосланную нам пищу!

Я обвела взглядом стол. Похоже, святой состоял в близком родстве с корчмарем из Перекрестья: на большинстве блюд лежали четвертушки лука, крупно нарезанный хлеб и сыр сомнительной свежести, а в расставленных между ними кувшинах плескалась обычная вода (я без зазрения совести наклонила один и понюхала). Кое-где сиротливо чахли жареные куры, наводившие на мысль о птичьем море, когда первыми издыхают цыплята и почетные пенсионеры. Одинокая щука в ужасе взирала на ораву голодных рыцарей, которые уже собирались устроить турнир за обладание ее хладным телом.

Рыцари, видя такое дело, тоже не затаили с благодарностями. Но только они опустили руки и нацелились на ближайших цыплят, как Верховный магистр еще более торжественным голосом объявил:

— Братья мои! Когда я гляжу на это изобилие, я одновременно радуюсь и скорблю, ибо мы пребываем во грехе чревоугодия...

Я на всякий случай еще раз осмотрела стол, тщетно пытаюсь обнаружить пропущенное изобилие.

— ...коий тяжким камнем ложится в и без того переполненную чашу грехов наших, давая угнездившемуся в замке злу дополнительные силы. А посему предлагаю объявить трехдневный внеплановый пост во славу святого Фендюлия и на погибель умертвию. Конечно, сие дело сугубо добровольное и мы ни в коем разе не станем осуждать малодушных...

Малодушных не нашлось, хотя одобрительная улыбка магистра была слабой заменой уплывшим из-под носа калориям. Прислуживающие в зале мальчишки быстро собрали и унесли на кухню злокозненных кур, уличенных в пособничестве умертвию. Рыцари мрачно хрустели луком, стараясь не глядеть и не дышать друг на друга. Я еще не успела проголодаться, Верховный магистр усердно самоистязался, так что ничто не мешало нам начать деловой разговор. После витиеватого вступления на тему моей мерзопакостной профессии, разумеется. Помня, что клиент всегда прав, я выслушала

его с превеликим вниманием, но переучиваться на дайншу вежливо отказалась. Впрочем, магистр не слишком и настаивал, ибо ведьма ему сейчас была куда нужнее.

Как выяснилось, пресловутое умертвие бродило по замку отнюдь не с прогулочной или развлекательной целью. То есть оно, возможно, и развлекалось, но весьма своеобразно. За три месяца орден лишился семи человек! Особенно не везло магистрам и рыцарям, оруженосец умертвию подвернулся только один, да и то за компанию с господином.

— А вы точно уверены, что это умертвие, а не, скажем, упырь?— уточнила я.

— Упырь, умертвие, призрак — сие нам неведомо,— вздохнул Верховный магистр.— Но оно появляется по ночам, в ржавых доспехах, верхом на полуистлевшем коне, проникая даже в замковые башни, после чего бесследно исчезает, проходя сквозь стены.

Я задумалась надолго. С одной стороны, сквозь стены... с другой— полуистлевшее... Да еще на коне, поднять которого из могилы можно только с помощью магии, ибо лошади не имеют дурной привычки являться с того света ради охоты на рыцарей. Нет, надо самой посмотреть на это чудо природы. Желательно из-за угла, а там подумаю, не потребовать ли молочка за вредность.

— Оно их ест? — деловито поинтересовалась я.— Ну, хотя бы надкусывает?

Половина рыцарей отложили ложки, возблагодарив святого Фендюлия, что не позарились на более сытную пищу, которая с удвоенным энтузиазмом рванулась бы обратно.

Верховный магистр медленно покачал головой:

— Только убивает. Отравленным клинком, прямо в сердце, но удар наносит со спины.

«Похоже, все-таки умертвие. То есть ходячий труп, почему-то покинувший уютную могилку. Упырь не удержался бы, хоть немного, да поглодал, а призраки не пользуются материальным оружием».

— А прежде чем нанять... то есть поймать меня, вы сами не пытались отыскать на него управу?

— Разумеется, мы испытали все мыслимые и немыслимые способы: трижды тридцать раз прочитали очистительные молитвы, окропили замок святой водой и окурили бесогонными благовониями, а также дали множество славных обетов, но тщетно...

— А капканы у дверей ставить не пробовали?

Магистры возмущенно загалдели, но глава ордена остановил их одним движением ладони и неожиданно усмехнулся:

— Признаюсь, меня посещали подобные мысли. Но, поскольку мертвые в замке одно, а живых братьев в тысячу раз больше, сработавшим капканом я подверг бы их искусству сквернословия, и, полагаю, мало кто сумел бы устоять перед оным...

По залу прокатилась волна смеха, подтверждавшая, что глава ордена полагает правильно.

— Хорошо, а если просто запереться изнутри?

— Запоры умертвию не помеха. Оно может явиться прямо посреди комнаты, пару раз нам доводилось выбивать запертые изнутри двери. А иногда, несмотря на строжайший запрет, братья открывали ему сами! Сие мне совершенно непонятно...

Мне, честно говоря, тоже. Все умертвия, с которыми мне доводилось сталкиваться, совершенно не располагали к близкому знакомству и дружеским объятиям. Хорошего в них было только одно — непроходимая тупость, позволявшая без особого труда упаковать их обратно в могилу. Пройти сквозь стену они тем более не способны, если, конечно, там нет магического портала или банального потайного хода. Я больше склонялась ко второму варианту — судя по доспехам, при жизни мертвые сиживало за одним из этих столов, а значит, знало Вороньи Когти как свои две сотни костей.

— Вы дадите мне карту замка?

Верховный магистр сокрушенно развел руками:

— Увы, у нас ее нет. Гномы передали нам один-единственный экземпляр, но во время ложной тревоги он вместе с планом местности был доблестно съеден одним из наших братьев, дабы эти секретные документы не достались врагам. Восстановить его так и не удалось, ибо замок огромен и коридоры его неисповедимы...

— Заметила.

Я мрачно подумала, что после здешней кормежки карта вполне могла сойти за деликатес. Значит, идея с потайным ходом отпадает. Зная гномов, я поняла, что искать его можно до посинения — вернее, пока заинтригованное умертвие не похлопает меня сзади по плечу. Проверить замок на следы магии куда проще — с этого и начну. В любом случае отсыпаться придется днем, чтобы у вездесущего скелета не было шанса отравить мне ночной отдых. Большинство рыцарей так и поступали, сейчас украдкой позевывая в кулаки.

— Но мы дадим вам кое-что получше, — торжественно пообещал глава ордена, сияя отработанной на «братьях» улыбкой. — Тивалий! Пока госпожа ведьма пребывает в замке, ты будешь повсюду ее сопровождать.

У нас с оруженосцем одинаково отвисли челюсти:

— Он?! Зачем?!

— Я?! За что?!

— Для безопасности,— туманно пояснил Верховный магистр.

Чья безопасность имелась в виду, он так и не уточнил, но явно не моя. Возражать было бесполезно, я и так диву давалась, как они решились пустить лису в курятник, то есть ведьму в замок. Тивалий с самым разнесчастливым видом кивнул, подтверждая готовность следовать приказу. Ладно, в случае чего помешать он мне все равно не сможет, а если будет ежечасно бегать к магистрам с докладом— на здоровье, я не против. Особенно если вспомнить о...

* * *

— ...двести девяносто одна... двести девяносто две...

Оруженосец покорно плелся следом, позвякивая кольчугой и сопя мне в спину.

— Вот леший! — Я споткнулась и сбилась.— Сколько там было?

— Триста семь, госпожа ведьма.

— Уверен?

— Желаете вернуться и пересчитать заново?

Я так выдохлась, что спустила ему эту колкость. На четвертый этаж я выползла буквально на четвереньках. Чем нарезать круги вокруг столба, неужели нельзя было построить нормальную лестницу? Она получилась бы в пять, а то и в десять раз короче! На втором и третьем этаже потолки были ниже, чем на первом, в два человеческих роста с подскоком, но, по ощущениям, я поднялась на добрых сто сажений. Не столько ноги устали, сколько голова закружилась.

На последнем этаже, плавно переходящем в собственно башню («до смотровой площадки осталось всего-навсего четыре дюжины ступеней, а оттуда открывается прекрасный вид на окрестности!» — заикнулся было парень, но мой собственный вид понравился ему куда меньше), находилось всего пять комнат, точнее, келий размером полторы на две сажени. Мне предложили любую на выбор, причем разница между ними была примерно такая же, как между пресловутыми хреном и редькой. Я уныло оглядела более чем скудное убранство в виде единственной деревянной лавки с березовым поленом на краю, в которых я запоздало опознала кровать с подушкой.

— Вы бы еще доску вместо одеяла положили! — не на шутку возмутилась я.— И это гостевая комната?! Специально, чтобы гости не засиживались, то есть не залеживались?

— Что вы, госпожа ведьма, магистры оказали вам великую честь! В эти кельи братья поднимаются, когда желают уединиться от суетного мира, помолиться и подумать о вечном.

— А если у меня несколько иная культурная программа?

— Хорошо, я сейчас принесу вам подушку и тюфяк,— обреченно вздохнул парень, поворачиваясь к трехсотступенчатой дыре.

Я методом тыка выбрала одну из келий и, подняв с пола сумки (в одной вещи, в другой снадобья, парочка книг и разрозненные клочки путевых заметок, в перспективе долженствующих стать диссертацией), затащила их внутрь. Из единственного окна открывался довольно-таки унылый вид на внутренние дворики, ристалище и крепостную стену с кусочком неба. Странно, если до макушки башни осталось всего полсотни ступенек, неужели оттуда можно разглядеть что-нибудь поинтереснее? Может, там ступеньки в мой рост?!

Первым делом я простучала стены — не все, разумеется, а пяток наиболее подозрительных камешков; досадливо подула на отбитые костяшки и, решив не тратить попусту время и пальцы, наложила на стены цементирующее заклинание. Пусть умертвие теперь попотеет в своем потайном ходе, пытаюсь открыть «заклинившую» дверь!

Парень вернулся подозрительно быстро, как будто вниз он скатился кубарем, а наверх его сопровождало скачущее по пятам умертвие. Застелив постель, я щедрым жестом предложила ему полено («подложишь под голову сразу два, будет помягче!»), но оруженосец смущенно признался, что мысли о вечном его пока что-то не посещают, а поспею он принес одеяло и для себя.

— Госпожа ведьма, а чем мы сейчас займемся? — не выдержал парень, видя отсутствие какой-либо деятельности по подготовке к отлову умертвия.

Я, сбросив сапоги, успела растянуться на кровати поверх одеяла и теперь лишь недовольно приоткрыла ближайший к Тивалию глаз:

— Лично я собираюсь вздремнуть. Так что будь добр — выйди и закрой за собой дверь.

— А как же умертвие? — опешил парень.

— Если встретишь, скажи, чтобы зашло ко мне попозже.

— Но...

— Послушай,— с максимальным терпением начала я,— вчера у меня выдался очень тяжелый день в охваченной коровьим мором деревне, ночью я чем-то не понравилась стае лесных расквыр, а до обеда протряслась в седле и сейчас совершенно не расположена гоняться за вашим обнаглевшим скелетом. Так что до утра ты свободен.

— До утра?! Но еще даже не смеркается!

— Вот и отлично, как раз успею отоспаться за обе ночи, эту и предыдущую.

Оруженосец помялся возле кровати, укоризненно повздыхал, но настаивать не решился.

Где-то около полуночи я тихонько приоткрыла дверь. Осмотрелась. Ага, поверил! Ишь как храпит в соседней келье, даже сквозь стену слышно. Братъ парня на охоту не входило в мои планы — больше сил потрачу на его защиту, да еще завопит в самый неподходящий момент.

С собой я прихватила только пару амулетов. Хорошо бы, конечно, и меч... но чего нет, того нет. Впрочем, против призрака он бы все равно не помог.

Умертвие, разумеется, и не подумало ошиваться возле моей двери в ожидании конца тихого часа. Убедившись в этом прискорбном факте, я спустилась на третий этаж. Бесконечный коридор уходил вправо и влево, черные проемы боковых ответвлений чередовались с пятнами света вокруг настенных факелов. Шелест пламени придавал и без того гнетущей ночной тишине особенно зловещий оттенок.

Для начала я решила просто пройтись по коридору взад-вперед, никуда не сворачивая. Если он тянется по периметру всего замка, замыкаясь в кольцо,— тем лучше. Где-то по этажу должны были бродить два рыцарских патруля из пяти человек, но, учитывая размеры Вороньих Когтей, за ночь они могли ни разу не встретиться ни мне, ни друг другу. Умертвию они тоже совершенно не мешали.

Сапоги на кожаной подошве позволяли мне ступать по каменному полу практически бесшумно и чутко улавливать малейший посторонний шорох. В полосах теней возились и попискивали невидимые крысы, подвывал залетающий в окошки ветер. Один раз мне почудились такие же осторожные шаги где-то за стеной, я даже остановилась и прислушалась, но, видимо, померещилось. Зато слева от себя я заметила дверь с незатейливой руной, понятной даже неграмотным. Под ней знакомым каллиграфическим почерком было выведено: «Только для магистров».

«Как кстати»,— с ехидцей подумала я. Звание Магистра 4-й степени по боевой магии я получила недавно, этой зимой, и еще не успела до конца прочувствовать все полагающиеся ему льготы. В частности, такие, как пользование внутренней уборной рыцарского замка. Впрочем, кто сказал, что я не воспользовалась бы ею в любом случае?! Поиски умертвия (особенно увенчавшиеся успехом) — дело нервное и хлопотное, на дорожку не помешает...

Приоткрыв дверь и оглядевшись, я убедилась, что комната поступает в мое полное распоряжение,— видимо, умертвие заставило магистров в спешном порядке обзавестись ночными горшками. Внутри я увидела четыре дощатые кабинки вдоль дальней стены, умы-

вальник с подставленным внизу ведром и два наполовину прогоревших факела в кольцах на подставках. Растроганная таким неслыханным комфортом, я направилась к крайней кабинке, но не успела сделать и десяти шагов, как с изумлением обнаружила, что уже не иду, а лечу, причем куда-то вниз и со все увеличивающейся скоростью.

Заклятие левитации вырвалось у меня совершенно машинально, как выверт у соскользнувшей с крыши кошки. Беда в том, что ночью оно работало только у некромантов, стихийные маги вроде меня... додумать я не успела.

Сработало.

Зависнув в воздухе в полулежащем положении, с задранными вверх ногами, я с замиранием сердца опустила руку вниз и пощупала холодные макушки бульжников. До земли оставалось не больше полутора локтей. Батюшки-светы... Судорожно слотнув, я потеряла концентрацию и чувствительно приложилась лопатками о камни. Что ж, могла и куда чувствительнее...

Воздух медленно возвращался в легкие, глаза постепенно привыкали к сумраку. Похоже, я свалилась в один из внутренних замковых двориков — маленький закуток со стенами в два моих роста и единственной дверью, крест-накрест укрепленной полосами железа. Посреди двора пышно и ароматно цвела багряная эльфийская слива, журчал маленький фонтанчик и стояла лавочка для отдыха. Замковую стену оплетал неизменный плющ.

Надо мной — саженях в пяти, не меньше, — живописно чернела прямоугольная дыра два на три аршина. Я любовалась ею около минуты, не в силах собраться с мыслями и хотя бы сесть, не говоря уж о более достойном положении. Надо признать: к кабинке я шла довольно беспечно — да и кто может ожидать подвоха в таком месте? — но не настолько, чтобы при свете факелов не заметить огромной дырищи в полу. Может, я наступила на какую-то скрытую пружину?

И тут сверху донесся непонятный, но оттого не менее противный скрежет. Дыра начала медленно затягиваться, словно ее с немалыми усилиями задвигали тяжелой крышкой. Пружина пружиной, но на место ее возвращали вручную, не торопясь выразить соболезнования распростертому внизу телу. Напротив, вверху что-то подозрительно загрохотало, глухо и зловеще, словно к дыре катили здоровенный камень. Эта мысль мигом поставила меня на ноги, вернее, на четвереньки. Не претендуя на большее, я резво уползла в центр двора. Вовремя — на то место, где я только что лежала, упал... нет, не камень, а горящий факел, ярко высветив землю под дырой.

Я затаила дыхание, но таинственный метатель оставил эмоции при себе. Крышка со щелчком встала на место, и все стихло.

Поколебавшись пару минут, я вернулась и подобрала факел. Просмоленная ветошь на его конце не успела даже почернеть, и пламя радостно обволокло ее со всех сторон. Видимо, его зажгли об один из настенных факелов и тут же сбросили вниз. Интересно, кому взбрело в голову бродить по замку с запасным факелом, если они здесь на каждом углу?

Я покосилась вверх и пробормотала заклинание левитации еще раз. Безуспешно. Страх — страшная сила, другого объяснения я не видела. В любом случае назад меня все равно не пустят. Хотя совсем не помешало бы с возмущенным «эй, что за дурацкие шуточки?!» помолотить по плите кулаком, а утром послушать, кто из рыцарей заикается...

Опустив факел, я пошла к калитке, но там меня ожидало очередное разочарование. Дверь оказалась заперта. Я дернула за кольцо, и снаружи неподкупнобрякнул железный засов. С криком, замком или легкой щеколдой я бы еще справилась, но отодвинуть эту тяжеленную орясину магией вряд ли удастся, проще саму дверь выбить.

Решать проблему выхода столь радикально мне не хотелось, как и объяснять сбежавшимся на шум рыцарям, как я сюда попала. Можно, конечно, открыть телепорт и пройти сквозь дверь, но кто может поручиться, что там нет второго такого же дворика? Это тоже больше дневное заклинание, ночью его хватит только на два-три раза. Я досадливо поглядела вверх, где призывно покачивало ставнями окошко на четвертом этаже. А что, не так уж и высоко — саженой восемь. И уж точно ближе, чем по лестнице.

Я подергала за плющ обеими руками. Вроде крепкий. Узловатый комель был не тоньше древесного, правда, состоял из нескольких сросшихся стеблей, которые расходились в стороны на высоте около аршина.

Зажав в зубах конец факела, я с опаской начала восхождение. Лезть оказалось удобно, хоть и страшновато. Плющ намертво врос в кирпичную кладку, гибкие веточки так прочно и часто переплелись, что я с трудом засаживала в них носок сапога. Зато потом нога стояла как влитая. Главное — вниз не смотреть.

До второго этажа я долезла быстро и без приключений. Остался третий, самый короткий, то есть низкий. Я перебралась ближе к столбцу окон, удобно пристроила ногу на краю подоконника третьего этажа и только собралась чуть передохнуть, как вдруг в глубине комнаты мелькнул слабый огонек — свеча или лучина. Раздавшийся вслед за тем визг чуть не отправил меня в повторный полет. Покрепче уцепившись руками за ветки, я заглянула в окно и увидела толстую

бабу в белой ночной сорочке, застывшую посреди комнаты с надкушенной бараньей ляжкой в волосатой руке. Баба, кажется, увидела меня немного раньше...

Не успела я удивиться, что делает в замке еще одна женщина, как опознала в ней Верховного магистра, пример святости, аскетизма и верности обетам, ревностно умерщвляющего, как оказалось, не только свою плоть, но и баранью.

Не придумав ничего умнее, я приветственно помахала ему рукой и полезла дальше.

Визг грянул с новой силой, по коридору загромыхали шаги, но я уже перевалилась животом через край подоконника и тяжело рухнула на пол своей комнаты. Выплюнув факел и отдышавшись, я с размаху зашвырнула потухшую палку подальше в темноту и тихонько прикрыла ставни. Вот гхыр собачий, лучше бы я действительно не вылезала из постели!

...Паника не стихала еще добрых два часа, да и потом во всем замке до самого утра хлопали двери. Естественно, мертвые категорически отказались являться в такой нервной обстановке. На всякий случай дождавшись рассвета, я с чистой совестью улеглась и попыталась предаться мыслям о вечном, но возмутительно быстро уснула.

* * *

На завтрак хлебосольный Фендюлий ниспослал собственно хлеб и соль, причем у ломтей был такой вид, словно святой кромсал их собственноручно еще в молодости. Зато духовная пицца оказалась на высоте! Верховный магистр, стоя посреди трапезной с воздетыми к потолку руками, вдохновенно вещал:

— Братья мои, внимлите и содрогнитесь, ибо ночью меня посетило мертвие! Оно парило перед окном, но было бессильно переступить через стоящий на подоконнике ларец с зубом святого Фендюлия и лишь оставило на нем отпечаток своего копыта!

Рыцари с изумленными оханьями передавали пресловутый ларец по рукам. Хм, а я-то в темноте приняла его за ящик для цветов...

— Госпожа ведьма,— Тивалий с заметным усилием разжевал и проглотил кусок хлеба, поскорее запив водой,— неужели вы ничего не слышали?

Я неопределенно пожала плечами, заворачивая свою порцию в платок и запихивая в карман. Надеюсь, Смолке удастся подзакусить щедрым фендюлинским даром с меньшим ущербом для зубов и желудка.

— И никуда не выходили? — насторожился парень, не спускавший глаз с моего лица.

— Только в уборную, — невозмутимо призналась я. — А что?

— Но если бы вы пошли куда-нибудь еще, вы бы меня позвали, верно? — продолжал настырно допытываться Тивалий.

— Всенепременно. — Я поднялась с места. — Предупреждаю: сейчас я иду на кладбище.

— Зачем?! — поперхнулся оруженосец.

— Хоронить свои мечты о завтраке, — съязвила я, направляясь к двери. — Так что забирай его скорбные останки и замыкай процессию!

* * *

— Да-да, вы не ошиблись — это я, ваша постоянная и самая любимая клиентка! — жизнерадостно воскликнула я, успев сунуть носок сапога в щель между косяком и дверью, которую не иначе как по недоразумению попытались захлопнуть у меня перед носом.

Корчмарь не настолько преуспел в искусстве фальшивых улыбок. С такой гримасой ему была прямая дорога к цирюльнику.

— Как приятно, что вы меня подождали! — Я, продолжая лучиться не хуже королевской лысины на солнышке, небрежно перевернула висящую на двери табличку «Закрыто».

Корчмарь неохотно выпустил бесполезный засов, пропуская нас в заведение. Я напрямиком направилась к облюбованному столику у окна, сев вполоборота к пустому залу. Тивалий робко пристроился на краешке стула, сложив руки на коленях.

— Ну-с, уважаемый, чем вы меня сегодня побалуете?

По мрачному сопению можно было предположить, что крысиной отравой, но на поданном блюде золотистой горкой возвышалась жареная рыба.

— Угощайся. — Я передвинула блюдо на середину стола.

Парень сглотнул набежавшую слюну:

— Но Верховный магистр сказал...

— Не переживай, для тебя он сделал исключение. За вредность работы.

— Правда?! — оживился Тивалий.

— Правда-правда, можешь сам у него спросить. Только сначала передай ему, что я очень интересовалась, распространяется ли пост на баранину в темное время суток.

Следующие десять минут за столом царили торопливое чавканье и жадное причмокивание. За пять часов я успела осмотреть целых два кладбища — рыцарское и сельское, а также найденный в леске лошадиный череп, — но умертвием и его верным скакуном там и не

пахло. Зато мы с оруженосцем так зверски проголодались, что, выскочи из кустов какой-нибудь опрометчивый гуль или мроед, еще неизвестно, кто бы кем поживился.

— А почему именно ворон? — Утолив первый голод, я бесцеремонно ткнула пальцем в чеканный орденский знак, приколотый к кольчуге Тивалия. — Мне кажется, название «Орден святого Фендюлия» подошло бы вам куда больше.

— Но, госпожа ведьма, Фендюлий сам основал этот орден! Не мог же он назвать его своим именем.

— Ну, увековечил бы верного коня или даму сердца. Розу какую-нибудь на худой конец. А при чем тут этот прихлопнутый щитом альбинос?

— Ворон символизирует мудрость, а белый цвет — добро. — Парень честно попытался воспроизвести одухотворенный взгляд и голос магистра, преподававшего ему устав ордена. С набитым рыбой ртом это оказалось не так-то просто. — Фендюлий был первым Верховным магистром, коий голова для всего ордена, а магистры — когти, то бишь его опора и грозное оружие.

— А крылья? — заинтересованно уточнила я.

— Как перья в крыльях, большие и малые, так и простые рыцари с оруженосцами несут Белого Ворона к священной победе над врагами.

— Гениально. Про хвост и прочие органы, полагаю, спрашивать не стоит. Фендюлий наверняка предусмотрел какое-нибудь высокопарное определение и для них.

Я откинулась на спинку стула, поглаживая сытый живот. Несмотря на все старания и неподдельный энтузиазм, съесть всю рыбу мы не смогли. На этот раз корчмарь действовал по принципу «чтоб тебе подавиться, проклятой!», не преминув требовать с меня полную стоимость добрых шести фунтов рыбы.

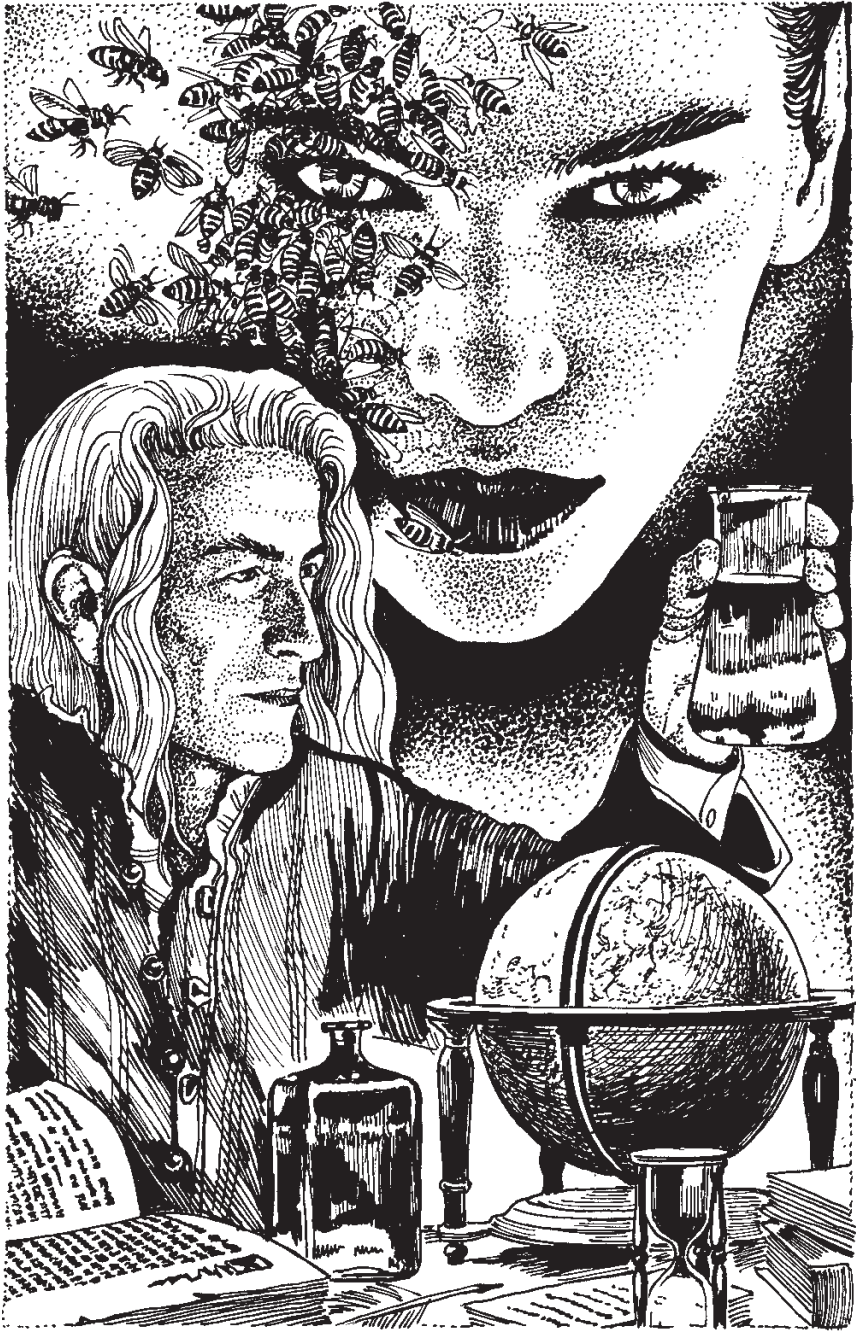
Расплатившись, я выставила полупустое блюдо на подоконник, где им тут же заинтересовалась черная лошадиная морда со всеядной ориентацией. Корчмарь скорчил такую рожу, словно я лишила ужина не пару-тройку поросят, а по крайней мере его дорогую матушку.

— Куда теперь? — Тивалий, видя, что я встаю, чуть не опрокинул стул, торопясь распахнуть передо мной дверь.

— В замок. Раз мы не обнаружили физических следов умертвия, значит, нужно искать магические. — На пороге я обернулась. — До свидания, уважаемый! Было очень приятно иметь с вами дело.

Отчетливый зубовой скрежет дал понять, что корчмарь не разделяет моего восторга ни по поводу нашего знакомства, ни следующей встречи.

• Ведьмины
байки •

НЕЛЕТОПИСНОЕ

— А вот гляньте, господа хорошие, на сию пакость, тьмы мерзопакостное порождение,— надрывался ярмарочный зазывала у входа в перекошенную палатку из грязной холстины, опасно вихляющуюся на ветру.

Проходящий мимо маг безгливо скривил нос. Долетавшая из палатки вонь наводила на мысль о платной уборной, причем для весьма неприхотливых (или очень страждущих) посетителей.

Тем не менее желающие «глянуть» все-таки находились. Сначала за услужливо отдернутый полог прошла и почти сразу же с оханьем выскочила толстая баба, беспрерывно осеняющая себя крестным знамением, потом с медяками рассталась парочка сорванцов — эти задержались подольше, одного даже пришлось выволакивать за ухо, чтобы освободить место для следующего клиента.

— А вот кому охота с самой что ни есть близи на монстра лютого полюбоваться, в буркала его злобные плонуть?!

«Нет, не сортир»,— рассеянно подумал маг, высматривая нужную ему лавку. «Видно, какую-то нежить изловил и показывает — упыря или мроеда. За время войны их много расплодилось, работы для практиков невпроворот, даже адептов-старшекурсников приходится для зачисток привлекать. Ох, долго нам еще эту кашу расхлебывать... поздно спохватились».

— Заходите, люди добрые, не пожалеее! — надрывался зазывала.— Тварь страсть какая лютая, гнусная и коварная, самого каждый раз аж оторопь берет!

Дальше маг уже не прислушивался, наконец-то заметив молочный ряд. Выбрав самую опрятную и располагающую к себе бабку, он, не торгуясь, купил у нее ковшик свежего козьего молока («вот токо-токо сдоила, ишшо тепленькое!»), аккуратно перелил его во флягу при поясе и напрямиком направился к выходу, торопясь вернуться на постоялый двор, где час назад снял отдельную комнату на ночь.

Обратная дорога лежала мимо все той же вонючей палатки. Собственно говоря, «мимо» оно «мимо» и есть, но в этот самый момент зазывалу угораздило выпустить край полога из рук и ветер немедленно задрал его выше крыши, позволив случайному взгляду мимоходом скользнуть внутрь.

Маг споткнулся от неожиданности. Резко развернулся, рывком отдернул только что возвращенный на место полог и, невзирая на возмущенное верещание зазывалы, шагнул внутрь, возмутительно игнорируя протянутую за платой ладонь.

В низкой клетке из намертво склепанных железных прутьев — маг не заметил даже дверцы — сидел, скорчившись, вампир. Голый, грязный, покрытый синяками и ожогами, истощенный до такой степени, что его организм уже перестал регенерировать, да что там — он даже крылья не мог свернуть и они неряшливыми кожаными лоскутами вдоль спины. Поперек груди, точнее — выпирающих ребер тянулся широкий, багровый рубец. Одну, самую страшную рану вампир успел-таки затянуть, но не срастить до конца. Видимо, из-за нее людям и удалось захватить его в плен.

Война только-только закончилась, скрепленный печатями мирный договор торжественно зачитали на всех площадях, но разгоряченные, едва вошедшие во вкус люди продолжали требовать крови, недоумевая, почему им не дали раз и навсегда истребить распроклятых тварей.

И поэтому израненное существо заживо заклепали в клетку и оставили умирать без воды и еды, в собственных нечистотах, на потеху охочей до зрелищ толпы. Сколько он тут уже сидит? Две недели? Месяц? Вампиры очень живучи, а этот, хоть и не светловолосый, явно участвовал в боях. Страж? Похоже на то.

Когда маг носком сапога постучал по одному из прутьев, он даже не повернул головы.

— А вы его каленым железом ткните, — услужливо посоветовал зазывала, все еще надеясь на мзду. — Вона, прут в горшке с угольями торчит!

Так вот откуда ожоги.

Маг со свистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, пристально уставился на клетку и резко развел руками.

Вампир настолько обессилел, что даже не шевельнулся, когда прутья одной из стенок с натужным скрипом отогнулись вверх. Глаза у него были открыты, но так безучастно смотрели в пустоту перед собой, что маг только покачал головой и, нагнувшись, подцепил вампира под мышки и выволок из клетки. Зазывала вылетел из палатки, словно подхваченный ветром. Маг с трудом удержался, чтобы не швырнуть ему вслед с пяток молний, но ограничился

смачным проклятием. Обтянутый кожей скелет оказался неестественно легким, чуть теплым, и так заоченел в скрюченной позе, что магу стоило немалых усилий ровно уложить его на плаще и быстро, пока короткий ворс еще хранил тепло владельца, закутать. Но нашаренная на шее жилка слабо, неровно пульсировала, и маг, вскинув длинный сверток на плечо, поспешил к выходу.

Там уже собралась небольшая толпа, возглавляемая заметно осмелевшим зазывалой.

— Вот он, колдун проклятый, который упыря на свободу выпустил и вместе с ним драпать собирается! — завопил он, с безопасного расстояния тыча в мага выдернутым из частокола дрынком. Предпочтения остальных разделились между ножами и бульжниками, хотя маг с презрением заметил двух рыцарей с мечами и одного дайна — пока, впрочем, мнущегося с краешка и просто прислушивающегося. Прочие расы отводили глаза и торопились поскорее миновать место назревающей потасовки, чтобы самим не подвернуться под руки разгоряченной толпе.

Маг мог пустить в ход боевые заклинания, что почти наверняка закончилось бы не одним десятком трупов и долгим судебным разбирательством, а то и тюрьмой. Мог трусливо и, увы, безрезультатно заорать «Спасите, убивают!», ибо городская стража и так прекрасно видела, что происходит на ярмарочной площади, но вмешиваться не спешила. Мог, в конце концов, с досадой бросить свою ношу под ноги главному зачинщику и, воспользовавшись возникшей суматохой, открыть одиночный телепорт и перенестись прямо на постоянный двор, а уж оттуда поскорее дать деру из городка, ибо обманутая толпа наверняка кинулась бы его искать, по дороге разбухнув в несколько раз.

К счастью, в Совет Ковена Магов дураков не брали.

— Верно,— бесстрастно подтвердил маг,— я колдун. И властью, данной мне Ковеном и его величеством королем Васаром Седьмым, конфискую эту тварь для алхимических опытов. Разумеется, ее владельцу полагается денежная компенсация, а мною лично выражается горячая благодарность за содействие в поимке этого монстра.

Маг вытащил из кармана увесистый мешочек и протянул его зазывале. Любопытство и алчность перевесили. Зазывала, уже жалея, что втянул в свои коммерческие дела столько народу, отвел руку с колом, свободной сграбастав кошель. Увы, как только мужик попытался ознакомиться с его содержимым, дно мешочка прорвалась и под ноги толпе хлынуло мелкое, но оттого не менее соблазнительное серебро. О вампирах и колдунах тут же позабыли, люди побросали свое немудреное оружие и попадали на колени, торопясь сгрести побольше уличной грязи вместе с поблескивающими в ней

монетками. Горестные вопли зазывали уже не вызывали в народе ни малейшего сочувствия; незадачливого мужика безжалостно оттерли на задний план, так что ему оставалось только бегать вокруг образовавшейся кучи-малы и рвать на себе волосы от досады.

Маг же спокойно развернулся и, провожаемый хмурым взглядом дайна, беспрепятственно дошел до ярмарочной коновязи, не спеша расплатился с конюхом, вскочил на смирную гнедую кобылу и был таков.

Первые (и, судя по всему, последние) признаки жизни вампир начал подавать только в лохани с горячей водой — шевельнулся, в беззвучном стоне раскрыл пересохший рот и попытался поймать текущие по лицу струйки. Маг отвязал от пояса флягу и, придерживая вампиру голову, помог сделать несколько захлебывающихся глотков, пока тот снова не потерял сознание.

Обрабатывать и перевязывать многочисленные раны не было смысла, так что маг просто вымыл умирающего и, закутав в одеяло, положил на кровать. Задумчиво поглядел на предсмертно заострившееся лицо, по цвету не отличающееся от серой застиранной холстины и, вздохнув, полез в сумку за коротким ритуальным кинжалом.

Эту ночь, как и две предыдущих, маг спал урывками, все больше проникаясь глубочайшим уважением к Катиссе Лабской, заслуженному Магистру второй степени по боевой магии, одновременно с практической деятельностью умудрившейся трижды побывать замужем и вырастить двоих детей. Теперь, по крайней мере, он не удивлялся, почему у нее такой мерзкий характер!

Когда на рассвете маг наконец-то сумел выкроить пару минут и для вампира, тот лежал уже на животе, повернув голову к стене. Дыхания не было слышно, но у мага отлегло от сердца: умирающие не устраиваются поудобнее и уж тем более не кидаются на склонившегося над постелью человека. Впрочем, второе доказательство вампирьей жизнеспособности мага отнюдь не порадовало. Сцепившись, мужчины покатались по полу. На счастье человека, его противник был еще слишком слаб, иначе с легкостью оторвал бы ему голову, не утруждаясь удушением. На счастье вампира, колдовать, когда тебя душат, не слишком-то удобно.

Силы были примерно равные, но стальная хватка на горле внезапно ослабела, и маг, слепо отбрыкиваясь, отполз в сторону, лихорадочно пытаясь сосредоточиться на формуле нужного заклинания. Но оно уже не понадобилось.

— С-сволочь... с-с-котина неблагодарная,— прохрипел человек, дрожащей рукой ощупывая горло. Тяжело дышащий, привалившийся к противоположной стене вампир исподлобья зыркнул на него, искривил губы в презрительной гримасе: «Скажи спасибо, что вообще отпустил!», но неожиданно, пусть и неохотно, выдал:

— Извини.

Голое тело по-прежнему мало отличалось от скелета, но ожоги исчезли, а от шрама осталась узкая белесая полоса. Маг глянул на мелко дрожащего, кутающегося в крылья вампира и злость разом схлынула.

— Вставай,— со вздохом велел он, сам не без труда поднимаясь на ноги. Горло болело, словно после неудачного самоубийства с обломившимся суком, в только-только зажившем запястье пульсировала тупая боль.— И возьми у меня в сумке запасные штаны; насчет рубашки не уверен... хотя тебе она и не подойдет. А я пока за завтраком схожу.

Когда маг вернулся с полным подносом, вампир уже сидел на краю кровати, зябко обхватив плечи руками. Но при виде еды мигом оживился, накинувшись на нее с волчьей прожорливостью. Маг даже постыдился намекнуть, что одну из тарелок он принес для себя. Только осторожно поинтересовался:

— Тебе плохо не станет?

Вампир, не прекращая жевать, отрицательно помотал головой. И лишь когда с подноса исчезла последняя корочка хлеба, а пальцы были тщательно облизаны, маг удостоился пристального, испытующего взгляда.

— Что тебе надо от меня, человек?

— Ничего,— слегка покривил душой маг. В тот момент — и в самом деле ничего, но неожиданный поворот судьбы так идеально вписывался в его намерения, что грех было им не воспользоваться. Вампир скептически приподнял правую бровь:

— Тогда чем обязан такой...хм... заботе?

— Случайно мимо проходил.

Вампир горько усмехнулся:

— Что ж, спасибо, что не прошел. И куда, если не секрет, направлялся?

— В Догеvu,— не стал юлить маг.

— Зачем? — мгновенно насторожился вампир.

И тут из стоящей на стуле корзины донесся сонный всхлип, а за ним — писклявый младенческий плач.

— Что, опять?! — обреченно простонал маг, однако без промедления кинулся на выручку-проверку.— Ну точно! Где ж я на тебя столько тряпок напасусь, а?!

Вампир заинтересованно (не каждый день увидишь боевого мага, сосредоточенно приноживающегося к младенческим пеленкам!) подошел поближе.

— Твой?

— Ваш.— Маг вытащил из сумки чистую тряпку и бережно, хоть и неуклюже перепеленал ребенка, особенно внимание уделив куцым серым крылышкам, так и норовившим завернуться под неправильным углом .

— Но он же... — вампир, охнув, не то опустил, не то осел на колени перед корзиной.

— Вот именно.

Если традиционно голубые глаза младенца уже начинали потихоньку сереть, то волосы, похоже, окончательно определились с цветом. Золотисто-льняной.

— Повелитель... — благоговейно прошептал и тут же выскочил на мага вампир: — Где ты его взял?!

— Спас во время резни в приграничье. Пару месяцев мы с коллегамы скрывали его в Школе Чародеев, а сейчас, когда наконец-то заключен мир, решили вернуть в долину.

— Что ж ты сразу туда не телепортировался? — недоверчиво поинтересовался вампир.

— С таким маленьким ребенком, да еще нелюд... — маг запнулся,— ...иной расы? Я не был уверен, что он благополучно ее перенесет, и не стал рисковать.

— В таком случае, почему Ковен не выделил тебе отряд сопровождения? — продолжал недоумевать вампир.— Они же знают, какую ценность для нас представляет этот ребенок!

— А я его украл,— просто сказал маг.— Мои коллеги все тянули и тянули с его возвращением — мол, подождем хотя бы годик, пока все уляжется, сгладится... но после трех покушений я подумал, что в родной долине ему будет спокойнее. По крайней мере, человеческих фанатиков и магов-ренегатов туда не пускают.

— Ты хочешь сказать, что старминские маги собирались шантажировать Догеву последней надеждой нашей долины?! — аж задохнулся от возмущения вампир.

Маг философски пожал плечами:

— Вслух они в этом не признавались, так что не думаю, что Ковен очень рассердится на мое маленькое самоуправство.

— Вслух — вряд ли,— съязвил вампир.— Знаешь, я, пожалуй, не стану злоупотреблять твоей добротой и сам отвезу ребенка в Догеву.

Если же ты желаешь получить какое-нибудь вознаграждение, то изложи свои требования на бумаге, а я передам их Совету Долины. И, если они в пределах разумного, то мы по мере сил постараемся их удовлетворить. Я лично за этим прослежу.

— Мне ничего не нужно, — отмахнулся слегка обиженный, но не подавший виду маг. — Но до Догевы два дня пути, причем по дороге тебе идти нельзя — люди слишком озлоблены поражением, пусть и только на бумаге, так что любого показавшегося подозрительным мужчину могут в любой момент остановить и попросить показать зубы, а если начнешь отпираться — без колебаний забьют камнями. По лесам же шастают мародеры, которые ради парочки монет не погнушаются напасть даже на человеческую женщину, не говоря уж о вампире.

— Я могу сменить ипостась и пойти лесом.

— А ребенок? В зубах понесешь? К тому же ему как минимум шесть раз в сутки требуется свежее молоко — где ты собираешься его брать?

Аргументы показали вампиру вполне убедительными. Немного поразмыслив, он решительно тряхнул головой.

— Значит, я поеду в Догеву вместе с тобой. Мне все равно необходимо как можно скорее туда вернуться, заодно и прослежу, чтобы ты доставил ребенка куда следует.

— Не доверяешь?

— Не доверяю, — без тени смущения подтвердил вампир.

— Ну и отлично, — неожиданно усмехнулся маг. — Я, если честно, и сам хотел тебя об этом попросить. Догевских лесов я не знаю, да и не хотелось бы начинать беседу со Стражем с его предупредительной стрелы в спину. Кстати, меня зовут Ксандр.

— Ороен.

Мужчины обменялись рукопожатиями над корзинкой. Ребенок снова запищал — на этот раз от голода. Пока вампир, затаив дыхание от торжественности момента, возился с рожком, Ксандр снова спустился вниз и договорился с хозяином постоянного двора насчет найма второй лошади, заодно расплатившись за комнату и прикупив немного еды на дорогу. Нашлись у него и потрепанные, но вполне еще ноские сапоги, которые магу удалось выторговать всего за пару серебряшек — «про запас, а то мои что-то протекать стали».

Довольный Ксандр вернулся в комнату, но вручать попутчику «запасные» сапоги не торопился.

— В таком виде ты из города не выберешься. Вчера мне удалось провести толпу, но если сегодня тебя или меня кто-нибудь узнает, нам обоим не поздоровится. Конечно, я могу слегка изменить твою внешность, но любой мой спутник все равно вызовет подозрения

и подвергнется тщательной проверке. Даже в храм для освидетельствования могут затащить, а с дайнами мы испокон веков на ножах, они только рады будут случаю подгадить конкуренту.

— И что ты предлагаешь?

Маг коротко, но доходчиво объяснил.

— Ладно.— Вампир без возражений скинул одежду, опустился на корточки и развернул крылья.

Дела оказались еще хуже, чем он думал. Толпа во главе с давешним зазывалой, не на шутку обозленным на пройдоху-колдуна, уже ждала его под самыми воротами. Хорошо хоть заявила она туда буквально за минуту до того, как маг, уже полностью собранный, сам вышел из дома, так что обошлось без погрома. В правой руке человек нес плетеный короб с попискивающим младенцем, а слева от мага, на крепком кожаном поводке, трусила рыжая волийская овчарка с хитрой лисьей мордой и лохматым хвостом.

Похоже, столь идиллической картинке толпа не ожидала, ибо озадаченно притихла, не мешая магу спокойно седлать обеих кобыл, пока собака терпеливо сидела над корзиной.

— А где упырь? — неуверенно вякнул зазывала, когда маг уже вывел лошадей за ворота и, нахально вручив поводья одному из мужиков (тот, опешив, покорно передал свою рогатину соседу на сохранение и взял в руки по узде), вернулся за корзинкой и собакой.

Маг даже не счит нужным снизойти до ответа. Только смерил наглеца презрительным взглядом: мол, сам не видишь, что здесь его нет?

На «упыря» или незнакомца толпа набросилась бы без колебаний, но связываться с боевым магом не хотелось никому. Народ стал переглядываться и шушукаться, так что ограбленному ярмарочнику снова пришлось взять инициативу в свои руки: он неожиданно размахнулся и хлестнул палкой воздух в пяди над собачьей головой. Овчарка испуганно присела, но тут же выскалила зубы и с лаем рванулась на обидчика, маг еле успел накрутить поводок на руку и упереться пятками.

— Вы что, уважаемый, ума лишились? — холодно поинтересовался Ксандр, наконец справившись с овчаркой и заставив ее сесть возле своей ноги.— А теперь еще и жизнь надоела?

— А кто вас, колдунов, знает,— боязливо, но упрямо буркнул мужик.— С вас станется простому человеку голову задурить, мороком чудище свое укрыть — может, тута оно, рядышком, а мы и не видим! Вот для верности палкой и прошелся.

— Убедились? — совсем уж ледяным тоном уточнил маг. Собака не двигалась с места, но выразительно щерилась и рычала. Мужик подозрительно сощурился, чуя подвох, но не понимая, где он таится.

— А вторая кобыла тебе на кой?

— Сменная,— отрезал Ксандр, приматывая поводок и поводья запасной лошади к луке своего седла. Забраться в него с тяжелой корзиной в руках оказалось непростой задачей, но маг справился.— Еще вопросы будут?

— Зубы покажи,— вяло потребовал кто-то из толпы.

Маг показал кое-что другое, при этом так недобро ухмыльнувшись, что все претензии увяли на корню. Народ неохотно расступился, давая дорогу. Мужик с возвращенной рогатиной ошеломленно поймал брошенную магом монету.

Выехав за городские ворота, Ксандр небрежным мановением руки снял морок. Теперь рядом с его конем безо всякого поводка шустро перебирал лапами тощий угрюмый волк.

— Вот уж не знал, что вампиры умеют лаять,— добродушно заметил маг, сворачивая с дороги в заросли орешника.

— Не умеют,— буркнул Ороен пару минут спустя, вытаскивая из сумок «сменной» лошади свою одежду.— Но люди же не собаки, чтобы отличить настоящий лай от поддельного.

«И наше счастье, что мало кто знает, что вампиры превращаются в волков не только после смерти, но и по собственному желанию»,— подумал маг. Клыками, несмотря на их дурную славу, много не навоюешь, поэтому в бой защитники долин шли исключительно в крылатой ипостаси.

После короткого обсуждения предпочтение отдали проселочным дорогам, где и коня можно вскачь пустить, и такого подозрения у встречных путников не вызовешь — в сторону Догевы почти никто не ехал, в основном по главному тракту возвращались в Белорию остатки войсковых обозов. Настроенные еще мрачнее и недружелюбнее давешней толпы.

Ехали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими деловыми репликами: подай флягу, остановимся на минутку, куда повернуть на развилке?

Не спрашивать же, в самом деле, кто какое участие принимал в боях за Догеву, преувеличенно бодро интересоваться планами на будущее или спорить, чьи женщины красивее, потому что врывающиеся в мирные селения воины не смотрели ни на внешность, ни на возраст...

Впрочем, ребенок не давал мужчинам скучать, громогласно требуя внимания чуть ли не каждые полчаса и кочуя с седла на седло, так что о напряженном молчании и речи не шло.

За день без особых проблем удалось проехать почти половину пути, остановившись на ночевку возле светлой березовой рощицы. Караулить решили по очереди: вампир до часа после полуночи, маг до рассвета, по здравом размышлении отказавшись от использования защитного контура. Ксандр не сомневался, что его тайно, но ищут, и не хотел привлекать внимание коллег резким всплеском магии.

Ребенок, похоже, спать не собирался вообще. В корзинке он вопил так, что в роще не утихло эхо, на руках у Ороена — чуть потише и с минутными паузами. Укараулить что-нибудь в такой обстановке было невозможно, но через пару часов подобного «отдыха» мужчинам стало совершенно безразлично, нападет на них кто-нибудь или нет. В любом случае об обычных предосторожностях вроде сохранения тишины и бездымного пламени беспокоиться уже не стоило. Ксандр думал, что надо бы наконец распределить среди подчиненных ему магов наградные листы и вручить Катиссе орден за мужество (не уточняя, какое именно). Вампир, не меняя тихой воркующей интонации, под видом колыбельной высказывал младенцу свое честное мнение о его недостойном Повелителя поведении...

Забывшись наконец тяжелым неровным сном, маг проснулся в гробовой тишине и, с невероятным трудом разлепив глаза, увидел молча сидящего рядом вампира. Взгляд у Ороена был какой-то нехороший, оценивающий.

— В чем дело?

— Да вот думаю,— медленно проговорил вампир.— Может, загрызть тебя, прикопать и дальше одному ехать? До Догевы меньше полусотни верст осталось, как-нибудь справлюсь...

— Вот когда определишься, тогда и разбудишь,— пробормотал Ксандр, пытаясь перевернуться на другой бок, но Ороен со смешком удержал его за плечо.

— Нет ж, вставай, раз проснулся! Твой черед дежурить, я вообще-то будить тебя шел.

Маг со вздохом отбросил одеяло и сел, чувствуя себя на редкость глупо. Впрочем, умей он читать чужие эмоции, как открытую книгу, тоже не упустил бы повода подшутить над перетрухнувшим, хоть и не подавшим виду спутником.

Стоило Ксандру уступить вампиру нагретую постель, размять ноги небольшим обходом и подбросить дров в костер, как ребенок решил, что хорошего помаленьку, и снова разразился громким плачем.

— И откуда в тебе столько звука берется? — обреченно поинтересовался маг, беря его на руки. Младенец на мгновение замолчал, недоверчиво разглядывая человека, а потом наглядно продемонстрировал, что это отнюдь не предел его вокальных возможностей.

— Зачем ты его дразнишь? — не выдержал Ороен, безуспешно пытавшийся использовать лежак по назначению.

— Я? — возмутился Ксандр, делая робкую попытку укачать безостановочно орущий сверток, но добился лишь прерывистости воплей, действовавшей на нервы еще больше.— Сам бы попробовал его успокоить!

— Я пробовал, три часа подряд! — Ороен, не желая повторять свой подвиг, малодушно укрылся одеялом с головой. Особой пользы это не принесло: вопли безо всяких помех проникали сквозь плотную ткань, зато разобрать, что бубнит изнутри вампир, магу теперь не удавалось. Тем более он, кажется, уже оглох на правое ухо, имевшее неосторожность находиться на пядь ближе к источнику звука. Ксандр с тоской глянул на лежак, на котором рассчитывал вполглаза подремать до рассвета и, не удержавшись, язвительно напомнил:

— Между прочим, это надежда твоей долины, вот ты ее и успокаивай!

— Но сейчас твоя очередь дежурить! — не остался в долгу Ороен.

Ксандр вздохнул, безнадежно потряс сверток и уже серьезно заметил:

— Если он не прекратит вопить, через полчаса сюда сбежит вся окрестная нежить. Младенческий плач для нее как магнит, ни одна тварь не откажется им полакомиться.

Вампиру волей-неволей пришлось покинуть свое эфемерное убежище и присоединиться к коллеге по несчастью. Ребенок охотно поддал жару, дабы ни одна из нянек не чувствовала себя обделенной.

— В мою смену он так не орал,— озабоченно заметил Ороен.— Может, тряпку надо сменить?

— Я проверял, все в порядке,— раздраженно отмахнулся Ксандр.— И есть он не хочет. Я уж от отчаяния даже заклинанием его усыпить пытался ...

— На светловолосых магия не действует. Они инстинктивно ее отражают.

— Да неужели? — съязвил маг.— Ни за что бы не догадался!

— А на меня-то зачем злиться? — обиделся вампир.

— Ну не на него же,— резонно заметил Ксандр.— Какие еще проблемы могут быть у ваших младенцев?

— Как и у ваших,— пожал плечами вампир.— Чего-то испугался, животик заболел...

— Животик? У вас же до двухсот лет вообще болезней не бывает!

— Так это и не болезнь,— резонно заметил вампир.— Обычные детские колики — может, молоко слишком жирное или кислое попало, или перекормили.

— И что же нам теперь делать? — беспомощно поинтересовался маг, с трудом вклинившись между двумя воплями.

— Ничего. Тут травница нужна,— вздохнул вампир.— Раньше-то ты с ним как управлялся?

— Первый месяц его вообще не слышно было,— с тоской вспомнил Ксандр.— А потом мои помощники им занималась, я только изредка забегал. А у тебя дети есть?

Ороен отрицательно покачал головой. Та любимая и единственная, от кого бы он их завел, вышла замуж за другого, и он давно уже с этим смирился... впрочем, сейчас это не казалось ему такой уж огромной потерей.

— Тебя, полагаю, можно не спрашивать?

— Могу ответить. И не будет!

Мужчины тоскливо переглянулись и со внезапно нахлынувшей симпатией подумали, что, пожалуй, вампиров и людей разделяет не такая уж и широкая пропасть, если мостиком через нее может стать обычная детская корзинка...

Еле дотерпев до рассвета, еще не друзья, но уже и не враги снова забрались в седла. Стоило лошадям тронуться с места, как рев сменился плачем, потом редкими всхлипами и, наконец, — вожделенной тишиной, нарушить которую маг и вампир не смели даже шепотом, перейдя на общение выразительными знаками.

Через пару часов взошло солнце. Стало жарко, над выжженным, только-только начавшим обрастать молодой травкой полем зажурчали трели жаворонков. Кобыла Ксандра наступила на обрывок кольчуги, запуталась и испуганно прынула в сторону, волоча за копытом звенящее кружево. Маг поспешно натянул поводья и, спрыгнув, отцепил от разболтавшейся подковы застрявшее под ней колечко. Прочитал короткое заклинание, чтобы она окончательно не отвалилась посреди дороги кому-то на счастье, боязливо прислушался, но корзинка по-прежнему хранила блаженное молчание. И десять минут спустя, и час, и два...

Ороен не выдержал первым.

— Слушай, а вдруг он уже есть хочет? Но ночью так накричался, что сейчас даже пискнуть не в силах?

Маг повернул к нему осунувшееся лицо с красными от недосыпа глазами. Никакая нежить ночью так и не появилась — видимо, побоялась, что вконец озверевшие мужчины припрягут ее к неблагоприятному делу по укачиванию несостоявшегося обеда. Но лучше бы Ксандру пришлось иметь дело с десятком упырей, чем с одним раскапризничавшимся младенцем!

— Если он чего-нибудь захочет, — выразительно сказал маг, — мы сразу об этом узнаем!

Вампир не посмел настаивать. Он и сам только-только задремал в седле, так что следующие полчаса прошли в тишине — увы, уже не казавшейся мужчинам такой блаженной. Ксандр с трудом удерживался от искушения распотрошить обвязанную тряпкой корзину и убедиться, что маленький паршивец сладко спит, а не отдает концы или — о ужас! — по какой-то жуткой ошибке забыт на привале.

Наконец маг сдался и, притормозив, осторожно заглянул в корзину.

Больше таких экспериментов не делали. В отличие от мужчин ребенок успел прекрасно отдохнуть и отоспаться, за последующие четыре часа с лихвой выполнив и перевыполнив дневную норму.

— И почему ты меня ночью не загрыз?!

— Какое счастье, что я этого не сделал!

Корзинку в данный момент вез маг, что отнюдь не радовало его кобылу (до этого вампир около часа ждал Ксандра неподалеку от деревушки, куда тот отправился за молоком и имел неосторожность вернуться, так что отвертеться от почетной ноши ему не удалось).

Ко времени ночного привала до Догевы оставалось всего несколько верст, но лесом, соваться в который по темноте с конями путники не рискнули. Тем более даже вампир не мог дать гарантии, что его соплеменники встретят незваных ночных гостей с распростертыми руками. С распростертыми зубами — куда вероятнее, так что утро намного больше подходило для первого... ну не дружеского, но хотя бы нейтрального контакта.

На этот раз первое дежурство выпало магу. Ороен с полчаса поворочался, поморщился, но все-таки уснул. Ребенок, для разнообразия — тоже, и Ороен, на всякий случай не спуская его с рук, начал малодушно клевать носом.

За что пару часов спустя и поплатился. Роковая ошибка выглядела как дюжинный отряд бывших легионеров, он же банда нынешних мародеров со взведенными арбалетами. Когда Ксандр поднял голову, а Страж, даже сквозь глубокий вампирый сон почувствовав присутствие чужаков, беспокойно шевельнулся и открыл глаза, разбойники уже обступили их стоянку и, видя, что серьезного отпора здесь не предвидится, окончательно осмелели.

— Ага.— Главарь вразвалочку подошел к костру, по-хозяйски заглянул в котелок.— Сидят, голубчики. Огоньком греются. И кулеша, гляди-ка, нам уже наварили... Да ты сиди, мужик, сиди, не беспокойся, мы сами себя обслужим!

Мародеры вразнойбой, но одинаково мерзко захохотали.

— А это у нас чего? Никак упырь? — Разбойник кончиком меча заставил злобно ощерившегося Ороена приподнять голову.— Надо

же, как нам сегодня свезло! И за клыки можно у знахаря горсть монет выручить, и на доху мне как раз одной шкуры не хватает...

— Война закончилась,— холодно сказал маг, прижимая к себе снова начавшего попискивать ребенка.— И в случае чего вас будут судить по законам мирного времени, как разбойников и убийц.

— Что ты сказал? — Главарь глумливо приставил ладонь к уху.— Что там у этого хмыря кончилось, э? Ничего не расслышал! Зато вот чего скажу: лес вокруг глухой, королевские глашатаи вечно с вестями запаздывают, а наше дело маленькое — сказали нежить изничтожать, мы и рады стараться. Верно, ребята?!

Банда отозвалась согласным гулом и придвинулась еще ближе. Двое, ничуть не стесняясь владельца, беззастенчиво рылись в чересседельных сумках, отшвыривая бесполезные, с их точки зрения, вещи.

— Почему бы вам просто не забрать деньги и лошадей и не убраться отсюда? — предложил Ксандр. Унижаться перед подобным отребьем было невыносимо противно, но нацеленные со всех сторон арбалеты и занятые ребенком руки сводили на нет все его магические способности.— Мы лю... путники мирные и шума поднимать не будем.

— Э, нет, мил человек,— осуждающе покачал головой главарь.— Ты, мнится мне, обмануть бедных лесных мужичков хочешь. Думаешь, не вижу, что ты колдун? И только покуда мы тебя на прицеле держим, не рыпаешься? А когда мы сдуру денежки возьмем и, откланявшись, спиной к тебе повернемся, тут-то ты нам в нее молнию какую и влепишь. Нет уж, придется тебя, болезного, вместе с упырем кончать...

Ксандр ни на секунду не усомнился в серьезности их угроз. Свидетели мародерам и в самом деле ни к чему — они же намерены через недельку-другую, когда кончатся хлебные деньки послевоенной суматохи, вернуться домой героями. Не признаваться же женам и детям, что привезенное ими золото не взято с бою в захваченном вражеском обозе, а снято с трупов мирных жителей, зачастую — своих же, людей...

Лицо мага исказилось от ужаса, он попытался было что-то пролепетать, но вместо этого побледнел, закатил глаза и повалился на спину, выпустив ребенка из рук — да так неудачно, что тот шлепнулся с лежака на землю. Будь на месте Ороена любящая мамочка младенца, она бы либо сама упала в обморок, либо, невзирая на арбалеты, кинулась проверять, все ли в порядке с ее драгоценным чадом, а разбойники без колебаний истыкали стрелами всех троих. Но, на что Ксандр и рассчитывал, по другую сторону костра сидел хоть и верноподданный, но разъяренный, не выспавшийся и оттого еще более злой вампир, который без колебаний набросился на ближайшего разбойника, по чистой случайности оказавшегося главарем. Тот успел спустить тетиву, но Ороена это не остановило — вампир

сгреб человека за шиворот и рывком развернул спиной к друзьям, тоже поспешившим разрядить арбалеты. Главарь не успел даже крикнуть, только выгнулся дугой и захрипел, когда его тело пробило сразу четыре болта.

Никому и в голову не пришло для верности пальнуть в потевшего сознание мага — а совершенно напрасно. Боясь задеть вампира, Ксандр ограничится простым силовым пассом, подкосившим колени и вышибившим из рук оружие, и приготовился было орудовать мечом, но оставшиеся без главаря разбойники не приняли боя, бросившись врассыпную.

— Мразь,— сплюнул маг, убирая меч в ножны и наклоняясь за ребенком. Судя по интонации — если это слово вообще применимо к непрерывной вибрирующей трели — и выражению сморщенного от рева личика, тот не столько испугался, сколько возмутился, приготовившись долго и жестоко мстить за столь бесцеремонное обращение.

Ороен, помедлив, разжал руки, и мертвое тело мешком осело к его ногам. Поморщившись, нашарил засевший в боку болт и, выдернув, швырнул в костер.

— Вот ты его теперь и успокаивай,— только и сказал он проштрафившемуся караульному, возвращаясь на лежак и с головой укрываясь одеялом.

Ксандр всерьез задумался: а не потерять ли ему сознание понастоящему?

Лес горел совсем недавно — сверху еще осыпались черные хлопья бышей листы, горький сизоватый воздух першил в горле. Уцелели только самые высокие и зеленые деревья — занявшийся до самых макушек сухостой валялся на земле в виде доглевающих колод, а от подроста остались лишь обугленные прутики стволов.

Ороен бросил на мага быстрый, вроде бы ничего не выражающий взгляд, но Ксандр пристыженно прикусил губу и потупился, хотя причиной пожара стали вовсе не пульсары или прочие огненные магические штучки: в лесу их не использовали, да и маги уже месяц как отказались от участия в войне. Люди превосходно обошлись катапультами с облитыми смолой и подожженными ядрами.

Да, я маг. Я первым выступил на Совете с гневной и пламенной речью, убедив междурасовый Ковен Магов, до сих пор старавшийся держаться в стороне от политики, прекратить войну, приняв ради этого сторону вампиров.

Но я еще и человек. И все равно виноват — в том, что не сделал этого раньше... что вообще позволил войне начаться...

— Orroen?! T-ta irra, kasshen!

— Trenn, in'sa! — охотно откликнулся Ороен, приветственно махнув рукой невидимому Стражу.— Thail'letta, na gren, weris Lan Kielanna!

— Klea, dsai w'est!

Из кустов так никто и не вышел, но вампир заметно оживился:

— Он сообщит о нашем прибытии и позаботится, чтобы мы беспрепятственно добрались до города.

— Прекрасно, — с облегчением вздохнул маг, наконец-то позволив себе расслабить плечи. Хотя и до этого отлично понимал, что стреле совершенно все равно, в какую спину втыкаться — прямую или ссутуленную.

Пепелища домов и выжженные просеки встретились на их пути еще не раз. Но были и аккуратно расчищенные полянки, заново вспаханные поля и свежие, только что сложенные срубы с костяками-стропилами будущих крыш. Долина понемногу восстанавливалась — а теперь, с возвращением Повелителя, у нее и в самом деле появилась надежда на возрождение.

Центр города война почти не затронула. У эффектного фонтана посреди площади стояла стройная — пожалуй, даже художавая — женщина в черном облегающем костюме, выжидательно сложившая руки на груди и безо всякого энтузиазма наблюдавшая за приближением мага. Легкий ветерок ворошил коротко, неровно остриженные волосы — то ли опаленные, то ли наспех обкорнанные ножом, чтобы не мешали в бою.

Ксандр заглянул ей в глаза — и содрогнулся. Черные, пронзительные, глубоко запавшие от усталости и такой же застарелой ненависти... и совершенно мертвые. Маг подумал, что, если бы Догеве пришлось-таки принять заключительный, отмененный в последний момент бой, эта женщина без раздумий бросилась бы на врага даже с голыми руками — беспощадно мстить за тех, кого потеряла.

Охраны возле нее не было, но все проходящие в тот момент по площади женщины (ни одного мужчины Ксандр не заметил — видимо, те занимались восстановлением долины, да и немного их осталось) на всякий случай задержались и настороженно присматривались к человеку, готовые, чуть что, броситься ей на выручку.

Ребенок выбрал просто идеальный момент, чтобы сообщить миру о своем очередном недовольстве оным.

Это стало последней каплей. Вернее, пронзительным, насквозь пробуравившим голову воплем. Измученный, еле стоящий на ногах маг, несколько дней готовивший дипломатическую речь, неожиданно понял, что ему глубоко плевать, что подумает о нем Верховная Догевская Травница, неофициально возглавляющая Совет Старейшины Долины. Да пусть хоть загрызет на месте, лишь бы наконец-то полежать в тишине и покое!

И, без положенных церемоний шагнув вперед, молча протянул ей свою ношу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА	7
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА	339
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА	623
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ	917
<i>Игорь Черный</i> . Обретение мастерства, или Странствия ведьмы. О «В. Реднинском» цикле произведений Ольги Громыко . . .	1081